

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/340580010>

Полоцкая академия 1812–1820

Book · April 2020

CITATIONS

0

READS

2

1 author:

Vladimir Bogonenko

Polotsk State University

11 PUBLICATIONS 0 CITATIONS

SEE PROFILE

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

Civil law [View project](#)

Energy Law [View project](#)

В. А. БОГОНЕНКО

**ПОЛОЦКАЯ
АКАДЕМИЯ
1812–1820**

Минск
Издатель А. Н. Вараксин
2017

УДК 94(476.5-21Полоцк)
ББК 63.3(4Беи)
Б74

В оформлении обложки использован рисунок
Наполеона Орды и фотография С.М. Прокудина-Горского

Богоненко, В. А.

Б43 Полоцкая академия. 1812–1820 / В. А. Богоненко. – Минск :
А. Н. Вараксин, 2017. – 156 с.
ISBN 978-985-7147-72-4.

Издание является первым в Беларуси комплексным исследованием, посвященным Полоцкой академии, открытие которой состоялось в 1812 году. Рассматривается история создания академии, приравненной в правах к университету, ее внутреннее устройство и порядок обучения. Значительное внимание уделено преподавателям и лицам, обучавшимся в академии, их нравам и быту.

Основу работы составляют ранее не переведившиеся на русский язык французские издания XIX века, польские издания, а также архивные материалы, касающиеся рассматриваемой темы. Используются также уникальные по своему содержанию свидетельства современников, так или иначе причастных к деятельности академии, в том числе и тех, кто провел в стенах коллегиума, а затем и академии большую часть своей жизни.

Издание будет интересно всем тем, кто интересуется историей образования и в целом историей Полоцкой земли.

**УДК 94(476.5-21Полоцк)
ББК 63.3(4Беи)**

ISBN 978-985-7147-72-4

© Богоненко В. А., 2017
© Оформление. А. Н. Вараксин, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Исторические предпосылки создания Полоцкой академии	6
§ 1. Коллегиум	6
§ 2. Новициат	33
§ 3. Открытие Полоцкой академии	43
Глава II. Структура Полоцкой академии	56
§ 1. Административные и учебные подразделения	56
§ 2. Библиотека	66
§ 3. Обеспечение быта и хозяйства	74
Глава III. Преподавание в Полоцкой академии	84
§ 1. Преподаватели	84
§ 2. Учебные дисциплины	98
§ 3. Правила обучения и производства в ученые степени	110
§ 4. Обучаемые и выпускники	124
Приложение 1	137
Приложение 2	141
Приложение 3	146

ВВЕДЕНИЕ

Прошло более двухсот лет со дня открытия в Полоцке академии, наделенной правами и преимуществами университетов Российской империи. Создание академии в Полоцке примечательно тем, что по времени совпало со сложным и длительным процессом становления университетского образования в Российской империи. В России появление университетского образования в виде организованного и системного явления связывается с созданием университетов в Москве (1755 г.), Казани (1804 г.), Харькове (1804 г.), Вильне (1803 г.), Петербурге (1819 г.). Открытие академии в Полоцке стало заметным историческим явлением, сопровождавшимся важными политическими событиями и развитием центров образования и научной деятельности. Тем удивительнее выглядит тот факт, что до настоящего времени сведения о Полоцкой академии представляют собой разрозненные и эпизодические материалы, содержащиеся в источниках, посвященным самым различным историческим событиям, например, таким как Отечественная война 1812 года. Кроме того, такие материалы, как правило, содержатся в иностранной литературе: в польской, французской, немецкой, итальянской, испанской и частично в русскоязычных изданиях. Наиболее известно польское издание «*Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych*» (Kraków: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1905), и лишь узкому кругу исследователей оказались доступны такие издания, как «*Les Jésuites de la Russie-Blanche*» (Paris, Letouzey et ané, 1886) Станисласа Заленского¹ и «*La Compagnie de Jésus en Russie*» (автор Руэ де Журнель, Paris Librairie Académique Didier, 1922). Известен также труд М. Морошкина «Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть первая обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I» (Санкт-Петербург, 1867). Интересное описание Полоцкой иезуитской коллегии и академии содержится в работе А. П. Сапунова «Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке» (1890 г.).

Недостатком большинства ранее изданных работ является то, что в них первостепенное внимание уделяется описанию полити-

¹ Переводчик с польского парижского издательства указывает автора как Станисласа Залеского, что не совпадает с выходными данными изданной книги. Книга представляет огромный интерес, так как написана одним из наиболее известных иезуитов, прекрасно знакомым с положением Общества Иисуса на территориях Российской империи, в том числе с обучением и бытом иезуитов.

ческих событий, так или иначе связанных с деятельностью иезуитов, отношениям внутри самого Общества Иисуса, дипломатии и многочисленным интригам. На заднем плане оставалась система образования, созданная иезуитами с ее интереснейшими подробностями, касающимися учебных дисциплин, преподавателей, правил обучения, издательской и хозяйственной деятельности. Одним из редких исключений стала монография Т. Б. Блиновой «Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения)» (2002 г.). Однако в этой работе говорится в целом об образовательной деятельности иезуитов в Беларуси и без акцента на иные стороны их существования. Отдельные темы, смежные с основной темой, раскрываются в единичных диссертационных исследованиях, посвященных образованию или производству в ученые степени в Российской империи. В качестве примера можно назвать диссертацию О. П. Мелешко «Развитие законодательства о производстве в богословские ученые степени в Российской империи» (2008 г.), диссертацию Г. А. Перковской «Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX века» (2005 г.), диссертацию Т. И. Каграмановой «История присуждения ученых степеней в Российской империи: анализ источников и научной литературы» (2004 г.), а также диссертацию А. Я. Якушева «Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России (1747–1918): история и опыт реализации» (1998 г.).

В настоящей работе впервые сделана попытка систематизировать разобщенный ранее материал и представить в виде единого источника информацию о Полоцкой академии. Важнейшая особенность настоящей работы в том, что при ее подготовке использовалась ранее не переводившаяся на русский язык литература и, таким образом, достоянием гласности становятся многие, ранее неизвестные факты, касающиеся открытия и деятельности Полоцкой академии. Важнейшим результатом настоящего исследования стало в буквальном смысле открытие новых имен преподавателей и выпускников Полоцкой академии, описание их деятельности, взглядов и характеров.

По твердому убеждению автора, невозможно изложить материал о Полоцкой академии без описания Полоцкого иезуитского коллегіума, поэтому значительное внимание уделено также и ему.

Глава I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ПОЛОЦКОЙ АКАДЕМИИ

§ 1. Коллегиум

Исторические предпосылки и условия, способствующие созданию в Полоцке академии, достаточно хорошо известны и описаны в многочисленных источниках. Период времени, в течение которого происходили события, связанные с открытием Полоцкой академии – это период становления и укрепления в Российской империи Общества Иисуса, более известного как орден иезуитов. Расцвет этого времени пришелся на последнюю четверть XVIII века, когда членам иезуитского общества юго-западных губерний России и Литвы предписывалось действовать в интересах русского правительства.¹ Здесь следует обратить внимание на следующее весьма важное обстоятельство: возможность активной деятельности иезуитов, в том числе в сфере образования, обеспечивалась системой созданных ими за долгие годы существования Общества Иисуса многочисленных коллегиумов. Представление о коллегиумах необходимо для понимания выстроенной иезуитами системы образования, а также приемов и методов обучения.

Вне всякого сомнения, наряду с принятой у иезуитов системой управления, основой их жизнедеятельности, обеспечившей быстрое распространение, развитие и совершенствование Общества Иисуса во многих странах, стала система коллегиумов. В большинстве источников коллегиумы описываются исключительно как места, предназначенные для обучения. В действительности, коллегиумы следует воспринимать как достаточно сложное образование, сочетающее в себе материальные и духовные основы жизни иезуитов. В уставе ордена, который представил Павлу III основатель Общества Иисуса Игнатий Лойола, говорилось о том, что члены ордена «...могут иметь при университетах коллегии и для этих коллегий могут нанимать имение и другое имущество, с

¹ Морошкин, М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть первая обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I / М. Морошкин. – Санкт-Петербург. – 1867. – С. 72.

доходами и процентами с них, дабы обращать их на пользу и надобности учащихся. Надзор за коллегиями и учащимися, управление ими и их доходами принадлежат одному генералу и уполномоченным от него братьям. Они заведуют всем, что касается приема, увольнения, возвращения и исключения учителей, смотрителей и учеников, также ведения устава, правил и положений, обучения и руководства для учащихся, наставления их, наказания, пищи и одежды – словом, всего, что касается воспитания, попечения и управления... Все доходы с коллегиальной собственности должны употребляться на воспитание учеников; по достижении ими достаточных познаний в науке, общество может, при тщательном испытании, принимать их в свою среду и давать места учителей».²

Ознакомление со свидетельствами самих членов Общества Иисуса позволяет нарисовать точную картину коллегия и понять его историческое значение. Уникальные свидетельства представлены Станиславом Залеским, который «лично знал 35 иезуитов Белоруссии», продолжительное время переписывался с ними и «в течение 27 лет имел счастье проживать в разных домах...». По словам Залеского, в Обществе Иисуса наименование *collège* применялось главным образом во многих домах, в которых молодые верующие обучались наукам; и во вторую очередь, там, где молодые люди получали знания извне. Поэтому, говорит Залеский, было бы ошибкой ограничивать наименование *collège* лишь последним значением. Кроме того, в этих коллегиях также проживали верующие, занятые в различных апостольских ведомствах. Здесь же Залеский отмечает: «Места проживания, в сущности, были началом коллегий, где нас обучали в одном из классов, но которым с течением времени суждено было стать полноценными коллегиями».³ Таким образом, с точки зрения исторической ретроспективы, коллегия иезуитов, с одной стороны, представляли собой динамичную форму развития Общества Иисуса как нового ордена, а с другой, первоначальную и обязательную форму устройства обучающихся и обучаемых в системе правил и требований, обеспечивающих изучение самых различных учебных дисциплин и наук. Было бы ошибочным

² Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 65.

³ Zaleski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zaleski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P.8. (В издательских данных неточно указана фамилия автора, как Заленский. В действительности, речь идет о Залеском. И именно Залеский, как автор, указан при переводе с польского языка на французский).

видеть в коллегиях некое заскорузлое, консервативное образование, основанное только лишь на строгих церковных канонах и послушании. Доступные для исследования материалы, датированные XVIII и началом XIX веков, говорят о существовании в пределах выстроенной иезуитами системы разногласий и дискуссий, в том числе относительно способов обучения и содержания преподаваемых дисциплин и используемых книг. Дома иезуитов были подчинены юрисдикции университетов. Важно было избавить коллегии от внутренних разногласий, которые продолжали генерировать их дух и препятствовать будущему. Дискуссии проводились не один раз между университетом в Вильно и отцами Общества иезуитов Полоцка. Университет желал придирчиво присматривать и давать подробные предписания, по своей сути изменяя образование, даваемое иезуитами, вмешивался в их работу и развитие, хотел, чтобы молодежь, выходя из коллегии, получала дополнительные наставления. Университет в Вильно, усиленный большим числом иностранных докторов и космополитических регентов, впоследствии продемонстрировал антикатолические принципы. Он имел бесспорное право исповедовать государственную религию и требовать, чтобы та же религия уважалась на всех кафедрах, но это право не распространялось на обсуждения с другими российскими подданными. Здесь (т. е. в Полоцке. – В. Б.) иезуиты, как и везде, свободны. Подчиняясь проверкам университетских визитеров, отцы не противостоят строгим экзаменам, которые сдают их ученики. Хотя такое состояние правовой неопределенности в любом случае вредит Обществу Иисуса, утверждая в сознании раздражение.⁴

Создание Полоцкого иезуитского коллегияма закрепляла Жалованная грамота польского короля Стефана Батория от 20 января 1582 года на основании в Полоцке иезуитской коллегии и на подчинение ей всех полоцких православных церквей и монастырей.⁵ Вместе с Баторием в Полоцк прибыли и первые иезуиты: Станислав Ленчинский, Ян Аланд и Войцех Гипциуш. Баторий присутствовал при закладке их «Коллегияма в Полоцке 1580 г. июля 2-го

⁴ Crétineau-Joli, Jacques. Histoire religieuse, politique et literature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques / Jacques Crétineau-Joli. – 3 e edition. – 1851. – p. 5–6.

⁵ Национальный исторический архив Республики Беларусь. Витебская старина, Т. 5, н. и. № 805.

дня».⁶ Следовательно, можно сделать вывод о том, что права иезуитов на возведение комплекса зданий и обустройство Общества Иисуса были закреплены только после торжественной церемонии закладки коллегиума.

Начало долгой истории Полоцкого коллегиума связано с именем Петра Скарги (светское имя – Петр Повеский, Powęski), известного иезуита, писателя, проповедника, великолепного оратора и полемиста. Считается, что именно Петр Скарга занимался учреждением Полоцкого коллегиума. По свидетельству иезуита Станислава Ростовского, «в праздник св. апостолов Петра и Павла (29 июня) Петр Скарга, смотря из замка издали на улицы и дома города, заметил площадь и на ней храм, посвященный по Фотианскому обряду блаженным апостолам Петру и Павлу, а близ него жилые строения, обитатели которых, как бы предупрежденные и пораженные неведомо каким страхом, без сопротивления уступали их входившим гостям и поспешно переселялись в другие места. И так это место, столь быстро оставленное пружними обитателями, явно Самим Промыслом Божиим было назначено братии».⁷

Стефан Баторий. Портрет Марчело Баккарели.

⁶ Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. Составлены генерал-майором Мих. Осип. Без-Корниловичем / М. О. Без-Корнилович. – Санкт-Петербург. В типографии III Отд. Собст. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – С. 86.

⁷ Сапунов, А. П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке / А. П. Сапунов. – Витебск: Типография Губернского правления, 1890. – С. 4–5.

Скарга родился в 1536 году в местности, прилегающей к Варшаве. С 1552 по 1555 год изучал в Краковском университете философию, где и стал бакалавром. Руководил парафиальной школой в Варшаве. С 1560 по 1562 год пребывал в Вене. Около 1564 года был рукоположен в сан священника и спустя несколько лет стал новицием в Риме, а предположительно в 1569 году вступил в Общество Иисуса. С 1564 по 1568 год жил во Львове и по прошествии десяти лет стал первым ректором Виленской академии (1579–1584). Умер в 1612 году в Кракове. После него остались его известные труды «Жития святых» («Żywoty świętych») и «Парламентские проповеди» («Kazania sejmowe»).

Исторические источники свидетельствуют о том, что в 1580 году были заложены лишь основы создания Полоцкого коллегіума, с последующим соблюдением юридических формальностей в 1582 году. Сам же процесс становления коллегіума как места постоянного пребывания иезуитов растянулся на многие годы и сопровождался строительством новых построек, развитием внутреннего хозяйства и системы обучения, а также исполнением апостольских обязанностей. Таким образом, следует говорить о появлении в 1580–1582 гг. в Полоцке не коллегіума, но миссии, а затем уже дома иезуитов, который со временем стал коллегіумом. Сопоставление исторических фактов и свидетельств позволяет сделать вывод о том, что в 1585 году резиденция иезуитов в Полоцке была возведена в разряд коллегіи. Данная дата представляется достаточно достоверной, поскольку в исторических источниках можно встретить упоминание о создании в Полоцке в 1584 году иезуитской школы.⁸

В период с 1582 года и вплоть до конца XVIII века исторические события, происходившие на землях Речи Посполитой вплоть до ликвидации этого государственного образования, сопровождались распространением иезуитских миссий, домов и коллегіумов. В значительной степени такое распространение осуществлялось за счет активности польской части Общества Иисуса. Так, до 1756 года польские иезуиты были разделены на две провинции: провинции Польши и Литвы. В первой было 1145 верующих, во второй – 1116; всего – 2261. Среди них – 1054 священников, 585

⁸ См., например: Inglot, Marek SJ. Kolegium księży jezuitów w Iłkuście. / Marek, Inglot SJ. – Kraków: Wyższa Szkoła. – Filozoficzno-Pedagogiczna / «Ignationum». – 2000. – 95 s.

схоластов и 642 братьев.⁹ Двух провинций было недостаточно для управления таким количеством людей, хотя в каждой из них имелось по два секретаря. Поэтому очередная Генеральная конгрегация разделила все территории на четыре провинции. В 1772 году в четырех провинциях было коллегийумов – 51, резиденций – 18, миссионерских домов – 60.¹⁰

Таким образом, видно, что коллегийумы получили достаточно большое распространение и стали явлением, свидетельствующим об укоренении Общества Иисуса на достаточно больших территориях, в том числе и тех, которые вошли в конце XVIII века в состав Российской империи.

Последняя четверть XVIII века – это период, когда коллегийум в Полоцке полностью состоялся как ключевой элемент в сложной системе управления, образования и отправления апостольских обязанностей. Хотя и разобщенные, но разнообразные исторические свидетельства позволяют воссоздать достаточно полный образ Полоцкого коллегийума, что дает возможность понять и охарактеризовать все последующие события, связанные с созданием в Полоцке академии. Кроме того, большой интерес представляет описание коллегийума как комплекса зданий, включающего строения, возведенные в течение нескольких сотен лет и представляющих, таким образом, огромную историческую ценность. Большая часть свидетельств о Полоцком коллегийуме сохранилась в иностранной литературе, церковных документах и архивных фондах. Иностранный сегмент источников о коллегийуме традиционно считался наиболее трудным для ознакомления в силу самых различных причин как объективного, так и субъективного характера. В русскоязычной литературе сведения о Полоцком коллегийуме, как правило, преподносятся в связи с изложением материала, касающегося политических событий, происходивших в основном в Речи Посполитой и Российском государстве. Другой распространенный формат подобных сведений связан с характеристикой многих известных личностей, которые были участниками исторических событий, или прямо, или опосредованно соприкаса-

⁹ *Catalogus Personarum et Officiorum Provinciae Poloniae Soc. Jesu ex a. 1755 in 1756.* – Item: *Prov. Lithuaniae. Vilnae, 1756.*

¹⁰ *Zalenski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche» / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 5.*

лись с историческими событиями, происходившими как в самом Полоцке, так и в других городах и странах. В частности, ценные сведения, примыкающие к истории Полоцкого коллегиума, связаны с такими городами, как Рим, Париж, Мадрид, Лиссабон, Вена, Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Вильно и многими другими. И особую нишу занимают источники, относящиеся к многочисленным войнам, когда в их орбиту вовлекался Полоцк.

Полоцкий коллегиум как комплекс зданий в своем законченном виде в целом сформировался на рубеже XVIII–XIX веков. Здесь следует говорить именно о территории, располагавшейся ближе к Верхнему замку Полоцка, на которой изначально велось строительство зданий собственно коллегиума. Как известно, места пребывания иезуитов в разное время не ограничивались лишь только этой территорией, а охватывали собой и многие иные территории Полоцка с находившимися на них строениями. Неслучайно в лексиконе иезуитов активно использовалось такое выражение, как «загородный дом». Загородные дома иезуитов располагались за пределами основной застройки коллегиума и предназначались для самых разнообразных нужд, в том числе таких, как исполнение апостольских обязанностей, для проживания и отдыха иезуитов и даже их захоронения. Например, после своей смерти, последовавшей в Санкт-Петербурге в 1805 году, «за оградой загородного дома иезуитов» в Полоцке был похоронен генерал общества Габриель Грубер.¹¹ Долгое время иезуитам принадлежали строения Спасского монастыря, находившегося за городом. В этом монастыре размещались кельи иезуитов, где они проводили достаточно большую часть своего времени. По воспоминаниям одного из учеников, «священники в теплые месяцы ходили в усадьбу иезуитов, называемую Спас, где была небольшая церковь, в довольно красивой деревне, и там они давали нам чай».¹² Вместе с тем, изучение исторических свидетельств говорит о большом разнообразии форм пребывания и существования иезуитов в пределах городских или пригородных территорий. Поэтому зачастую

¹¹ Rouet de Journal, M. J. La Compagnie de Jésus en Russie un college de jésuites a Saint-Petersbourg / M. J. Rouet de Journal. – 1800–1816. – Paris, Librairie académique Didier. – Perrin et C, Librairie-Éditeurs 35, Quai des Grands-Augustins, 35. – 1922. – P. 126.

¹² Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych» (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 129.

достаточно сложно осуществить идентификацию того или иного места пребывания иезуитов и точно определить его расположение относительно самого коллегиума. Известно, что в каждой провинции иезуитов различали новициаты, дома послушничества, коллегиумы, дворянские пансионаты, резиденции и миссионерские дома. Тем не менее, документы и литература указывают на то, что все вышеперечисленные места необязательно располагались по отдельности, и вполне допускалось их совместное месторасположение. Основной причиной появления новых зданий и сооружений стала потребность в расширении образовательной и пастырской деятельности Общества Иисуса, вызванная необходимостью соответствовать статусу мирового иезуитского центра после того, как Общество Иисуса было упразднено – бреве Dominus ac Redemptor (21 июля 1773 г.) Папы Климента XIV. Таким образом, этот период времени стал наиболее плодотворным в деятельности иезуитов на территории Белоруссии и оказал благотворное влияние на развитие городских территорий и их благоустройство.

Здания и сооружения иезуитского коллегиума как материальные объекты представляют большой интерес с точки зрения истории и архитектуры и, несомненно, заслуживают квалифицированной оценки специалистов. Вместе с тем, изучение различных исторических источников позволяет сделать вполне определенные выводы относительно

Полоцк. Костел Святого Стефана и коллегиум иезуитов.

внешнего вида и расположения зданий Полоцкого коллегиума, какими они представлялись на рубеже XVIII–XIX веков. Прежде всего нельзя не учитывать то обстоятельство, что возведение зданий и сооружений коллегиума в Полоцке заняло достаточно длительный период времени, исчисляемый несколькими веками. По одной из версий, первое строительство началось в 1588 году с закладки костела Св. Стефана и иезуитских школ.¹³ Однако из архивных источников можно сделать вывод о том, что строения стали возводиться вскоре после занятия Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 году. Первоначально место, которое впоследствии будет застроено зданиями иезуитов и с которым ассоциируется Полоцкий иезуитский коллегиум, с одной стороны примыкало к границе Верхнего замка, а с другой – к городской площади, на которой находился рынок и примыкавшее к нему кладбище с шестью домами городских жителей. Эти жители были отселены в другое место, дабы не препятствовать возведению построек иезуитов.¹⁴ Предполагается, что на этой территории самым первым был заложен деревянный костел и к тому же на месте православной церкви.¹⁵ Костел возводился под началом уроженца Мазовии Валенты Будака. Принимал участие в строительстве и архитектор из Восточной Пруссии Освальд Крюгер.¹⁶ Другие постройки, возводимые иезуитами, также были деревянными и гибли от пожаров или разбирались во время многочисленных войн. На

¹³ Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. Составлены генерал-майором Мих. Осип. Без-Корниловичем / М. О. Без-Корнилович. – Санкт-Петербург: В типографии III Отд. Собст. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – С. 86.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 823, оп. 3, ед. хр. 43.

¹⁵ Говорский, К. Исторические сведения о Полоцком Софийском соборе / К. Говорский // Вестник Юго-западной России, февраль, Т. III. – Киев, 1864. – С. 81–82.

¹⁶ См. Квитницкая, Е. Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – 1969. – № 18. Более точная информация: Освальд Крюгер (1598–1665) – иезуит и астроном. Родился в Пруссии. В университете Вильно преподавал теологию. Известно также, что занимался астрономией в Гданьске и умер предположительно в Гродно. Написал несколько трактатов, в том числе «Theoremata». Его «Центурия Astronomica» (Вильнюс, 1637 г.) стала воплощением его астрономических университетских лекций и была переведена на русский язык (Москва, 1707 г.). См.: Augustin et Alois de Backer, Bibliothèque des écrivains de la compagnie de Jésus, III. série p. 417 sq. – Westphal, Leben, Studien und Schriften des Astronomen Johann Hevelius, S. 11 ff. Günther, «Krüger, Oswald», in: Allgemeine Deutsche Biographie (1883), S. 235 [Onlinefassung]; URL: <http://www.deutsche-biographie.de/pnd136547826.html?anchor=add>.

протяжении столь долгого времени менялись представления о способах и приемах, которые использовались при возведении различных строений, формировались новые знания в области математики, физики и архитектуры. Наконец, совершенствовалась материальная основа строительства в виде используемых материалов и инструментов. С другой стороны, огромное значение имели духовные начала, привычки и вкусы самих иезуитов, их образ жизни и, конечно же, система управления и отправления апостольских обязанностей, утвердившаяся в Обществе Иисуса.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что духовная основа миссионерской деятельности иезуитов и ее материализация в форме Полоцкого коллегиума, как и во всем мире, базировалась на католической вере и строгом исполнении апостольских обязанностей. Таким образом, строительству коллегиумов предшествовало возведение костелов или же осуществлялось одновременное строительство всех зданий, составлявших единый комплекс. Известно, что возведение костела Св. Стефана из камня началось в конце XVII века и продолжалось до середины XVIII века. Сохранившееся описание архитектурной части костела позволяет получить полное представление об этом сооружении. На регулярной, почти квадратной площади, планировка которой, возможно, сложилась еще до пожара Большой Посады, костел был поставлен в самом выгодном месте: на оси симметрии площади, замыкая перспективу главной, почти прямой в то время Витебской улицы. При традиционной форме базиликального плана средокрестие вновь, как в костелах первой половины XVII века, увенчано куполом на высоком барабане. Наружное архитектурное оформление очень сдержанно, почти скупое, но общие размеры сооружения (24x47 м в плане) и его стройные пропорции придают костелу особую выразительность, устремленность вверх, к изящным главкам башен. Степень декоративной обработки увеличивается по направлению кверху вместе с уменьшением размеров отдельных элементов. Благодаря этому костел не перегружен, как многие современные ему памятники, декоративными элементами и в то же время ему присущи высотность и вертикализм, характерные для «виленского барокко». Здесь этот стиль нашел выражение не в декоративных деталях, а в силуэте и в общей компоновке масс здания.¹⁷ По-

¹⁷ Квитницкая, Е. Д. Белорусские коллегиумы в XVIII в. / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – 1969. – № 19. – С. 21–22.

сле завершения этого строительства иезуиты стали возводить и другие строения из камня, которые и создали завершённый образ коллегиума.

Ознакомление со многими источниками позволяет сделать вывод о том, что к концу XVIII века основное строение Полоцкого коллегиума стало постепенно прирастать новыми зданиями и сооружениями. В результате этого процесса, занявшего по времени более двадцати лет, начиная с последней четверти XVIII века, территория коллегиума пополнилась постройками, необходимыми иезуитам для образовательной и хозяйственной деятельности. Как отмечается в иностранной литературе, к 1772 году иезуиты занимали в Полоцке великолепный коллегиум, окруженный громадным участком земли, на котором проживало около 10 тысяч крестьян, как на левом, так и на правом берегу Двины.¹⁸ С. Залесский указывает на то, что в 1788 году к коллегиуму было добавлено великолепное здание, предназначенное для его нужд. Вскоре были возведены и другие здания, которые по своему назначению можно считать производственными: пивоваренный завод, завод по производству меда, суконная фабрика. Коллегиум с его классами, фабриками и ремеслами сформировал в Полоцке как бы второй город.¹⁹ Здание, построенное в 1788 году, стало одним из наиболее грандиозных сооружений иезуитов на территории комплекса и способствовало расширению их деятельности по разным направлениям, а завершение его строительства было заметным событием в жизни иезуитов. Однако здесь мы сталкиваемся с разночтением источников и противоречивой информацией, касающейся предназначения этого здания. Из архивных документов явствует, что параллельно продольной оси костела, с юга, возведено здание в три этажа, в котором нет подвалов.²⁰ На первом этаже находилась типография с книжной лавкой, на втором – училище, на третьем – театр с уборными для актеров. О нахождении типографии в этом месте можно судить по плану 1828 года. По другим сведениям (ЦГИАЛ, ф. 822, оп. 12, ед. хр. 2638, л. 2), типография находилась в семи комнатах первого этажа конвикта (общежития), построенного с северной стороны косте-

¹⁸ Thomas, J. Campbell. The Jesuits 1531–1921 A History of the Society of Jesus from Its Foundation to the Present Time. Vol. 2 Published by Forgotten Books 2014 Originally published 1921. – PIBN 1000602152. – P. 228.

¹⁹ Zaleski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche» / Stanislas Zaleski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 419.

²⁰ План города Полоцка 1778 г. Ленинградский филиал ЦГВИА, ф. 3, оп. 25, ед. хр. 2459.

ла, а на первом этаже корпуса 1788 года размещалось училище.²¹ Судя же по авторитетному мнению С. Залесского, здание 1788 года предназначалось для кабинета физики и механики, химической лаборатории и картинной галереи.²²

Из всех имеющихся построек особо выделялось трехэтажное здание коллегиума общей площадью 7180 м².²³ Достаточно подробная диспозиция данного сооружения и его внутреннее убранство описаны в работе Е. Д. Квитницкой «Белорусские коллегиумы в XVIII в.». Перед его длинной (т. е. здания коллегиума. – В. Б.) без выступов стороной открывался замечательный пейзаж: под окнами, на террасе, образованной склоном, укрепленном каменной подпорной стенкой, был разбит регулярный сад.²⁴ Ниже текла полноводная река Двина, за ней простиралась заречная, более низкая часть Полоцка, а далее – ровные поля и леса. К саду был обращен парадный вход в коллегиум. Вестибюль сообщался с большой парадной (летней) трапезной, помещавшейся в среднем выступе коллегиума. Выступ имел ту же высоту, что и прочие трехэтажные части коллегиума. К трапезной примыкала одноэтажная кухня. Полы в трапезной были деревянными только возле стен. Посередине они были кафельными с отопительными каналами. Стены были увешаны картинами, амвон справа от входа отделан штукатуркой. Над трапезной находился музей с библиотекой, содержащей в резных шкафах с позолоченными бюстами более 23 тысяч томов. Остальные помещения были разделены кирпичными стенами. Сообщение осуществлялось по огибающему все здание коридору. Перекрытия всех этажей – сводчатые. Крыши крыты черепицей. В кирпичных и изразцовых полах проложены отопительные каналы. Каминные и печи почти не применялись.²⁵

²¹ См.: Квитницкая, Е. Д. Белорусские коллегиумы в XVIII в. / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследие. – 1969. – № 19. – С. 23–24.

²² Zalski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zalski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 419.

²³ ЦГВИА, ф. 418, ед. хр. 171.

²⁴ На террасе иезуитами была осуществлена посадка липовой аллеи. В период 1979–1980 гг. эти огромные деревья были спилены. Автору пришлось быть свидетелем этих работ. К этому времени деревья доминировали над зданиями и самой местностью, создавая неизгладимое впечатление.

²⁵ Квитницкая, Е. Д. Белорусские коллегиумы в XVIII в. / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследие. – 1969. – № 19. – С. 22–23.

Наиболее полные архитектурно-строительные описания зданий Полоцкого иезуитского коллегіума содержатся в фондах Российского государственного исторического архива и Российского государственного военно-исторического архива. Эти описания снабжены планами застройки, чертежами и фотографиями с подробным указанием на местоположение построек и их назначение. Наиболее известное литературное описание строений Полоцкого коллегіума встречается у А. К. Мореля в его работе «История города Полотска и возникновение здания полотского кадетского корпуса».

А. К. Морель, преподававший в Полоцком кадетском корпусе с 1871 года, в своей работе дает очень подробное описание отдельных сооружений, образовавших комплекс построек иезуитов. С его слов следует, что к 1780 году была окончена постройка всех одно- и двухэтажных зданий для служб, непрерывным кольцом опоясывающих иезуитскую усадьбу с севера, по берегу крепостного рва и с запада, оканчиваясь двухэтажным флигелем с воротами, выходящими на мост, перекинутый через Черный ручей, на Верхний замок к ботаническому саду. Рядом с этим флигелем помещался отдельно полуторазэтажный флигель с подвалами, в одном из которых был колодец с питьевой водой, а в самом флигеле помещались иезуитская аптека, лаборатория, а наверху – сушильни для трав и цветов. В служебных флигелях находились пивоварня, медоварня, суконная фабрика, красильня, воскобойня, свечной завод, кузница и слесарня; мастерские: сапожная, упряжная, столярная, токарная, резная и портняжья, бойня, коптильня и колбасная, хлебопекарня, прачечная и две конюшни для собственных 24 лошадей и для 14 гостиных лошадей.²⁶

Несомненный интерес вызывает описание внутренних помещений Полоцкого коллегіума. Расположение помещений внутри зданий соответствовало целям и задачам деятельности иезуитов. Это были помещения для исполнения апостольских обязанностей, помещения для обучения (классы), помещения для экспозиции разнообразных предметов и оборудования, объединенных общим названием – музей, помещения для хранения книг и пользования ими и т. д. Длинные, в различных направлениях монастырские коридоры были увешаны с обеих сторон изображениями святых, и один

²⁶ См.: А. Морель история города Полотска и возникновение здания полотского кадетского корпуса. Вильно, 1907 г. и фонды Рукописного отделения библиотеки Вильнюсского университета, А-2155 и А-4366.

из самых коротких коридоров был завешен портретами известных иезуитов; были здесь портреты Сарбевского, Скарги, Почобута и многих других. Один прекрасный, просторный и светлый коридор был украшен портретами польских королей, а в самом его поперечном конце, напротив входа бросался в глаза впечатляющий во всей величественной позе портрет Стефана Батория.²⁷ Таким образом, многие помещения коллегиума представляли собой картинную галерею, в которой были собраны картины известных художников. Один только польский художник Симон Чехович (1689–1775) написал для Полоцкого коллегиума 40 живописных полотен.²⁸

Как видно из приведенных выше источников, иезуиты за долгие годы своего пребывания в Полоцке обустроили достаточно большую территорию, пригодную для постоянного проживания, выполнения апостольских обязанностей, организации обучения, ведения хозяйственной деятельности и отдыха. Созданная иезуитами система инженерных сооружений и различных коммуникаций обеспечила гигиенические условия существования на долгие годы вперед, и по воспоминаниям одного из обучавшихся, за те четыре года, которые он провел среди своих товарищей, не было слышно ни о какой серьезной болезни или случае смерти.²⁹

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос, связанный с водоснабжением иезуитских построек. Источники говорят об особенностях местности, на которой находились многочисленные здания иезуитов и которые учитывались при возведении сооружений и прокладке специальных коммуникаций. Высокие грунтовые воды заставляли принимать особые меры при строительстве: в основание главного здания были заложены подземные каменные водостоки, дренирующие почву, в стенах устроены вентиляционные ходы, подвалы снабжены водопусками.³⁰ Водой иезуиты

²⁷ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 127.

²⁸ Szymon Czechowicz. [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://it.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 05.02.2014.

²⁹ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 126.

³⁰ Квитницкая, Е. Д. Белорусские коллегиумы в XVIII в. / Е. Д. Квитницкая // *Архитектурное наследие*. – 1969. – № 19. – С. 22. Отдельные из этих сооружений сохранились до сих пор, например, их можно обнаружить у подножия каменной подпорной стенки (прим. В. Б.).

обеспечивались посредством созданной ими сложной системы водоснабжения, основу которой составляли колодцы. Судя по описаниям, содержащимся в различных источниках, главный колодец находился в подвале аптеки. Этот колодец был соединен системой водопроводных труб со всеми нуждающимися в воде производственными помещениями и с другими монастырскими колодцами.³¹ Как известно, качество воды имеет большое значение для обеспечения санитарно-гигиенического благополучия населения. Можно предполагать, что в этом смысле иезуиты достигли максимально возможного для своего времени уровня.

Судя по описаниям в исторической литературе, все дозволения, которыми удостаивались иезуиты на территории Российской империи, связывались с благосклонностью со стороны Екатерины II, а затем Павла I. Основным же мотивом, побудившим к утверждению и распространению образования, предлагаемого иезуитами, стали личные симпатии царствующих особ и наиболее приближенных к ним лиц.

Значительный интерес вызывает рассмотрение установленного иезуитами порядка обучения в Полоцком коллегиуме. Дело в том, что отлаженная ими за долгие годы система обучения стала основой преподавания в Полоцкой академии. Было бы ошибкой разделять или даже противопоставлять практиковавшиеся в этих двух заведениях правила обучения. Правильно говорить о совершенствовании системы обучения и ее адаптации к новым условиям существования иезуитов на территории Российской империи. С другой стороны, следует говорить о тех общих подходах, которые применялись иезуитами в разных странах и об особенностях, присущих именно Полоцкому коллегиуму иезуитов. В русскоязычной литературе, которая уделяла внимание системе образования иезуитов, акцент часто смещался на политическую подоплеку их деятельности и стремление к обеспечению доминирования признаваемых ими религиозных принципов и их признания местным населением. Так, в работе Т. Б. Блиновой «Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения)» сказано о том, что господствующий класс Речи Посполитой, стремясь упрочить феодальный строй, использовал католическую церковь и орден иезуитов в своих интересах. «Общество

³¹ Там же, С. 24–25. В 2012 году один из колодцев глубиной около 30 метров был очищен от накопившегося в нем мусора и отреставрирован (прим. автора).

Иисуса» стремилось охватить своим влиянием население страны, задуть реформацию (на территории современной Беларуси она была «феодальной или княжеской»), в борьбе с которой иезуиты использовали: во-первых, дискуссии с иноверцами, проводившимися, как правило, при большом стечении народа; во-вторых, публикации полемических произведений (они печатались даже в XVIII в.); в-третьих, организацию различных типов школ. Члены ордена хорошо понимали, что будущее страны зависит от молодежи. Поэтому они проводили разнообразную работу по привлечению в свои учебные заведения как можно большего количества детей и юношества, стремясь монополизировать в своих руках образование. В школы принимались дети всех вероисповеданий, в том числе православные и протестанты. К окончанию школы они становились католиками. Более того, педагоги умели готовить из своих подопечных настоящих защитников Ватикана.³² Сами иезуиты полагали, что образование для них не было профессией или средством достижения счастья, но социальной потребностью.³³

Образование в Полоцком коллегиуме иезуитов стало важнейшим, но не единственным звеном в созданной иезуитами среде обитания. Тем не менее, именно образование позволяло иезуитам укреплять свои позиции в Полоцке, развивать хозяйственную деятельность и международные связи. Можно с уверенностью говорить о том, что отлаженная веками система образования расширяла сферы влияния Общества Иисуса, превращая религиозный орден в куда более широкое сообщество своих сторонников, число которых пополнялось не только за счет простых верующих, но и за счет состоятельных слоев населения, и как показала история, высокопоставленной знати.

Образование в Полоцком коллегиуме строилось по однажды разработанным иезуитами канонам, трансформировавшимся в строго выверенную систему. Сам образовательный процесс основывался на системе классов, списке изучаемых дисциплин, преподавателях, допущенных к обучаемым, а также на выработанных за долгие годы правилах и требованиях, таких, как «Ratio

³² Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 4.

³³ Crétineau-Joly, J. Histoire religieuse, politique et littérature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques. – 1851. – P. 419.

studiorum». Здесь стоит обратить внимание на то обстоятельство, что Полоцкий коллегийум располагался в местности, где не было университета, что самым непосредственным образом сказывалось на характере взаимоотношений между преподавателями и обучающимися, а также на системе управления. Например, данное обстоятельство расширяло права ректора коллегийи относительно возможного получения степеней доктора философии и богословия. Такое право основывалось еще на булле папы Юлия III от 22 октября 1552 года. Гарантом незыблемости установившегося в коллегийуме порядка обучения являлась сама система управления, свойственная Обществу Иисуса. Ректор Полоцкого коллегийума был важным, но далеко не единственным звеном этой системы. Ректоры иезуитских коллегий стояли на одном уровне с так называемыми суперприорами, то есть начальниками професских обителей, где жили братья, посвященные во все четыре обета; их обязанность состояла в наблюдении за порядком в обителях, в ведении дел их и в надзоре за поведением братии.³⁴

Невозможно понять внутреннее устройство жизни коллегийума в Полоцке без знаний о том, кто же находился в этом заведении и в каком именно ранге, поскольку последнее обстоятельство играло важную роль в деле подготовки иезуитов и их продвижении по ступеням иерархической лестницы. Руководил коллегийумом ректор, который обладал всей полнотой власти и кроме обеспечения внутренней жизни коллегийума представлял его интересы и перед светскими властями. Ближе к завершению своего существования в Полоцком коллегийуме была введена должность вице-ректора, которым становился наиболее почитаемый в силу имеющихся знаний и опыта отец-иезуит. Так, в периодическом Каталоге иезуитов, издававшемся вначале в Могилеве, а затем в Полоцке в сборнике за 1809–1810 гг. мы находим должность вице-ректора, которым был Иосиф Анджиолини.³⁵ Ядром коллегийума во все времена были сами отцы-иезуиты, т. е. те иезуиты, которые были рукоположены в священство. Судя по каталогам, число священников в Полоцком коллегийуме постоянно возрастало, но в последней четверти XVIII века и вплоть до 1812 года их количество оставалось достаточно

³⁴ Гризингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени /Т. Гризингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 88.

³⁵ Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Imperio Rossiaco. – Ex anno 1809. – Annum 1810. – Polociae Typis Collegii Societatis Jesu. – P. 5.

устойчивым: не более 28 человек. Так, в Каталоге, датированном 1776–1777 гг., числятся 20 отцов-иезуитов, в том числе: Станислав Черневич, Флориан Крицкий, Киприан Зданович, Габриель Зенкевич, Михаил Боровский, Станислав Гумовский и др.³⁶ Отдельную группу, всегда малочисленную, составляли магистры, которых по обыкновению было всего несколько из общего числа иезуитов. Далее выделялись среди иезуитов схоластики-теологи и схоластики-философы. Схоластиками-теологами, как правило, были отцы-иезуиты. Замыкали общие списки коадьюторы (*coadiutores*). Здесь следует отметить, что коадьюторы при всем том, что занимали скромное место среди иезуитов Полоцка, играли значительную роль с точки зрения обеспечения условий, необходимых для выполнения иезуитами своих задач. Чаще всего полоцкие коадьюторы не посвящались в духовный чин и заведовали каким-либо хозяйством или службой в коллегииуме. В отличие от отцов-иезуитов, число коадьюторов непрерывно росло, что находит свое естественное объяснение, поскольку после того, как Полоцк стал центром Общества Иисуса, возникла большая потребность в расширении всех сторон деятельности иезуитов, в том числе и хозяйственной деятельности. Так, Каталог 1776–1777 гг. насчитывает 16 коадьюторов, в то время как Каталог 1808–1809 гг. – уже 29 коадьюторов. Например, в Каталоге за 1783 год мы находим следующих коадьюторов:

Франциск Прищинский – управляющий мастерской по обработке мрамора.

Михаил Девилья – аптекарь.

Кристоф Стефанович – управляющий пошивочным и обувным производством.

Ян Ницель – булочник.

Игнатий Неверович – привратник.³⁷

Впоследствии появились и другие обязанности, выполнявшиеся коадьюторами: храмовый смотритель, раздатчик еды, распорядитель, мукомол, мясник, гробовщик, управляющий недвижимостью, портной и др.

В Полоцком коллегииуме основным местом, где более всего времени проводили обучающиеся, были классы. Было бы неверно рассматривать классы лишь только как определенные места, где

³⁶ *Catalogus personarum et officiorum Vice-Provincia Alba-Russia ex anno 1776 – in 1777. – 1777. – P. 2–3.*

³⁷ *Catalogus personarum societatis Jesu in Alba Russia A. D. 1783. – P. 63.*

проводились занятия. Классы составляли собой целую систему, в пределах которой осуществлялось движение обучаемых по лестнице знаний. В каждом классе изучались строго определенные предметы, освоение которых гарантировало дальнейшее продвижение по классам. В 1810 году в Полоцком коллегиуме преподавались следующие дисциплины:

Класс I:

- Наука христианская.
- Грамматика польско-латинская.
- Письма Цицерона.
- История от сотворения мира до рождения Иисуса Христа.
- Толкование с географической картой Европы, Азии, Африки, Америки.

– Арифметика.

Класс II и III:

- Наука христианская.
- Грамматика латинская.
- Басни Федра.
- История монархии Ассирийской и Персидской, история царства Российского.
- География царства Российского, Турции европейской и азиатской.

– Арифметика.

Класс IV:

– Правила вольного стиля письма: Басни, Эпиграммы, Оды, Сатира, Комедия, Трагедия, Эпопея.

– Первые две книги Вергилия, избранные оды Горация.

– Мифология.

– История греческая.

– История естественная.

– География Англии, Дании, Швеции, Пруссии, Чехии.

– Алгебра.

Класс V:

– Правила произношения.

– Разбор речи Цицерона.

– Римская история.

– История естественная.

– География Португалии, Испании, Франции.

– Теоретическая геометрия.

Количество классов в Полоцком коллегииуме в течение всего периода его существования не было одинаковым. Обычно в иезуитских коллегииумах было пять или шесть классов. Деятельность классов не ограничивалась только лишь обучением воспитанников. Значительное внимание уделялось вопросам, связанным с материальным обеспечением обучающихся, в том числе с созданием необходимых условий для удовлетворения их религиозных нужд. В Полоцком коллегииуме, как это обычно делалось во всех коллегииумах, был создан так называемый учительский фонд или касса (стипендиальный фонд Батория), средства которого большей частью направлялись на нужды бедных воспитанников. По словам С. Залесского, «это был еще один способ помочь бедным молодым людям, чтобы они могли продолжить учебу».³⁸

Все классы были обеспечены учителями, что по тем временам считалось положительным примером организации и проведения учебных занятий и характеризовало с лучшей стороны учебное заведение. Соответствие числа учителей потребностям коллегииума подтверждалось официальными документами, составившимися по результатам проверок. Так, в Ведомости о состоянии иезуитских коллегий Полоцкой губернии от 3 ноября 1796 года дается положительное заключение о состоянии дел в Полоцком коллегииуме. Отмечается, что «число учителей по надобности удерживается», а также дается подробное перечисление преподаваемых предметов с указанием количества учителей на каждый предмет. Обращается внимание на свойственную иезуитам обязанность обеспечивать материальные условия существования обучавшихся в коллегииуме и самих учителей, равно как и лиц, готовящихся стать учителями. Все эти лица, как указано в ведомости, «удерживаются фондами доходами».³⁹

Много времени отводилось на проповеди, которые читались утром и вечером, в воскресные дни и праздники. Проповеди могли

³⁸ Zaleski, Stanislas. *Les Jésuites de la Russie-Blanche* / Stanislas Zaleski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 8.

³⁹ Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из Архива Министерства Народного Просвещения. Томъ первый. Учебные заведения въ западныхъ губернияхъ. До учреждения Виленскаго учебнаго округа 1783–1803. Издание Министерства Народнаго Просвещения. – С.-Петербургъ. – 1893. – С. 130.

читаться на нескольких языках, прежде всего на латинском и польском. По сложившейся традиции в коллегииуме было несколько священнослужителей, которые читали проповеди. Кроме того, они часто преподавали и отдельные дисциплины. Например, в 1776–1777 гг. теологию в Полоцком коллегииуме преподавал отец Ян Борковский, в 1784–1800 гг. – Алоиз Руснати, Бернард Скордиало, Михаил Боровский и др.⁴⁰ Проповеди читались не только воспитанникам коллегииума, но и жителям близлежащих деревень и городов. Нередко отцы-иезуиты основывали миссию, где они проживали, например, отцы Пушча, Шальц, Гцезерский, Лазов, Раниов.⁴¹

Последняя четверть XVIII века отличалась тем, что ряды преподавателей Полоцкой коллегиии множились за счет приезжающих иезуитов из европейских стран, прежде всего Италии, Франции, Пруссии, Польши. В это время создавался корпус опытных преподавателей, обладавших не только знаниями в области теологии или философии, но и хорошо знавшими другие предметы. Наибольшую известность приобрели Джузеппе Анджиолини и Ян Роотаан.

Анджиолини (1747–1814) родился в Пьяченце (Северная Италия), вступил в Общество Иисуса в 1762 году. Изучал долгое время философию, затем преподавал в Полоцком коллегииуме и завершил свою карьеру на поприще профессора философии в Полоцкой академии.

Особую известность приобрел Ян Роотаан, полное имя Ян Филипп Ван Роотаан (1785–1853). Роотаан родился в Амстердаме 23 ноября 1785 года, отрекся от кальвинизма и перешел в католичество. Еще подростком Ян-Филипп (Роотаан) помогал своей матери в церкви, которая с 1654 года была вверена иезуитам и находилась в самом центре Амстердама. Его первым учителем был Адам Беккер, обучавший его латинскому языку и давший базовые знания для поступления в лицей. Роотаан вступил в Общество Иисуса 30 июня 1804 года. 25 января 1812 года был рукоположен в сан священника. В 1929 году Генеральной конгрегацией избран генералом Общества Иисуса.⁴² Ради служения ордену иезуитов

⁴⁰ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 17.

⁴¹ *Zalenski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche* / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 421.

⁴² *Martinez, J. E. Salcedo. Le Père Général J-P Roothaan / Salcedo J. E. Martinez / Jésuites Annuaire de la Compagnie de Jésus.* – Imprimerie Mediagrap S.p.A. Padoue. – 2013. – P. 73.

Ян Филипп Роотаан. Генерал Общества Иисуса (1820-1853).

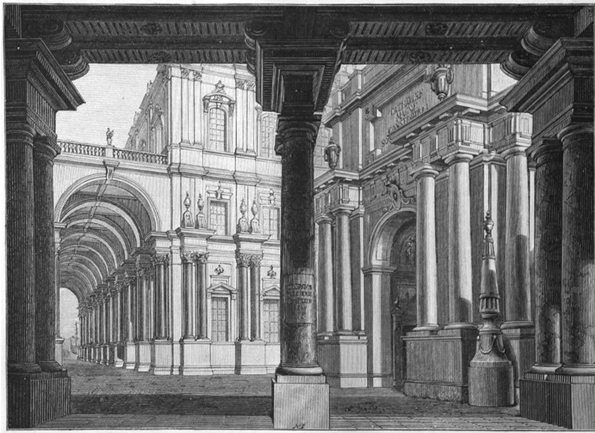

Федор Петрович Толстой. Русский живописец, рисовальщик, медальер и скульптор, вице-президент Императорской Академии художеств, тайный советник.

покинул свою страну и семью для следования в белорусские земли. Роотаан прибыл в Полоцкий коллегиум с рекомендательным письмом от одного из своих учителей, профессора литературы Ван Леннепа из Амстердама. Ван Леннеп писал 15 мая 1804 года в Полоцкий коллегиум: «Я не в неведении, как с древнейших времен Общество отличалось во всех областях знаний и наук; услугу оно оказало замечательную, и она никогда не может быть забыта». Говоря о своем католическом протееже, Ван Леннеп добавляет: «Я вам рекомендую, преподобным Отцам, особым образом этого молодого человека, которого я высоко оценил за заслуги, он преисполнен наукой и силою, и мы можем отметить тот благодатный день, когда он начал свое долгое путешествие».⁴³ Роотаан достиг высшего пика карьеры в ордене: с 1829 по 1853 год он был генералом Общества Иисуса.

В литературе мало исследовался вопрос о воспитанниках Полоцкого коллегиума. Опираясь на источники самих отцов-иезуитов, архивные документы и свидетельства современников, можно

⁴³ Crétineau-Joly, J. Histoire religieuse, politique et littérature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques. – 1851. – P. 228.

*Проект реконструкции Полоцкой иезуитской академии,
рисунок Г. Грубера*

с уверенностью говорить о том, что среди воспитанников были представители разных слоев населения. Отец Залесский, говоря о каталогах Общества Иисуса 1772–1773 гг., цитирует 150 наименований основных польских семей, в которых имелись члены этого Общества. Барон Пенклер, тайный советник Венского двора, послал в Полоцк длинный список имен из наиболее благовоспитанных домов Германии, которые пожелали записаться в братство, а сам с семьей первым подал пример. Не случайно при Полоцком коллегиуме существовал так называемый дворянский пансионат.⁴⁴

Из стен Полоцкого коллегиума иезуитов вышло много выпускников и некоторые из них приобрели достаточно большую известность. Среди них Ян Борщевский, Ф. П. Толстой, Антоний Язвинский, Роман Симонович, Тадеуш Корсак. Большинство же бывших воспитанников коллегиума продолжали учебу, отправляли должности в епископствах, преподавали в университетах, поступали на военную службу. Характерен пример Т. Корсака, который родился в Лепельском повете Витебской губернии, учился в Полоцкой коллегии иезуитов, в 1780 году был назначен полоцким виночерпием, а впоследствии стал членом Четырехлетнего сейма (Великого Сейма), участвовал в восстании Костюшко, был генерал-майором в полиции Вильно.

⁴⁴ Zalenski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 420.

Для становления Полоцкого коллегиума многое сделал Станислав Черневич, назначенный ректором коллегиума в 1769 году своим учителем генералом Общества Иисуса Лоренцо Ричи. Черневич был человеком чрезвычайно деятельного характера и весьма сердечным. Обладал удивительной работоспособностью, инициативностью и креативностью, был способен принимать мудрые и взвешенные решения. Вся его деятельность для Ордена была провиденциальной: в первую очередь, именно ему иезуиты обязаны тем, что Орден был сохранен в Белоруссии.⁴⁵

Габриель Грубер. Генерал Общества Иисуса (1802–1805).

Говоря о Полоцком коллегиуме иезуитов, нельзя не сказать о человеке, имя которого неразрывно связано с коллегиумом. Более того, благодаря ему, коллегиум стал признанным центром иезуитов после того как папа Климент XIV запретил в 1773 году Общество Иисуса. Речь идет о Габриеле Грубере (Gruber Gabriel). По странному стечению обстоятельств, сведения о жизни этого человека, если учесть его большую известность среди современников, достаточно скупы и разрозненны.

Габриель Грубер (1740–1805) родился в Вене. В 15 летнем возрасте вступил в Общество Иисуса. Изучал греческий и латинский

⁴⁵ Более подробно см.: Инглот, М. Общество Иисуса в Российской империи (1772–1820) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – Институт философии, теологии и истории св. Фомы. – 2004. – 632 с.

языки, а также философию. По достижении 26-летнего возраста принял сан священника. Интересы Грубера не ограничивались только лишь религиозным служением. Он достаточно хорошо изучил механику и гидромеханику (известны его гидравлические машины, которые он конструировал в словенском городе Крань), пробовал свои силы в архитектуре и математике. Его архитектурные проекты были успешно реализованы в Австрии и Словении. Так, в Любляне сохранился прекрасный дворец с фасадом в стиле австрийского барокко, построенный по проекту Грубера, а также искусственный канал, сооруженный под его руководством в 1782 году для защиты центра города от наводнений. Станислав Джузник (Stanislav Južnič), известный исследователь физики времен иезуитов XVII–XVIII вв., отмечает, что Грубер прибыл в Любляну 4 июня 1768 года, и в следующем году он начал преподавать в коллегииуме. Никто не удивился, когда Грубер был нанят в качестве эксперта, чтобы построить канал Любляна, между 9 марта 1771 и 10 декабря 1777, хотя ему было еще только тридцать лет. В период с 4 июня 1772 и 1 мая 1781, в здании, где он работал в Любляне, Грубер руководил процессом навигации на половине рек империи Габсбургов. В то же время он преподавал механику в школе в Любляне, обучая ремесленников и судовых капитанов. Грубер был ответственным за обеспечение моделирования судов во всей Габсбургской монархии. Здесь Грубер имел возможность строить свои модели корабельных машин. Его работы хорошо документированы в Штирии (нем. Steiermark, слов. Stajerska. – В. Б.)⁴⁶ в провинциальном архиве (Landesarchiv). Грубер был не просто чрезвычайно способным физиком, но и выработал редкую способность нанимать самых лучших и доступных экспертов для своих навигационных проектов. Юрий Вега был одним из его самых выдающихся студентов.⁴⁷

В последней четверти XVIII века Габриель Грубер сосредоточился на преподавании в Полоцком коллегииуме. При этом предпочтение он отдавал архитектуре и, более того, подготовил ряд эскизов зданий и сооружений коллегииума. Однако Грубер не

⁴⁶ В настоящее время федеральная земля на юге-востоке Австрии.

⁴⁷ Južnič, S. Euler and the Jesuits in Russia / S. Južnič // Quaderns d'Historia de l'Enginyeria. – Volum IX. – 2008. – S. 219.

ограничивался совершенствованием только своей личности. По свидетельству С. Залесского, «Отец Грубер в течение короткого времени подготовил достаточное количество искусных преподавателей. Он сделал даже из мирян, которые рекрутировались для работы, истинных архитекторов, художников и работников всех отраслей». ⁴⁸ Груберу удалось войти в круг лиц, особо приближенных к семье царствующим особ Российской империи. Предположительно в 1797 году Груберу довелось пообщаться с будущим императором Павлом I, когда последний пребывал в Полоцке с княжной Марией. С. Залесский достаточно подробно описывает визит Павла I в Полоцк и коллегиум, но в его описаниях нет прямого указания на встречу Грубера с будущим российским императором. Точно лишь известно, что при посредничестве генерал-губернатора Пассека в марте 1785 года в российскую столицу прибыла из Полоцкого коллегиума делегация иезуитов, которую возглавлял Габриель Грубер. Впоследствии Грубер не раз встречался с императором Павлом I, который сочувствовал католикам. Грубер, как считается, состоял в переписке с Наполеоном Бонапартом и, пользуясь доверием Павла I, прилагал немалые усилия к тому, чтобы продвигать интересы Франции в Российской империи. Уже в 1812 году офицеры корпусов маршала Удино и генерала Сен-Сира имели возможность почувствовать благоприятное к себе отношение со стороны полоцких отцов-иезуитов.

Габриель Грубер с 22 октября 1802 года по 6 апреля 1805 года был генералом Общества Иисуса. Можно только предполагать, сколько еще дел мог бы сделать для Полоцкого коллегиума этот деятельный человек, если бы не его внезапная и нелепая смерть, последовавшая в ночь с 25 на 26 марта 1805 года в его резиденции в Санкт-Петербурге. Похороны Габриеля Грубера состоялись 29 марта и были отмечены большой торжественностью. В переполненном соборе толпилась высшая российская знать и несколько членов дипломатического корпуса. С разрешения военного губернатора Санкт-Петербурга, тело Отца Грубера было перенесено в г. Полоцк, где он и был предан земле рядом со своими предшественниками. ⁴⁹

⁴⁸ Zalenski, Stanislas. *Les Jésuites de la Russie-Blanche* / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 418.

⁴⁹ Rouet de Journal, M. J. *La Compagnie de Jésus en Russie un college de jésuites a Saint-Petersbourg* / M. J. Rouet de Journal. – 1800–1816. – Paris, Librairie académique Didier. – Perrin et C, Librairie-Éditeurs 35, Quai des Grands-Augustins, 35. – 1922. – P. 125–126.

К концу XVIII века Полоцкий коллегиум иезуитов стал своеобразным местом паломничества. Приезжали для преподавания не только отцы-иезуиты из европейских стран. Здесь были и высокие царствующие особы: Екатерина II и Павел I.

Большой интерес вызывает описание визита Павла I в Полоцкий коллегиум. О данном посещении рассказывает в своей книге С. Залесский. Описание изобилует мелкими подробностями, что формирует более полное представление о самом коллегиуме и царившей в нем в то время атмосфере. Визит состоялся в 1782 году, когда цесаревич Павел путешествовал со своей супругой, Марией Федоровной, по Западной Европе. Залесский пишет: «Наследный князь Павел также побывал в коллегиуме Полоцка с женой, княжной Марией. Этот молодой князь, в жилах которого, как говорили, текла кровь Романовых, чувствовал неопишемую для себя привлекательность католической веры и сразу после женитьбы стал путешествовать по Западной Европе. Его визит в Полоцк больше носил частный характер, чем официальный. Одиннадцать сопровождающих с глубокой сосредоточенностью прибыли на католическую службу; в сопровождении своей жены он (Павел. – В. Б.) спустился с трона и, приблизившись к алтарю, попросил одного из священников, которые окружали отца Ленкевича, объяснить смысл каждой церемонии. Он провел много времени, посещая собор; затем он посетил коллегиум до зала новициата; он шутил, говоря, что для послушника уже слишком стар. Придя так поздно к Богу, он хотел отдать должное небесам, попросив Отцов объяснить ему правила Общества Иисуса, систему образования и др. Во время ужина он говорил польским дворянам, окружавшим его, чтобы они не посылали своих детей в Санкт-Петербург потому, что они будут подвержены взяточничеству, как это заведено в столицах. Одним словом, Павел проявился в своем поведении серьезным, вдумчивым, мудрым оценщиком вещей и искренне сочувствующим католицизму. Предводителю дворянства Чарскому, который сопровождал его до границ империи, Павел высказал свои пожелания отцам-иезуитам; это предвещало для католицизма счастливый поворот событий в будущем при правительстве этого князя».⁵⁰

⁵⁰ Zalenski, Stanislas. *Les Jésuites de la Russie-Blanche* / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 365.

Таким образом, Полоцкий коллегийум к началу XIX века являлся тем местом, где сосредоточилась передовая миссия иезуитов, обеспечивавшая распространение католицизма, отстаивавшая интересы папского престола в Российской империи, обеспечивавшая образование различных слоев населения, а кроме того, способствующая развитию хозяйственной и торговой деятельности в Полоцке и окружающих его местностях. И все-таки важнейшей деятельностью иезуитов оставалась именно образовательная деятельность. Даже имущественные интересы ордена ставились на второе место. Иезуиты признавали, «что преподавание требует много времени и целиком поглощает всего человека, в результате наука и глубокая эрудиция напрочь связаны с дисциплиной иезуитов».⁵¹

§ 2. Новициат

В исторической литературе Полоцкому новициату уделено крайне мало места. Основное внимание традиционно уделяется коллегийуму и академии. Между тем появление в Полоцке новициата стало одним из важнейших этапов, выявивших поступательный характер развития движения иезуитов в белорусских землях и в целом в Российской империи.

Гризингер отмечает, что «духовное воспитание давалось в так называемых новициатах, куда принимались только юноши, желавшие подготовиться к поступлению в орден иезуитов. Там, как можно себе представить, учеников этих вполне подготавливали для цели общества».⁵² Низшую ступень в ордене иезуитов занимали новиции, служившие рассадником ордена. В них из коллегий принимали юношей, отличавшихся талантами и успехами в науках; они поступали сначала в пробный дом «*domus probationis*», где за ними в течение двадцати дней присматривали попечитель новициев (*magister novitiorum*) с помощником. Если они оставались твердыми в намерении вступить в орден и если вели себя это время хорошо, то их производили в действительных новициев, и только

⁵¹ Там же. Р. 30.

⁵² Гризингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гризингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 66–67.

тогда они поступали в новициат на два года. В первый же год им приходилось пройти все ступени самоотречения; они должны были умерщвлять свою плоть и ухаживать в госпиталях за самыми грязными и отвратительными больными; их заставляли делать разную черную работу, и попечитель, которому они часто исповедовались во всех своих тайных помышлениях и желаниях, ежедневно приучал их к самому слепому повиновению. На второй год, когда смирение и покорность их были достаточно испытаны, они занимались более духовными, чем телесными упражнениями, особенно проповедями, катехизисом и другими душеспасительными предметами.⁵³

Сам факт открытия в Полоцке новициата свидетельствует о том, что:

а) миссия иезуитов в Полоцке достигла значительных успехов, и они могли теперь перейти к более высокому уровню своей организации, рассчитывая тем самым на расширение своего влияния в тех областях, которые считались традиционно православными;

б) Полоцк стал общепризнанным центром иезуитов не только для Западной Европы, но и остального мира, что налагало особую ответственность на полоцких иезуитов и требовало консолидации всех сил ордена, в том числе и в сфере подготовки новых членов Общества Иисуса;

в) преподавание в Полоцком коллегииуме достигло того высокого уровня, который позволял перейти к классическому для ордена иезуитов построению всей системы, ключевым элементом которой стал отбор лучших кандидатов на вступление в Общество Иисуса;

г) понятие «полоцкие иезуиты» стало интернациональным настолько, насколько это было возможно в конце XVIII – начале XIX вв., а сам термин был во многом условным, поскольку формально указывал лишь на местоположение иезуитов после упразднения ордена;

д) открытие новициата в Полоцке обнаруживает неожиданный парадокс, а именно: иезуиты стали обживать в Полоцке еще со времен Стефана Батория, но на протяжении более чем двух сотен лет не могли открыть в этом городе новициат.

⁵³ Там же. С. 75.

Новициат иезуитов

Сведения об открытии новициата в Полоцке содержатся во многих источниках, но они крайне скупы и ограничиваются краткими эпизодами, более связанными с важными историческими событиями. В основном это иностранная литература на польском и французском языке, изданная в XIX веке. Тему новициата в Полоцке традиционно раскрывали сквозь призму политических отношений и дипломатии, а в целом, применительно к общей теме, иезуиты в Российской империи. В исторических описаниях акцент делался на саму процедуру открытия новициата, а также на предшествовавшие этому события. При описании Полоцкого коллегиума более всего сосредотачивались на политических событиях, оставляя за гранью исследования вопрос о новициате, его сущности и особенностях. В действительности можно говорить о том, что история новициата – это история самого Полоцкого коллегиума, лишь с той существенной оговоркой, что история новициата в Полоцке оказалась достаточно короткой.

30 июня 1779⁵⁴ года было опубликовано пастырское послание Станислава Сестренцевича-Богуша, епископа Белорусского, адресованное «римско-латинско-католической пастве всей Российской

⁵⁴ Интересно, что Ю. Ф. Самарин в своей работе указывает на 1777 год как на год открытия в Полоцке новициата (!) См.: Ю. Ф. Самарин «Иезуиты и их отношение к России». Издание третье. – Москва. Типография Грачева и к., у Пречист. в., д. Шиловой. – 1870. – С. 311.

Империи». Посланием дозволялось полоцким иезуитам учредить новициат и принимать в него novicee. Необходимость открытия новициата в Полоцке объяснялась заботой о дальнейшем увеличении числа «монахов общества Иисусова». В послании говорилось: «И так по силе, данной нам юрисдикции и власти над всеми монахами Российской Империи, а, следовательно, и над монахами общества Иисуса, побуждаясь самыми важными причинами, мы даем упомянутым монахам общества Иисуса позволение учредить новициат и принимать в оное заведение novicee, а вместе с тем призываем на них пастьерское наше благословение». Овациям иезуитским не было конца; радость их была беспредельна; они ликовали как будто после знаменитейшей победы, одержанной над самым злейшим и непобедимым врагом. Не довольствуясь тем, что бы об их победе знала только одна Белоруссия, сгорая от нетерпения скорее поведать о своем торжестве всему свету, всем своим друзьям и врагам, рассеянным по всему лицу земли, Черневич распорядился сделать публикацию во всех варшавских и многих заграничных газетах о данном иезуитам позволении открыть новициат.⁵⁵

Пастьерское послание об учреждении новициата в Полоцке обеспечивало самую важную, юридическую сторону дела, но, как оказалось, само открытие этого института превратилось в длительную череду торжественных мероприятий: церковных служб, светских приемов, торжественных шествий. Фактически новициат был открыт в Полоцке гораздо позднее даты опубликования послания Станислава Сестрэнцевича. С. Залесский указывает, что новициат в Полоцке был открыт 2 февраля 1780 года. Десять послушников последовали религиозным традициям и начали новую жизнь под руководством отца Любовицкого.⁵⁶ Новоиспеченных novicee доверили одному из самых опытных отцов-иезуитов – Любовицкому, который имел большой опыт в деле воспитания послушников и подготовки к вступлению в орден иезуитов, так как был ректором иезуитского коллегия в Минске. Отдельные источники свидетельствуют о большом количестве желающих стать noviceями. Будто бы их было настолько много, что в число novicee попали только самые одаренные. Впо-

⁵⁵ Моршкин, М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть первая обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I / М. Моршкин. – Санкт-Петербург. – 1867. – С. 143–144.

⁵⁶ Zaleski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zaleski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 329.

следствии они занимали наиболее ответственные посты в ордене.⁵⁷ Столь важное событие не осталось без внимания российской императрицы, «30 мая 1780 года Екатерина II прибыла в Полоцк, сопровождаемая своим неразлучным Потемкиным, послом Германии Кобентцелем, шталмейстером Нарышкиным, князем Баратынским и камергером князем Долгоруким. Среди толпы чиновников, дворянства, многочисленных священников и толпы верующих, иезуитов, Екатерину любезно приветствовал Чернышев, и вечером дома и высокие башни церквей были великолепно освещены. На следующий день их принимали в коллегииуме, так как царица испытывала сильное желание сопровождать католическую церемонию, она посетила коллегииум и пансионат».⁵⁸

После 1780 года начался приток иезуитов в Полоцк, поскольку открытие новициата вселило уверенность в том, что орден иезуитов получит новую жизнь благодаря системе послушничества, которой до сих пор не было в Полоцке. Примечательно, что иезуиты приезжали со всей Европы, но, как правило, из Италии, Франции, Германии и Польши. Больше всего приехало иезуитов из Италии. Судя по каталогам, приезжали иезуиты, которые чаще всего были сведущи в философии, теологии, языках (латинский, французский, немецкий, польский, русский), архитектуре, механике, математике, поэзии, истории, риторике, литературе, грамматике. К сожалению, архив каталогов иезуитов, которые они издавали с завидной регулярностью, не содержит списков иезуитов за 1778–1782 гг., но, тем не менее, по другим источникам можно сделать вывод о том, кто именно прибыл в Полоцкий коллегииум в первые годы после открытия новициата.

Среди многих прибывших были:

- Габриель Грубер;
- Франциск Любовицкий;
- Казимир Островский;
- Кристоф Жаке;
- Якоб Линкингеер;
- Игнатий Ольшевский;
- Станислав Ростовский;
- Тадеуш Складовский;

⁵⁷ Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 127.

⁵⁸ Zalenski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 350.

- Альберт Обропальский;
- Мартин Корбут;
- Иосиф Каминский;
- Алоиз Руснати;
- Гаэтано Анджиолини;
- Колумб Пфейфер;
- Бернард Скордилло;
- Франциск Анджиолини;
- Иосиф Анджиолини;
- Франциск Ростовский;
- Антоний Меззерати;
- Антоний Шиндлер;
- Доменик Бжезинский;
- Генрих Фонтен;
- Медардус Дюжарден;
- Матеус Тен;
- Рафаэль Зубович.

Наплыв иезуитов в Полоцкий коллегиум в большей степени пришелся на 1780–1783 гг., после чего состав отцов-иезуитов оставался без больших изменений. Второй, хотя и не такой большой, наплыв иезуитов состоялся только после 1813 года и был связан с открытием Полоцкой академии и окончанием войны с Наполеоном Бонапартом.

Внимательное ознакомление с доступными для исследования источниками позволяет сделать неожиданный вывод: открытие новициата в Полоцке стало большим и заметным событием для современников, но его деятельность, как представляется, оказалась не столь эффективной, как можно было бы того ожидать. Число послушников было подвержено значительному колебанию, что, возможно, находит объяснение в сути новициата – подготовить претендентов к вступлению в число полноправных членов ордена иезуитов. В новиции отбирались лучшие из обучавшихся в классах, показавшие наиболее выдающиеся результаты, и готовые следовать правилам ордена иезуитов. Надо полагать, что не все из послушников доходили до естественного завершения сложного испытания. Так, данные каталогов говорят о том, что при открытии новициата в 1780 году к послушничеству призвали 10 новициев. К 1783 году насчитывалось 14 новициев, в 1785 – 7, в 1786

– 12, в 1788 – 14, в 1790 – 12.⁵⁹ Вместе с тем следует учитывать и естественную убыль в рядах не только самих отцов-иезуитов, среди которых было достаточно много людей преклонного возраста, но и среди новициев. Каталоги иезуитов, изданные в Полоцке, содержат точные списки умерших в коллегииуме отцов-иезуитов и новициев. Например, 29 июня 1782 года в Полоцком новициате умер сын Фадея Липского Рафаэль Липский.⁶⁰ С августа 1803 года в каталогах отсутствуют списки новициев по Полоцкому коллегииуму. Изучение каталогов говорит о том, что далеко не каждый из полоцких новициев впоследствии был рукоположен в священники. Такой чести удостоивались наиболее отличившиеся новиции, обладавшие большими знаниями и духовным опытом, зарекомендовавшие себя в качестве истинных почитателей и ревнителей ордена иезуитов. В качестве примера можно привести Тадеуша Ивановского, который в 1783 году был новицием схоластиком в полоцком новициате, а затем рукоположен в сан священника. Тадеуш Ивановский стал одним из отцов-иезуитов, проявивший наибольшие старания в делах Полоцкого коллегииума. Умер Тадеуш Ивановский в 1793 году в Полоцке.

Ознакомление с каталогами, издаваемыми в Полоцком коллегииуме, а первый такой каталог был издан в 1788 году (до этого они издавались в Могилеве), позволяет представить порядки, существовавшие в Полоцком коллегииуме, в том числе, в новициате. Принятие в послушники уже само по себе говорило о доверии, которое оказывалось тому или иному кандидату в новициат. Из-за территориальной удаленности от стран Западной Европы, а также в силу социально-политических причин в новициат поступали в основном представители польских семей. В 1783 году в новициате Полоцкого коллегииума из общего числа новициев более 80 процентов были поляки. Более того, и это также считалось вполне нормальным явлением, в коллегииуме и новициате было 2–3 иезуита из одной семьи, в частности: Борковские, Ростовские, Залеские, Крупские. В Полоцком коллегииуме, помимо схоластов и коадьюторов, в новициате также были новиции схоластики и новиции коадьюторы. Такие различия в статусе обитателей коллегииума являются важным сви-

⁵⁹ *Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Alba Russia ex anno 1790 in annum 1791.* – P. 92.

⁶⁰ *Catalogus personarum et officiorum societatis Jesu in Alba Russia ex anno 1784 in annum 1785.* – P. 9.

детельством того, что Полоцкий коллегийум не стал исключением из общих правил иезуитов, относящихся к обустройству коллегийумов и иерархии в ордене. Так, спустя 10 лет после открытия новициата в Полоцке в нем состояло 14 новициев, среди которых:

Новиции схоластики:

- Алоиз Ландес;
- Ян Даргевич;
- Ян Маер;
- Алоиз Лоффлер;
- Антон Пуэль;
- Клеменс Шпак;
- Георгий Гинтовт;
- Лоренц Дукшинский;
- Норберт Корсак.

Новиции коадьюторы:

- Донатус Буркхарт;
- Мартин Кутлер;
- Ксаверий Найер;
- Антон Магг;
- Станислав Лисовский.⁶¹

По общему правилу послушники находились в новициате два года. Первый год считался самым трудным, поскольку приходилось отказываться от обычных, доступных мирянам потребностей и выполнять самые тяжелые работы. Последующий год отводился в большей степени на духовные упражнения, и особенно много времени уходило на проповеди и катехизис. Много времени уделялось истории ордена иезуитов, а также биографии учредителя ордена Игнатия Лойолы. Новиции усердно изучали материалы генеральных конгрегаций (конституции, декреты и др.), в том числе и тех конгрегаций, которые прошли в Полоцке: в 1782, 1785 и 1799 гг.⁶² В помощь новициям назначался из числа отцов-иезуитов попечитель или наставник, имевший помощника. Первым таким попечителем в новициате Полоцкого коллегийума стал отец Любовицкий, в последующих годах кроме него много времени уделяли послушникам отцы Антон Михнович и Августин Магнани.

⁶¹ *Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Alba Russia ex anno 1788 in annum 1789.* – P. 64.

⁶² *Institutum Soc. Jesu, Editio novissima, Romae.* – 1869. – Т. 2. in – 4.

Папа Климент XIV

Из доступных для обозрения материалов неясно, имелся ли в Полоцком коллегиуме так называемый «пробный дом» (*domus probationis*), что было характерно для новициатов в других странах, где были коллегиумы. В таком доме в течение нескольких недель претендент на вступление в орден иезуитов должен был своим поведением подтвердить незыблемость своего желания быть членом Общества Иисуса. Только в случае положительного результата испытываемый зачислялся в новициат. Вместе с тем отдельные источники, в том числе каталоги иезуитов, косвенно свидетельствуют о наличии такого дома и в Полоцком коллегиуме. Во-первых, коллегиумы иезуитов, располагавшиеся по всему миру, следовали одним и тем же правилам, в чем было одно из проявлений жесткой дисциплины в ордене. Во-вторых, в каталогах мы видим в числе прочих имен отцов-иезуитов имена, сопровождаемые дополнительной информацией о том, какого рода занятия доверялись тому или иному иезуиту в Полоцком коллегиуме. Среди прочих пояснений к именам упоминается термин «*domus*», чаще всего в сокращенном варианте «*dom.*», что в переводе с латинского языка, прежде всего, означает «дом», «жилище», «местопребывание». Новициат в Полоцком коллегиуме находился в специально отведенном для этого помещении, которое представляло собой достаточно большой зал. Это место было одним из тех мест, куда иезуиты с большой охотой приглашали для ознакомления с новициатом знатных гостей, таких, как Екатерина II и Павел I. Однако следует отметить, что во многих европейских странах под

новициат иезуитами отводились отдельные здания, некоторые из которых имели вид дворцов.

Представляется, что судьба новициата Полоцкого коллегиума оказалась в зависимости от тех событий, которые привели к массовому притоку иезуитов в Полоцк после упразднения ордена папой Климентом XIV в 1773 году. Вследствие того, что Полоцк стал центром ордена, сюда стали съезжаться иезуиты из многих стран, что само по себе решило проблему их нехватки в белорусских коллегиумах, и в Полоцком коллегиуме, в частности. Таким образом, фактически новициат можно было рассматривать как институт, необходимый сугубо для отбора лучших претендентов на вступление в орден иезуитов, но не как инструмент, позволявший пополнять Полоцкий коллегиум новыми отцами-иезуитами. Более того, материалы, относящиеся к деятельности Общества Иисуса в Белоруссии, говорят о существовавшем в Полоцке отборе на принятие в коллегиум прибывающих сюда иезуитов из других городов и стран.

*Здание костела Святого Стефана и академии в Полоцке.
Рисунок Наполеона Орды.*

§ 3. Открытие Полоцкой академии

Полоцкий коллегийум не стал единственным проектом иезуитов, над которым они упорно и успешно трудились на протяжении более двухсот лет. Закономерным, хотя и не гарантированным результатом их активной деятельности стало открытие в Полоцке академии. Источники по данной теме традиционно носят описательный характер, сосредотачиваясь больше всего на фактах и описании самого момента открытия академии. Из имеющихся материалов можно сделать поспешный вывод о том, что академия сама упала в руки отцам-иезуитам, и само это событие было во многом неожиданным для современников. При поверхностном рассмотрении может показаться, что иезуиты достигли своей цели: создали коллегийум, который стал основой их миссии не только в Российской империи, но и ядром их центра, каковой возник после упразднения ордена иезуитов. Интересно, что всякое описание Полоцкого коллегийума обходится без упоминаний о перспективах его дальнейшей трансформации в образовательное учреждение более высокой формации. Возникает также вопрос: ставили ли перед собой сами иезуиты какие-либо дальние цели относительно статуса их заведения в Полоцке, или коллегийум был их конечной целью? Ответ на этот вопрос надо искать в истории ордена иезуитов, а также в документах, и что особенно важно, в переписке отцов-иезуитов и в их воспоминаниях.

В период распространения ордена иезуитов по всему миру папские буллы планомерно наделяли коллегийумы и их ректоров достаточно большими правами. Но само по себе интенсивное развитие университетского сообщества в таких странах, как Италия, Франция и Германия, создавало конкурентную среду в образовательном пространстве, приводило к параллельному развитию двух образовательных систем: светской и религиозной. При этом надо учитывать, насколько сильно было влияние католической церкви во многих странах и не только Европы, но и остального мира. До настоящего времени видны следы этого противостояния: во многих странах действуют католические университеты, специальные образовательные программы и фонды.

К началу XIX века университеты как образовательные учреждения более всего соответствовали потребностям общества, которое нуждалось в специалистах, имеющих знания в различных

областях: технических и гуманитарных. Требовались разделенные знания и разделенные профессиональные навыки, которыми могли обеспечить именно университеты. Кроме того, университеты за долгие годы своего существования выработали устойчивые традиции образовательного процесса и солидную научную базу. В коллегиях же иезуитов, напротив, разделение знаний не имело системного характера, что часто выражалось в организации занятий и при решении вопроса о закреплении предметов за обучающимися. Преподаватель часто читал не одну дисциплину, а несколько дисциплин, причем относящихся к различным областям знаний. Например, в Полоцком коллегии в 1783 году теологию и математику преподавал Михаил Боровский.⁶³ В 1784/1785 году механику и архитектуру преподавал Габриель Грубер.⁶⁴ В 1786 году философию и математику преподавал Иосиф Анджиолини.⁶⁵ В других случаях преподаватель читал смежные, по представлениям того времени, предметы. Так, по сложившейся в XVI–XVII вв. традиции, каноническое право развивалось одновременно с моральной теологией, и в коллегиях иезуитов оба предмета преподавал один и тот же профессор.⁶⁶

С начала XIX века университетское образование в европейских странах получило новые импульсы для своего развития и совершенствования. Одна из важнейших причин этого процесса состояла в возникновении новых форм хозяйственной деятельности, создании и укреплении организованных форм государственного управления: создавались основы промышленного производства с его важнейшими компонентами, банковские и налоговые системы, организованный рынок ценных бумаг, государственные надзорные системы и ведомства и многое другое. В этих условиях требовались и новые подходы к организации университетского образования. Не могли оставаться в стороне от этих процессов и коллегии иезуитов, оказавшиеся в достаточно сложной для них ситуации.

⁶³ *Catalogus Personarum Societatis Jesu in Alba Russia A. D. 1783.* – P. 62.

⁶⁴ *Catalogus Personarum et officiorum Societatis Jesu in Alba-Russia Ex anno 1784 in annum 1785.* – Mohilovie, In Privileg: a Sua Imperatoria Majest: Typogr: Ar: Episc: – P. 3.

⁶⁵ *Catalogus Personarum et officiorum Societatis Jesu in Alba-Russia in annum 1786.* – Mohilovie, In Privileg: a Sua Imperatoria Majest: Typogr: Ar: Episc: – P. 30.

⁶⁶ Карзо, М. А. О полемике ясенистов и иезуитов, о благодати и свободе воли / М. А. Карзо. – Сектор этики Института философии РАН. Этическая мысль. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001. Электронный ресурс: <http://ethies.iph.ras.ru/em2/7htm>. Дата доступа: 16.10.2010.

Ж. Кретине-Жоли (1803–1875), свидетель нового времени и сопровождавших его событий отмечает, что дома иезуитов были подчинены юрисдикции университетов. Важно было избавить коллегии от внутренних разногласий, которые продолжал генерировать их дух, и которые препятствовали будущему.⁶⁷

Ознакомление с перепиской высокопоставленных отцов-иезуитов не оставляет сомнений в том, что все первое десятилетие XIX века иезуиты работали на поставленную ими конкретную цель: открытие в Полоцке академии. В письме отцу Ландесу, провинциалу, датированным августом 1810 года, отец Бжозовский пишет: «Я тружусь здесь, чтобы получить Академию в Полоцке... Преобразовать коллегиум Полоцка в высокий ранг Академии – это большое дело, которое будет предпринято, и которое в случае успеха будет элегантным решением вопроса, поднятого Указом 1804 года. Достаточно зависимости всех иезуитских коллегиумов от этой академии Полоцка».⁶⁸

Вместе с тем интерес вызывает следующий вопрос: почему зашла речь об открытии в Полоцке именно академии, а не университета? Ответ на этот вопрос обнаруживает целые пласты знаний, указывающих на наличие конкретных и весьма весомых обстоятельств, приведших к созданию академии, но не университета.

Во-первых, идеология ордена иезуитов в принципе допускала существование особой категории верующих, отличных от остальных членов Общества Иисуса. К этой категории можно было бы отнести отцов-иезуитов, достигших высших постов в управленческой иерархии ордена, например, провинциалов или ассистентов. Однако в представлении иезуитов привилегии могли принадлежать и членам Общества, которые становились на особый путь получения знаний и их совершенствования. Важнейший документ иезуитов – *Ratio studiorum* – содержал специальный раздел «Правила академии», в котором в пункте первом было закреплено понятие академии: «Под Академией мы понимаем собрание людей прилежных, одушевленных большим благочестием, взятых из всего собрания схоластов, под

⁶⁷ Crétineau-Joly, J. Histoire religieuse, politique et littérature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques (3-e édition, revue, augmentée et enrichie d'une table alphabétique des matières) / J. Crétineau-Joly. – 1851. – P. 5–6.

⁶⁸ Rouet de Journal, M. J. La Compagnie de Jésus en Russie un college de jésuites a Saint-Petersbourg / M. J. Rouet de Journal. – 1800–1816. – Paris, Librairie académique Didier. – Perrin et C, Librairie-Éditeurs 35, Quai des Grands-Augustins, 35. – 1922. – P. 168.

председательством Префекта нашего Общества, для того чтобы предаться частным упражнениям, касающихся знаний».⁶⁹

Во-вторых, в общественном мнении и уж тем более в глазах церкви, университеты утратили свой былой авторитет. В XV–XVIII вв. в связи с возникновением в ряде стран академий занятия наукой переходили туда, роль университетов как научных центров снижалась, авторитет их падал. К тому же выявились и слабости университетов: плохое преподавание, падение дисциплины, анахронизм с некоторыми привилегиями и т. п. Особенно в тяжелом положении оказались итальянские университеты, в которые перестали ездить учиться из Германии и Восточной Европы, где открылось много местных университетов. Падению авторитета университетов способствовало и то, что исчезал их наднациональный характер, образование начинало приобретать национальный оттенок, латынь перестала быть общим языком, католическая церковь находилась в состоянии раскола, т. е. духовное единство Европы отошло в прошлое. Появились католические и протестантские университеты. Исследователи отмечают, что в позднее Средневековье меняется социальный состав студенчества, а вместе с ним и образ жизни многих студентов. Образование становится нужным и для служебной карьеры, поэтому в университетах появилось много выходцев из аристократической среды, обладавших большими средствами, ведущих разгульный образ жизни.⁷⁰

Оценивая ситуацию, сложившуюся в связи с обсуждением вопроса об открытии в Полоцке академии, следует учитывать то обстоятельство, что начало XIX века ознаменовалось для Российской империи важными событиями, а именно: созданием университетов, т. е. происходило то, что давно стало историей европейских стран, когда в их городах открывались университеты. Причем этот процесс в большей степени развивался еще в XIII–XIV веках. Университеты создавались во многих городах Италии: в Падуе, Виченце, Верчелли, Арецо, Ферраре, Риме, Неаполе, Перуджии, Турине и др. городах. Во Франции – университеты Монпелье, Орлеана, Тулузы, Вьенна, Лиона, Авиньона и др. В середине XIV века учреждаются университеты в Праге (1348 г.), Вене (1365 г.), Гейдельберге (1386 г.) и других городах Европы. В одной только

⁶⁹ Compagnie de Jésus. Programme et règlement des études de la Société de Jésus: comprenant les modifications faites en 1832 et 1858 / trad. par H. Ferté,.... 1892. – S. 133.

⁷⁰ Аврус, А. И. История российских университетов. Очерки / А. И. Аврус. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 6.

Германии к началу XV века насчитывалось более десятка университетов.⁷¹ В России становление образования в виде организованного и системного явления связывается с созданием университетов в Москве (1755 г.), Казани (1804 г.), Харькове (1804 г.), Вильне (1803 г.), Петербурге (1819 г.). Таким образом, сложилась крайне благоприятная обстановка для открытия академии с правами университета в Полоцке. Кроме того, положительному решению вопроса как нельзя лучше способствовала сама история Полоцкого коллегияума, которая развивалась по нарастающей, и была отмечена многими достижениями и успехами. Стечение многих обстоятельств, как внутреннего, так и внешнего характера, привело в конце концов к закономерному результату – открытию в Полоцке академии. Указом Императора Александра I от 12 января Полоцкий иезуитский коллегияум был переименован в академию иезуитского ордена.

В Указе от 12 января 1812 года говорилось следующее:

«1. Коллегияум иезуитов в Полоцке теперь должен называться академией Общества Иезуитов.

2. Управляет академией непосредственно генерал иезуитов.

3. Все коллегияумы Общества, уже основанные в России и которые действуют в настоящее время, будут подчинены академии Полоцка.

4. В этой академии молодые люди будут изучать все науки, определенные правительством, за исключением медицины и уголовного права.

5. В том, что касается образования, академия Полоцка и коллегияумы, которые ей подчинены, в конечном итоге будут зависеть от Министерства народного просвещения. Что касается других пунктов, в соответствии с конституциями Общества Иисуса, эти дома будут зависеть от духовной власти и ее религии.

6. Общество Иисуса, с доходами достаточными для поддержания своих школ, не получит от правительства никакой помощи более, чем для академии Полоцка».⁷²

⁷¹ Дювернуа, Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение. Учение о лице / Н. Л. Дювернуа / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – С. 117.

⁷² Rouet de Journal, M. J. La Compagnie de Jésus en Russie un college de jésuites a Saint-Petersbourg / M. J. Rouet de Journal. – 1800–1816. – Paris, Librairie académique Didier. – Perrin et C, Librairie-Éditeurs 35, Quai des Grands-Augustins, 35. – 1922. – P. 179.

20 июня 1812 года был издан Указ Сената «о возведении Полоцкой иезуитской коллегии в степень академии (Академия иезуитского ордена)».⁷³ Структура Академии достаточно четко определялась специальной грамотой Императора Александра I от 1 марта 1812 года.

«Божиею поспешествующею милостию, Мы, Александр Первый, Император и самодержец Всероссийский и проч., и проч. Желая торжественно ознаменовать особенное благоволение Наше к Полоцкой Иезуитской Коллегии, толикою пользу принесшей воспитанием юношества, Мы предназначили возвести заведение сие на степень Академии, поставив в зависимость от нея все другие Иезуитские училища в Государстве и уравнив оную в правах и преимуществах с Университетами. В грамоте же сей заблагорассудили Мы явственно изложить присвоенные Университетам права, приличествующие сему ордену, соизволив Императорским нашим словом за Нас и за Преемников наших постановить следующее:

1) Полоцкая Иезуитская Коллегия, восприяв отныне наименование Академии, пребудет под непосредственным Нашим покровительством, и, состоя по учебной части с совершенной зависимости от Министерства Народного Просвещения, управляема будет Генералом Иезуитского Ордена.

2) В сей Академии преподаваемы будут науки, свободные Художества и языки, которые все должны быть разделены на три факультета.

3) Первый факультет заключает в себе языки; второй свободные Художества, философские и другие, как Естественные, так и Гражданские науки; третий Богословию и прочие науки, до веры касающиеся.

4) Факультет языков заключает в себе языки: 1) Российский, 2) Французский, 3) Немецкий, 4) Латинский, 5) Греческий, 6) Еврейский. В последствии времени, по усмотрению и одобрению Министра Просвещения, Генерал Ордена может ввести какой-либо другой язык, полезный в Государстве.

5) В Факультете свободных Художеств, философских и других Естественных и Гражданских наук, преподаются: 1) Поэзия, 2) Риторика, 3) Нравственная Философия, 4) Логика и Метафизика, 5) Физика всеобщая, частная и опытная, 6) Химия, 7) Математика чистая и прикладная, 8) Архитектура Гражданская и Во-

⁷³ Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. № 1461, оп. № 2, Ед.

енная, 9) Право Естественное, Право частное и Право Римское Гражданское, 10) История Естественная и 11) История Всеобщая.

6) Для всех предметов Академия имеет потребное число профессоров.

7) Факультет Богословия и других наук, до веры касающихся, включает в себе: 1) Богословию догматическую, 2) Богословию нравственную, 3) Священное писание, 4) Право Каноническое, 5) Священную Историю.

8) Каждый факультет имеет особенного Декана, избираемого на определенное время академическим ученым собранием.

9) Избрания во все академические места и должности имеют быть производимы по большинству голосов в полном собрании Академии, и представляемы на утверждение Генералу, а от его имени Министру Просвещения.

10) Все Иезуитские Училища, в Империи учрежденные и впредь учреждаемые, подчиняются Иезуитской академии.

11) Генерал Ордена, не имея возможности всегда находиться в Полоцке, по причине обязанностей по его Ордену, управляет Академиею, так как и всегда бывало в сем Ордене, посредством Провинциала и Ректора сей самой Академии.

12) Ректор Академии имеет при себе четырех Советников или помощников, для облегчения его в отпращивании должности и для совокупного рассуждения о важнейших предметах.

13) Каждый Декан Факультета представляет Ректору на усмотрение, что найдет полезным для введения вновь в употребление в его факультет.

14) При Академии находится Канцлер, избираемый из людей, известнейших по своим обширным познаниям в науках, по своей неограниченной ревности и по испытанной способности к исправлению обязанностей сего звания. Должность его есть вспомоществовать Ректору в распоряжении учением, в управлении упражнений и публичных актов и суждений о познаниях тех, кои имеют быть допущены к актам, и к возведению на степени.

15) При Академии находится Секретарь, избираемый из самого Ордена. Он ведет список всем ученикам, постоянно посещающим училище; хранит Ректорскую печать и безмездно исправляет должность свою в отношении к ученикам.

16) Академия имеет собственного своего Нотариуса, который выдает свидетельства на получение степеней и производит все другие дела, с его должностью сопряженные.

17) Академия имеет трех педелей («педель» – надзиратель. – В. Б.), для каждого Факультета по одному.

18) Правила, относящиеся до поведения и занятий в науках учеников, выставляются публично; Ректор же с подчиненными ему управляющими надзирает за точным их соблюдением.

19) Провинциал, при ежегодном осматривании Коллегии и других училищ сего Ордена, входит в порядок и успехи учения, делает о том донесения Генералу, который со своей стороны препровождает оные Министру Народного Просвещения.

20) Полоцкая Иезуитская типография состоит в ведении тамошней Академии. Цензура печатаемых в ней книг вверяется трем ученым Членам Общества, известным своими достоинствами.

21) Если бы какой-нибудь ученик, особливо из высших классов, оказался виновным в непослушании или в сопротивлении при важных случаях, то Ректор имеет право требовать посредства от Правительства и помощи Полиции.

22) Письма Ректора принимаются в Почтамтах безденежно; здесь разумеются и те, которые он сам отправляет к начальникам различных учебных заведений сего Ордена и письма к нему сих последних.

23) Академия имеет право возводить в ученые степени, как то: в достоинство Магистров свободных наук Философии, также в Доктора Богословия и прав Гражданского и Канонического.

24) По уважению того, что Полоцкая Академия возведена на равную степень с Университетами, существующими в Государстве, аттестаты, от оной выдаваемые, имеют равную силу с аттестатами, выдаваемыми от упомянутых Университетов.

25) Студенты, удостоенные по испытанию аттестатов и похвальных свидетельств от Ректора Академии, при вступлении в службу получают чины 14 класса.

26) Академия может беспрепятственно выписывать из чужих краев, как морем, так и сухим путем, все нужные инструменты и книги для учебных занятий и для Академической Библиотеки.

27) Все здания, принадлежащие Академии, равно и загородный дом, близ Полоцка стоящий, дабы Профессоры и самые ученики могли во всякое время ходить туда для пользования чистым

воздухом и отдохновениями от тягостных ученых занятий, будут свободны от военного постоа.

28) В Академии позволено будет пользоваться знаками отличия, введенными в употреблении во всех Академиях Европейских.

29) Письмоводство Академии и производимые в ней дела освобождаются от всех пошлин и употребления гербовой бумаги.

Тако утверждая Императорскою Нашей Грамотою и ограждая благосостояние Полоцкой Иезуитской Академии, Мы надеемся, что Начальство и Члены оной, ревнуя о совершении Наших намерений, потщатся ничего не упустить из виду, дабы доставить словию сему полное и непрерывное действие на пользу Академии и подведомых ей училищ.

В сем уповании благоволили Мы настоящую Грамоту, яко свидетельство непреложное воли Нашей, собственноручно подписать и повелели, утвердив оную Государственной печатью, отдать для хранения на вечные времена Академии. Дана в С.-Петербурге, Марта 1 дня 1812 года».⁷⁴

Вышеназванные документы закрепили создание академии в Полоцке и правовые основы ее деятельности, однако в последующие годы принимались и другие акты, которые были необходимы для выполнения академией всех ее функций и касались внутреннего устройства, взаимоотношения со светскими властями, а также касались порядка производства в ученые степени и вопросов, связанных с поступлением на службу выпускников академии.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, насколько академия в Полоцке соответствовала правам университета, и в чем состояли особенности ее правового статуса, поскольку в литературе традиционно указывается на то, что академия в Полоцке была приравнена в правах к университету. Ознакомление с имеющимися источниками дает возможность прийти к следующим выводам:

1. Полоцкая академия имела свой особый правовой статус, который однозначно исключал ее университетский статус, но который приравнивал академию к университету по объему закрепленных прав.

2. Академия в Полоцке более всего являлась организацией религиозной направленности, нежели светским учреждением, в

⁷⁴ Сапунов А. П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. – Витебск: типография Губернского правления, 1890. См.: Иезуиты в Полоцке: 1580–1820 гг. В 2 ч. Ч. 2 / Сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. А. Судника. – Полоцк: А. И. Судник, 2005. – С. 32–34.

котором основу составляет образовательный процесс. Тому есть материальные и формальные подтверждения. Академия утверждалась в своих правах в системе религиозных отношений, выработанных за долгие годы существования ордена иезуитов, и вся ее внутренняя организация как учреждения, в котором осуществлялось обучение, служила главным целям иезуитов, следовавшим из конституций и устава Общества Иисуса. Формальным подтверждением являлось название академии, которое закреплялось в ст. 1 Указа от 12 января 1812 года: «академия Общества иезуитов». В этом последнем случае обнаруживаются определенные юридические нюансы, а именно: в документах о создании ордена иезуитов указывается в качестве точного названия ордена «Общество Иисуса». В других случаях, в том числе в обиходе, в качестве равнозначных понятий употреблялись такие обороты, как «Общество иезуитов», «орден иезуитов», «орден».

3. Самое возможное, что можно было бы сделать – это идентифицировать Полоцкую академию в качестве учреждения университетского типа. Более полная идентификация не представлялась возможной из-за объективных факторов, первым из которых являлся сам тот период, когда в Российской империи еще только начали создаваться университеты и поэтому отсутствовали четкие представления об их правовом статусе, равно как и затруднительным было понимание их сущности.

4. Бесспорным является тот факт, что академия в Полоцке наделялась правами не единожды, а в течение всего времени своего существования, что только подтверждает особенности того времени, времени создания университетского образования в российской империи.

5. Все последующие документы, наделявшие академию правами, свидетельствовали, с одной стороны, о признании ее в качестве учреждения подобного университету, а с другой стороны, могли указывать на стремление светских властей секуляризировать не только имущество, но и может быть даже саму систему образования иезуитов.

6. Став академией, Полоцкий иезуитский коллегийум, наконец-то избавился от той незавидной участи, когда должен был постоянно находиться в поле зрения академии в Вильно и вести длительные дискуссии о сущности и методах обучения. Теперь уже как академия он стал головным учреждением для иезуитских школ и коллегийумов, обретавшихся в Российской империи.

Обращает на себя внимание то, что по своей структуре Полоцкая академия была близка к структуре европейских университетов периода средневековья. Всего в средневековых университетах насчитывалось 4 факультета: медицинский, теологический (богословский), юридический, свободных искусств (артистический). Первые три считались высшими, а последний – низшим. Студенты высших факультетов могли быть одновременно преподавателями на факультете свободных искусств. Факультет рассматривался первоначально как совокупность магистров определенной отрасли знаний; каждый из них был независим, имел во главе декана и свою печать.⁷⁵

Таким образом, иезуиты достигли своей вожделенной цели, а их нахождение в Полоцке обрело новый смысл и наполнилось новым содержанием. Само открытие Полоцкой академии превратилось в достаточно торжественную церемонию и ясно указывало на всю важность этого события не только для иезуитов Полоцка, но и всего мирового сообщества иезуитов.

Описание открытия академии в Полоцке чаще всего ограничивается указанием на торжественность самого мероприятия без детализации этого события. Кроме того, встречаются и расхождения относительно точной даты открытия академии, что отчасти объясняется тем обстоятельством, что из-за вторжения Наполеона Бонапарта в пределы Российской империи открытие академии состоялось дважды, в 1812 и в 1813 гг. Наиболее подробно это событие описано у

*Иезуит. Фрагмент
гравюры начала
XIX века.*

⁷⁵ Аврус, А. И. История российских университетов. Очерки / А. И. Аврус. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 5.

М. Морошкина в его работе, изданной в Санкт-Петербурге в 1867 году. Зарубежные авторы впоследствии ссылались именно на эту работу, когда рассказывали об открытии академии в Полоцке.

Возведение полоцкого коллегиума в академию и уничтожение зависимости иезуитских учебных заведений от университетов было таким громадным событием в жизни иезуитского ордена, что было непростительно со стороны иезуитов, если бы они не отпраздновали его с особой торжественностью. Несмотря на то, что неприятель стоял, так сказать, у порога России, иезуиты поспешили открыть свою академию. 10 июня 1812 года свершилось это торжество «со всевозможным великолепием», – как выражается Березовский в письме своем к Разумовскому. В самом деле, к этому дню, по разосланным от иезуитов повесткам и рекламам, собралось в Полоцке множество дворян со всей Белоруссии и Литвы; герцог Виртембергский, занимавший должность белорусского генерал-губернатора, нарочито приехал в Полоцк для этого торжества со своею свитою; Де-Местр никак не мог не быть при окончательном торжестве дела рук своих; из духовных прелатов явились на это торжество Греко-униатский архиепископ и Латинский епископ Дедерко. При музыке, аккомпанируемой голосами, Дедерко совершил литургию в главном иезуитском костеле и сказал проповедь; при литургии находились все чины академии, воспитанники и посторонние лица. После того, в процессии все отправились в большую иезуитскую залу, в которой на золотой подушке лежала грамота академии пред бюстом Государя Императора. Когда все пришли в залу и заняли места, епископ Дедерко сказал речь; потом прочитано письмо митрополита Сестренцевича... После этого надзиратель, находящийся при иезуитском генерале, взявши грамоту, отдал ее герцогу Виртембергскому, который передал ее, как министр прелату, для торжественного отнесения ее в церковь; в это время все присутствовавшие встали со своих мест и в процессии, подобно крестному ходу, медленно двинулись в иезуитский костел по городской площади, среди оглушительных громов музыки и выстрелов из пушек. Процессия шла таким порядком: впереди шли длинными рядами расставленные и разделенные на пять классов воспитанники академии; за ними такими же рядами шли отцы-иезуиты, из которых многие прибыли на это торжество из других училищ; потом прелат, окруженный двумя канониками, нес грамоту, которой печать и кисти поддерживались

двумя воспитанниками, одетыми в белое платье. Процессию заключал герцог Виртембергский со своею свитою. Но ничто столько не делало приятным это зрелище, – писал Березовский к Разумовскому, – как то, что несены были 70 знамен с гербами разных народов и областей подвластных Его Императорскому Величеству. Таким образом, грамота принесена была в церковь, которая на этот раз была особенно украшена, и посреди которой поставлен был трон, украшенный пурпуром, и над троном портрет Александра I. В церкви прочитан был Указ о возведении полоцкого коллегіума в академию, потом прочитана сама грамота и положена была на означенный трон; после того, один из иезуитов сказал похвальную речь Императору Александру I; за речью следовал поток стихотворений на 7-ми языках. По окончании всего этого герцог взял грамоту и вручил ее ректору академии для всегдашнего хранения ее. Торжество завершилось гимном, т. е. *Te Deum laudamus*. Ночью была разная иллюминация, вся площадь перед иезуитским заведением горела огнями и освещалась транспарантами. На передней части иезуитского костела, обращенного к площади, поставлен был огромного размера орел между двумя своими головами держащий имя Александра I, окруженное лаврами и украшенное короной, под ним написано было: *quaesivit bona genti suae* (взыскал добро народу своему); по правую и левую сторону его возвышались две высокие пирамиды, составленные из разных цветов. На левой стороне храма в разных символах и эмблемах представлены были добродетели Государя. Там же разные науки изображены были разными символами. Не остались забытыми и имена принца Виртембергского и министра Разумовского, и им даны были приличные места на иезуитском храме и с приличными льстивыми эпитетами. В заключение спущен был огромный, расписанный разною живописью, аэростатический шар, со следующей на нем надписью: *tutus Alexandri auspiciis eo laetus ad astra* («безопасный под защиту Александра, лечу я весело вверх»).⁷⁶

⁷⁶ Морошкин, М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть вторая обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и до нашего времени / М. Морошкин. – Санкт-Петербург. – 1870. – С. 509-512.

Глава II

СТРУКТУРА ПОЛОЦКОЙ АКАДЕМИИ

§ 1. Административные и учебные подразделения

Полоцкая академия на момент ее создания не могла соизмеряться с теми университетами, которые появлялись с начала XIX века в Российской империи. Отличия, свойственные университетам, могли быть причислены к академии в Полоцке лишь отчасти, поскольку иезуитская академия представляла собой совершенно уникальное учреждение, равного которому в Российской империи не было, и, как покажет время, не будет впоследствии.

Представление о внутреннем устройстве академии возможно лишь с точки зрения ее восприятия в качестве: а) миссии иезуитов в том значении, какое всегда придавалось этому понятию в связи с деятельностью ордена иезуитов, прежде всего, привлечение как можно большего числа верующих в лоно католической церкви; б) учреждения, в котором обучались предметам, имеющим по представлению отцов-иезуитов первостепенное значение в деле воспитания новых членов ордена: теологии, логике, философии, языкам; в) учреждения, обладавшего правовым статусом, дающим многие права университетов и от того примыкающего к образовательной системе Российской империи; г) учреждения, выступающего в качестве головного по отношению к другим учреждениям (иезуитские школы, коллегииумы и др.) в созданной иезуитами системе.

Все вышеназванные свойства Полоцкой академии налагали особый отпечаток на ее структуру, в том числе на административный уклад и организацию обучения. С точки зрения уточнения правового статуса академии, наиболее важным является Указ от 12 января 1812 года, в соответствии с которым на Полоцкую академию должны были распространяться циркуляры и предписания Министерства народного просвещения, относящиеся к сфере образования. То же касалось и иезуитских коллегииумов, подчиненных академии в Полоцке. Во всем остальном, что касалось «духовной власти и ее религии», академия руководствовалась конституциями и другими актами Общества Иисуса. Уже в самом

этом сочетании двух начал, религиозного и светского, скрывалась основа будущих противоречий, в то время как их устранение затруднялось из-за отсутствия четкой и ясной регламентации деятельности учреждений такого типа, каковым являлась Полоцкая академия.

Тадеуш Бжозовский. Генерал Общества Иисуса (1805-1820).

Управление академией в Полоцке возлагалось непосредственно на генерала ордена иезуитов. Вместе с тем, по уже сложившейся давней традиции, идущей со времен папской буллы от 22 октября 1552 года, академию должен был возглавить ректор, который по объему своих прав был приравнен к ректорам университетов. Причем такое равенство обеспечивалось в первую очередь установлениями папского престола и уже затем, так или иначе, признавалось университетами и светской властью. Таким образом, в силу сложившихся обстоятельств и действующих правил, управление в Полоцкой академии нельзя было приравнять к тому управлению, что было принято в университетах. Весьма красноречиво говорят сведения из каталога иезуитов за 1813–1814 гг., в котором представлены сведения о лицах, занимающих руководящие посты в Обществе Иисуса и Полоцкой академии. В каталоге, изданном от имени Полоцкой академии Общества Иисуса, прежде всего называется Тадеуш Бжозовский, но как генерал ордена иезу-

итов. Далее в качестве ассистента (по иерархии иезуитов) и уже затем ректора «коллегиума Полоцкой академии» указан Антоний Люстиг. Затем указаны другие ассистенты и секретарь Общества Иисуса, и только потом отцы-иезуиты, с указанием преподаваемых ими дисциплин.¹

В Ratio studiorum изначально был помещен специальный раздел, посвященный ректору. В этом разделе содержались общие правила, касавшиеся статуса ректора, в том числе его прав и обязанностей. По общему правилу, ректор совмещал в себе качества руководителя коллегиума, университета или академии и духовного лица. Он должен был руководить учением, заботиться о добродетелях и монашеском призвании лиц, пребывавших в образовательных учреждениях иезуитов. Согласно п. 3 Ratio studiorum он приведет в порядок и объединит все то, что поощряет и развивает всякие литературные упражнения. Время от времени он будет посещать классы, даже начальные; он будет помощником частых публичных и частных споров философов и теологов, и он будет наблюдать за тем, что может препятствовать хорошим результатам этих упражнений.²

Кроме ректора, администрацию Полоцкой академии представляли деканы факультетов, секретарь и делопроизводитель академии, в том числе так называемые Про-секретари, министр, вице-регент, советники, а также попечители библиотеки и типографии. Академия имела свою печать и, что особенно интересно, своего нотариуса. Права и обязанности этих лиц определялись на основе правил, принятых в ордене иезуитов, а также циркуляров Министерства народного просвещения.

Ректор осуществлял общее руководство академией, выполнял представительские функции, рассматривал вопросы, связанные с назначением на должности, а также вопросы, касавшиеся взаимоотношения академии с другими учебными заведениями и светскими властями. Ретроспектива каталогов иезуитов, охватывающая достаточно продолжительный период времени, указывает на то, что на должность ректора претендовали в первую очередь полоцкие иезуиты, иезуиты, возведенные в ранг священнослужителя

¹ Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Imperio Rossiaco Ex Anno 1813. in Annum 1814. – P. 3–5.

² Compagnie de Jésus. Programme et règlement des études de la Société de Jésus: comprenant les modifications faites en 1832 et 1858 / trad. par H. Ferté,... 1892. – s. 18.

и зарекомендовавшие себя в глазах наиболее почитаемых отцов-иезуитов и генерала ордена, как наиболее заслуженные и преданные Обществу Иисуса служители. За всю историю Полоцкой академии ею руководили три ректора:

- 1813/1814 год – Антоний Люстиг;
- 1814/1815, 1815/1816, 1816/1817 гг. – Алоизий Ландес;
- 1817/1818, 1818/1819, 1819/1820 гг. – Раймонд Бжозовский.

В достаточно известной и единственной работе, изданной в 1905 году, которая посвящена Полоцкой академии, автор указывает, что «ректор академии назначает четырех советников или помощников для облегчения его работы при исполнении им своих обязанностей».³ В действительности сам ректор в иерархии Общества Иисуса выступал в качестве ассистента генерала ордена иезуитов, которых было четыре. Так, в 1813/1814 г. ректор Полоцкой академии Антоний Люстиг значился ассистентом генерала ордена Тадеуша Бжозовского. При этом надо учесть, что помимо ассистентов генерала, имелись еще и ассистенты провинциала. В Полоцкой академии в 1813/1814 г. провинциалом был Алоизий Ландес, имевший своих ассистентов.⁴ В этот период времени с ведома генерала ордена помощь ректору академии могли оказывать три других ассистента генерала: Иероним Вишерт, Ян Хошбишлер и Андрей Чиж. Таким образом, руководство Полоцкой академией осуществлялось не на основе собственно светского механизма, принятого в то время в создаваемых университетах Российской империи, а на основе той системы управления, которая была свойственна ордену иезуитов.

В 1813/1814 г. в Полоцкой академии была должность вице-ректора, которую занимал один из наиболее уважаемых отцов-иезуитов Иосиф Анджиолини. Он же значился и канцлером академии и в этом качестве должен был помогать ректору обеспечить научную часть образовательного процесса, публичные мероприятия и свободное времяпрепровождение отцов-иезуитов и обучавшихся в академии. К этому времени Анджиолини пробыл в Полоцке уже около 40 лет и состоялся на образовательном попри-

³ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1905. – S. 59.

⁴ См. *Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Imperio Rossiano Ex Anno 1813. in Annum 1814.*

ше как опытный преподаватель поначалу теологии, языков и диспута, а затем философии и математики. Умер Иосиф Анджиолини 28 марта 1814 года, и после его смерти должность вице-ректора Полоцкой академии уже не возобновлялась.

*Площадь перед Свято-Николаевским собором
в Полоцке во второй половине XIX века.*

Большую роль в организации преподавания и деятельности факультетов Полоцкой академии играли деканы факультетов. В соответствии со специальной грамотой Императора Александра I от 1 марта 1812 года было создано три факультета. В 1813/1814 г. деканами факультетов стали отцы-иезуиты, достигшие высокого положения в Обществе Иисуса по причине их обширных знаний и авторитета. Деканом факультета богословия был Ян Хошбишлер, больше всего отличавшийся своими огромными познаниями в области теологии. Деканом факультета свободных художеств стал Алоиз Руснати, один из старожилов ордена иезуитов, профессор теологии моральной. Деканом факультета языков довелось стать Раймонду Бжозовскому, профессору теологии догматической. Деканы факультетов обладали достаточно широкими полномочиями, относящимися к сфере интересов факультета, и среди прочего, занимались вопросами организации и проведения занятий, а также устройством быта и занятий самих преподавателей. Деканы факультетов избирались научным собранием Полоцкой академии, что само по себе диссонировало с заведенным у иезуитов орденом порядком, предполагавшим иерархичность и жесткую индивидуализацию в системе управления орденом. Это обстоятельство указывает на особенность жизненного уклада иезуитов, обретавшихся в условиях университетского окружения и циркуляров Министерства народного просвещения. В последний 1819/1820 учеб-

ный год Полоцкой академии деканами факультетов были: факультета богословия – Ян Розавен; факультета свободных художеств – Иосиф Цитович; факультета языков – Матеус Молилари.

Среди деканов Полоцкой академии большую известность приобрел Ян Розавен (Jean-Louis de Leissèques de Rozaven), родившийся в небольшом городке на северо-западе Франции в 1772 году. Розавен получил образование в коллегии города Кемпер, известного своим старейшим собором Святого Корентина, принадлежавшего католической церкви. В 1792 году из-за революционных событий был вынужден эмигрировать за границу. Некоторое время жил в Лондоне, а в 1794 году рукоположен в сан священника. В начале 1804 года Розавен приехал в Россию. С 1804 по 1815 гг. был префектом классов и преподавателем философии в коллегии иезуитов в Санкт-Петербурге. В 1815 году Розавен прибывает в Полоцкую академию, где исповедует догмат и становится деканом факультета богословия. О том, насколько широки были познания Розавена, можно судить по его письму к своей сестре, сохранившемуся в архиве епархии Кемпер, в котором он пишет: «Вы спросите меня, в чем мои занятия; четырнадцать лет находясь в этой стране, я последовательно преподавал риторику, философию, высшую математику, гражданское право, церковное право, богословие, Священное Писание, и я еще преподаю теологию; я также отвечаю за обширную переписку». После исхода иезуитов из России Розавен продолжил активную деятельность во благо Общества Иисуса, работал над написанием и изданием книг, посвященных делам церкви и ордену иезуитов, осуществлял работу над конституциями ордена и пользовался особым расположением папского престола. В 1862 году была издана его книга «Русская церковь и католическая церковь. Неопубликованные письма», которая до настоящего времени востребована исследователями истории католической церкви и ордена иезуитов.⁵ Ян Розавен умер 2 апреля 1851 года в Риме.

Особым образом обеспечивалась формально-бюрократическая и юридическая сторона деятельности Полоцкой академии. Работа административного механизма академии опиралась не только на внутренний уклад жизни иезуитов, конституции и правила ордена, но и поддерживалась юридическим сопровождением многих вну-

⁵ Jean-Louis de Leissèques de Rozaven [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infobretagne.com / Locronan-notabilites.htm>. – Дата доступа: 13.09.2015.

тренних дел. Полоцкая академия имела своего нотариуса, который наделялся вполне конкретными обязанностями, и благодаря его стараниям достигались многие цели, поставленные перед академией и самим орденом. Из имеющихся источников следует, что основная задача нотариуса состояла в выдаче свидетельств о получении степеней. Кроме того, нотариус совершал и иные действия, более свойственные ему в силу изначального предназначения, а именно: удостоверял сделки, готовил официальные документы и заверял их. Отцы-иезуиты с большим прилежанием относились к имуществу ордена и академии и прилагали большие усилия для обеспечения своего материального благополучия. В этом деле им требовались услуги нотариуса. Есть все основания полагать, что долгое время после создания ордена иезуитов в их коллегиях нотариусы отсутствовали и в случае необходимости прибегали к услугам внешних нотариусов. Во всяком случае, Т. Гризингер приводит примеры того, как в начале XVIII века отцы-иезуиты пытались решать интересующие их имущественные дела, связанные с наследованием в условиях, когда еще не имели своего штатного нотариуса.⁶ Пример Полоцкой академии показывает важную деталь, относящуюся к устройству нотариального сопровождения дел у иезуитов. Можно говорить о том, что с определенного времени коллегии иезуитов располагали собственными нотариусами, что в значительной степени облегчало решение многих сложных задач. Интересно, что в Полоцкой академии нотариус совмещал свои прямые обязанности с преподаванием учебных дисциплин. В 1814 году Клеменс Петровский, будучи нотариусом академии, значился также профессором юриспруденции и преподавал одну из важнейших учебных дисциплин – гражданское право. Практика нотариуса как нельзя лучше дополняла теоретические положения курса конкретными примерами. В своих лекциях Петровский много внимания уделял как раз тем вопросам, с которыми чаще всего приходилось сталкиваться в своей работе нотариусу, а именно: способы раздела имущества, завещания и условия их действительности, договоры и их оформление и др.⁷

⁶ Гризингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени /Т. Гризингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 291–292.

⁷ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 76–77.

Таким образом, в Полоцке после открытия академии сложилось две системы администрирования: центральная, – сугубо религиозная, основанная на конституциях ордена иезуитов и распространяющаяся на все провинции Общества Иисуса и вторая, – отраслевая или локальная, ограниченная рамками Полоцкой иезуитской академии и подчиненным ей школам и коллегиям. Центральная система администрирования достаточно хорошо описана в различных источниках, касающихся деятельности ордена иезуитов. Относительно администрирования в Полоцкой академии имеющиеся сведения разобщены по отдельным источникам и не систематизированы, а сам этот вопрос не стал предметом комплексного исследования.

Немаловажными представляются сведения, относящиеся к устройству учебных мест, в том числе мест, используемых для публичных занятий и самостоятельной подготовки. К моменту открытия Полоцкой академии в ее распоряжении находилось достаточно зданий и помещений, которые могли быть приспособлены для обучения и расположения обучающихся и преподавателей. Общая площадь строений всего комплекса на момент открытия академии составляла около 8 тыс. кв. м. и уже впоследствии умножилась новыми постройками. К тому же следует учесть, что в распоряжении иезуитов находились и, так называемые, загородные дома, которые располагались не на территории академии, а были вынесены на окраины города.

Основной комплекс зданий располагался на большом пространстве, изначально предназначенном для нужд иезуитского коллегіума, за площадью (в XVI веке – рынок) и зданием Николаевского собора (первоначально костел Св. Стефана). Большое количество строений, располагавшихся в месте нахождения Полоцкой академии, позволяло разместить в них обучаемых, преподавателей, а также всех тех, кто обеспечивал работу всего хозяйства иезуитов. Один из вопросов, оставшийся без внимания исследователей Полоцкой академии – это вопрос об условиях быта и жизни обучавшихся в ней и преподавателей академии. Обучавшиеся в академии большую часть времени проводили в ее стенах: здесь они находились во время занятий и в перерывах между занятиями. В академии имелись специально приспособленные для проживания обучавшихся места, но в этом большей частью нуждались учащи-

еся, прибывшие в Полоцк из других населенных пунктов. Условия проживания и быта лиц, обучавшихся в академии, были организованы достаточно хорошо, в том числе с точки зрения обеспечения гигиены. Один из них говорит о том, что «в течение четырех лет, что мы были там, я не слышал ни о какой серьезной болезни либо случае смерти между коллегами, которых было около 80».⁸ Что касается самих отцов иезуитов, то вопрос об их местожительстве и вообще быте должен рассматриваться с учетом тех традиций, которые объясняются сугубо религиозными привычками и обычаями. Здесь следует отметить важную особенность, следующую из уклада ордена иезуитов и объясняющую их взгляды относительно организации быта. Т. Гринингер говорит о том, что монахи всех орденов должны были жить общинами в монастырях и вести жизнь созерцательную, отрешенную от земли и посвященную Богу; иезуиты же должны были жить в миру и в обществе. Правда, у них были обители, то есть приюты для членов, но они не могли жить в них постоянно, а должны были готовиться идти, куда им прикажут, и делать, что назначат.⁹ В тех немногих источниках, которые уделили внимание именно внутреннему обустройству коллегиума иезуитов или академии, информация о быте иезуитов и их воспитанниках крайне скудная и отрывочная. С другой стороны, отсутствие комплексного исследования не позволяло воспроизвести полную картину жизни и быта иезуитов в Полоцкой академии. В польской литературе, как правило, при описании Полоцкой академии сами очевидцы говорят о «монастыре», в котором находились иезуиты, и в таком случае можно считать, что именно здания, составлявшие центр или основу академии, и служили пристанищем для преподававших здесь отцов-иезуитов. По А. К. Морелю следует, что во всех трех этажах основного здания, где располагались иезуиты, по длине его фасадов пролегалли коридоры, на которые выходили *кельи* (курсив наш. – В. Б.). Келий об одно окно было 84, келий в две комнаты по одному окну – 7, комнат в два окна – 12 и в три окна – 2. Кельи были отделены капитальными стенами. В некоторых кельях были каминь, а остальные кельи, равно как и залы, обогревались при

⁸ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1905. – S. 126.

⁹ Гринингер, Т. *Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени* /Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 66.

помощи кирпичных и изразцовых полов, в которых были устроены ходы для тепла.¹⁰ Кроме того, как уже упоминалось выше, места, которые первоначально образовывали места проживания иезуитов, со временем становились коллегиумами. Данная версия ни в коей мере не вступает в противоречие со сведениями, носящими фрагментарный характер и указывающими на то, что время от времени отцы-иезуиты посещали свои загородные дома или усадьбы. Такие посещения отнюдь не были стремлением к отдохновению от дел и забот, преследовавших иезуитов. Отцы-иезуиты распространяли в близлежащих деревнях и городах катехизис, считая тем самым, что выполняют возложенную на них высокую миссию. Во франкоязычных источниках преподававшие в Полоцкой академии говорят о «коллегиуме», «домах» или «миссии», но никак не о «монастыре». Изложенное выше позволяет с полным основанием утверждать, что в сознании полоцких иезуитов академия ассоциировалась со многими вышеназванными понятиями, и с точки зрения организации быта иезуитов не было сколько-нибудь жестких рамок и правил.

Основным учебным подразделением Полоцкой академии были классы. Это понятие имело двоякое значение. С одной стороны, речь шла о помещениях, в которых преподавались различные учебные дисциплины, а с другой стороны, под этим понятием подразумевались сами «преподаваемые науки» или дисциплины. Кроме того, указание на классы в порядке нумерации (I, II, III и т. д.) соответствовало ступеням и периодам обучения. «Классы» были основообразующим понятием, к которому примыкали все другие: учебные дисциплины, преподаватели, студенты, конвикторы, коадьюторы, кафедры и др. Классы были в коллегиумах, классы были и в академии. За каждым из факультетов, как правило, закреплялись свои классы, в которых преподавали строго определенные дисциплины. Отдельные предметы преподавались в классах в строго определенные дни. Например, Право церковное преподавалось в понедельник, среду, пятницу и субботу.¹¹

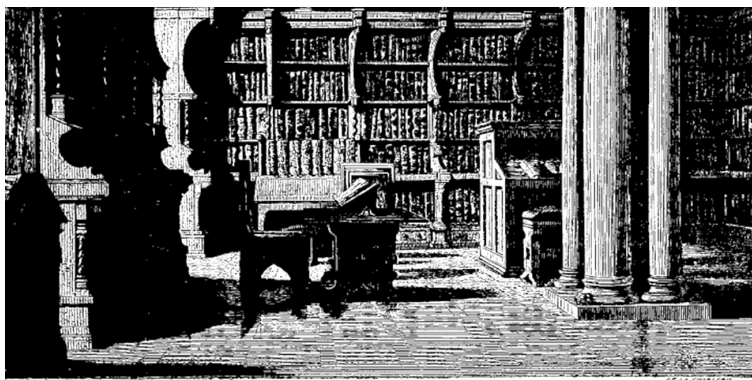
¹⁰ Морель, А. К. История города Полотска и возникновение здания полотского кадетского корпуса / А. К. Морель. – Вильно, 1907. – Рукописное отделение библиотеки государственного университета в Вильнюсе, А-2155, А-4366.

¹¹ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1905. – S. 90.

§ 2. Библиотека

Библиотека Полоцкой академии занимает особое место в истории полоцких иезуитов, поскольку создавалась на протяжении многих лет, предшествующих открытию академии, а сам процесс становления библиотеки связан со многими историческими фактами, представляющими огромный интерес для исследователей и широкого круга читателей. Библиотека иезуитов воспринимается как самостоятельное и значительное явление в культурной и духовной жизни города, а с другой стороны, как одно из важнейших и необходимых условий для обеспечения учебных занятий в академии.

Описание библиотеки полоцких иезуитов строится на использовании мемуаров самих отцов-иезуитов, архивных данных различных ведомств, отчасти материалов из библиотеки Польской Академии наук, а также архивов Ватикана и Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург). Весьма ценным источником по данной теме является переписка полоцких отцов-иезуитов со своими сподвижниками из Рима, Парижа, Варшавы и других европейских городов. Кроме того, информация, касающаяся библиотеки полоцких иезуитов частично содержится в специальных книгах учета расходов на приобретение различной литературы, которые, как правило, велись в каждом иезуитском коллегииуме (*libri rationes*). Важное значение имеют каталоги библиотеки, которые содержат полную опись всех имевшихся книг, а также описи передачи, по которым книги отправлялись в другие учреждения.

Библиотека иезуитского коллегииума. С гравюры начала XIX века.

Отдельные сведения о библиотеке подают официальные хроники ордена, хранящиеся в Римском архиве ордена.¹² В них есть некоторые сведения общего характера, но, тем не менее, важные, поскольку информируют про увеличение количества книг (дары, завещания), а также и потери — пожары, ограбления. К этой же группе документов принадлежат и дневники. Ценным источником являются книги «*resignationes*», или отчеты о состоянии коллегийумов, поданные, как правило, за 3 года (срок правления ректора). В таких «отчетах» достаточно часто речь идет о библиотеках: новые поступления, работы по реорганизации. Информация в большинстве случаев приводится с точки зрения отчетов по использованию финансов. Сам отчет составлялся с трех частей, в последней записывались заметки финансово-хозяйственного состояния коллегийума, а так же, вероятно, записи о расходах на библиотеку. Отчеты готовились для отправки в Рим, но зачастую их копии находим и на местах.¹³

Прежде всего следует отметить, что длительный и трудный по содержанию процесс создания библиотеки полоцких иезуитов имеет свою правовую основу, что само по себе не должно вызывать удивления, если помнить о том, что орден иезуитов изначально основывался на строгих правилах и конституциях. Не стала исключением и деятельность иезуитов, связанная с собиранием книг и созданием библиотек. Правила Общества Иисуса, в том числе *Institutum Societatis Jesu*¹⁴ говорят о необходимости обеспечения миссий и домов иезуитов, коллегийумов книгами или библиотеками. Таким образом, если ориентироваться на возникшую со времен образования ордена иезуитов практику, можно утверждать, что создание Полоцкого коллегийума уже с самого начала сопровождалось доставкой в Полоцк книг, необходимых иезуитам для выполнения их миссии. Как известно, XVI век отличался быстрым развитием книгопечатания, что создавало благоприятные условия для распространения знаний в области теологии, истории, права, языков и других наук, к которым прежде всего и обращались иезуиты в своей миссионерской деятельности. Создание Полоцкого

¹² *Catalogus triennalis Provinciae Poloniae Minoris 1758–1770*. АТИ, Рим, рук. Pol. 38–42.

¹³ Szwec, N. *Próba rekonstrukcji biblioteki lwowskiego kolegium jezuickiego (1596–1773)* / N. Szwec. – *Collegium Columbinum*. – Kraków, 2008. – S. 6–7.

¹⁴ *Institutum Societatis Jesu, auctoritate Congregationis Generalis XVIII: In 2 vol.* – Praga: Typ. Universitatis Carolo-Ferdinandae in Coll. SJ ad s. Clementem, 1757. – 2 s.

коллегиума иезуитов по времени так или иначе совпало с изданием книг, которые впоследствии могли поступать в библиотеку иезуитов. Среди таких книг – в первую очередь книги, изданные на латинском языке, поскольку в Полоцком коллегиуме большая часть предметов преподавалась на латинском языке: издание Юанна Баттиста Рассариуса «Aristotelis phisicorum» (Венеция, 1581; Coll. Jabl. 85); Антония Монтекатино «In libri Aristotelis de Anima» (Феппара, 1576; Coll. Jabl. 602); Фробена «Origenis Adamantii Eximii scripturarum interpret epistola Beati Rhenan» (Базель, 1557; Coll. Jabl. 647); Валдкирха «Opera logica» (Базель, 1594; Coll. Jabl. 380) и др. Нет сомнений, что уже в Полоцкой академии, где впервые в Белоруссии стало изучаться право, использовались и такие достаточно известные издания, как Институции Юстиниана «Institutiones iuris civilis» (Венеция, 1568; Coll. Jabl. 52), Антония Конти «Lectionum Corpus iuris Civilis» (Париж, 1560; Coll. Jabl. 452), работа французского юриста XVI века Гуго Донелуса «Opera» (Франкфурт-на-Майне, 1589; Coll. Jabl. 421), Макиавелли «De officio viri principis» (Monbel\qrd, 1599; Coll. Jabl. 1269) и др.

После 1581 года по воле Стефана Батория к иезуитам стало переходить имущество близлежащих церквей и монастырей, в том числе и строения Спасского монастыря. Считается, что именно в это время какая-то часть книг могла поступить во владение иезуитов на безвозмездных началах. Иезуиты уже обнаружили в Полоцке богатую библиотеку, которая, по свидетельству Рейнгольда Гейденштейна, «...имела в глазах ученых такую же ценность, как и прочая добыча. В ней оказалось кроме летописей много сочинений ученых отцов греческой церкви, между ними и Дионисия Ареопагита о небесной и церковной иерархии, – все на славянском языке. По словам их летописей, многие из этих книг переведены с греческого языка на славянский Мефодием и Константином». Вероятно, не все отобранные у монастырей книги были вывезены за пределы белорусских земель, часть из них иезуиты все же оставили в своей библиотеке.¹⁵

Библиотека иезуитов в Полоцке не создавалась спонтанно. Иезуиты строго придерживались установленных в Обществе Иисуса правил, относящихся к обустройству библиотек, в том числе

¹⁵ Говорова, Т. В. Библиотека Полоцких иезуитов: факты, сведения, документы / Т. В. Говорова. – Эл. ресурс: <http://gpntb.ru/win/intevents/crimea2007/cd/131.pdf>. – Дата доступа: 08.07.2015

находящихся в коллегиумах. Требования касались места расположения библиотеки, оформления помещений и в значительной степени мест хранения и использования книг. Одним из заданий библиотек того времени, как и теперь, было необходимость оставить на книге отметку об ее принадлежности библиотеке. Так, относительно владельческого знака Генеральной Ординацией Ордена была принята и утверждена рекомендация VI Генеральной конгрегации в 1608 году, подтверждена VII Генеральной конгрегацией в 1615–1616 гг. Речь шла о том, что каждый префект библиотеки обязан обозначить книги специальной надписью. Достаточно назвать коллегиум или дом: «Nemo in libris, quos de Superiorum licentia apud se habent, inscribat «ad usum talis», ... satis ... inscribendum est nomen Collegii vel Domus, cui sunt applicati».¹⁶

Книги в Полоцком коллегиуме выполняли роль основного источника знаний и поэтому ценились весьма дорого. Иезуиты уделяли большое внимание оформлению библиотеки и ее местоположению. В Полоцкой академии библиотека считалась особым местом, где подолгу находились студенты и преподаватели, именно поэтому библиотека находилась в центре внимания не только иезуитов, но и знатных гостей. Считалось обязательным препровождение гостей в библиотеку и показ самых ценных экземпляров. В качестве примера можно привести визиты Екатерины II и Павла I в Полоцк, когда им показывали библиотеку и даже отдельные книги из богатой коллекции иезуитов.

История полоцких иезуитов – это во многом и история их библиотеки. На протяжении всего периода их деятельности в Полоцке библиотека пополнялась новыми изданиями. Примечательно, что библиотека прирастала не только за счет приобретения книг на возмездной основе, но и посредством безвозмездной передачи книг. Дело в том, что по правилам ордена иезуитов, все его товарищи должны были участвовать в служении и отправлении обязанностей, связанных с распространением католицизма. Многие из католиков, в основном из польской шляхты, считали своей обязанностью внести хоть какой-то вклад в общее дело иезуитов. Наиболее доступным считалось внесение вкладов в виде книг в библиотеку иезуитов. С. Залесский говорит о том, что те, кто не

¹⁶ Institutum Societatis Jesu, autoritate Congregationis Generalis XVIII: In 2 vol. – Praga: Typ. Universitatis Carolo-Ferdinandae in Coll. SJ ad s. Clementem, 1757. — 2o. — Vol. 2. — P. 306.

мог служить Обществу, присылали свои библиотеки. Это Бри-скорн, а также Разирицкий, бывший иезуит, который позже стал примасом. Видя книги иезуитов и других верующих на торгах, Разирицкий купил более 8000 томов, которые были отправлены им в Белоруссию. Таким образом, библиотека иезуитов была со временем значительно обогащена и особенно библиотека Полоцка, которая в 1815 году имела 35 тыс. книг.¹⁷

В 1783 году впервые в истории полоцких иезуитов Каталог стал выходить в печатном виде. Это событие связано с дальнейшим распространением типографского дела и книгопечатания и собственными изданиями Полоцкой академии. Впервые в истории иезуитов они могли указать: «*Catalogus personarum et Officiorum Societatis Jesu in Alba Russia in annum 1788 Polociae In Pnivilegiatia à Sua Imperatoria Typographia Coll: Soc. Jasu.*»

В бытность иезуитов использовалось такое понятие как «библиотеки», поскольку в Полоцком коллегиуме насчитывалось несколько библиотек. Наиболее предметное и конкретное описание библиотеки Полоцкой академии мы встречаем в описании С. Залесского. Данное описание также встречается в работах Инглота Марека и других исследователей Полоцкой академии.

Что же представляла собой библиотека иезуитов? Какие книги находились в этой библиотеке? И каким образом распоряжались этой библиотекой лица, обучавшиеся в Полоцкой академии? Прежде всего следует отметить, что книги, находившиеся в библиотеке Полоцкой академии, использовались постоянно: пользовались ими обучаемые, а также миряне, т. е. те, кто подрабатывал в академии на различных работах. Здесь мы должны вспомнить о мирянах, которые работали в коллегиуме, а затем и в академии на различных должностях. Оказывается, что во времена иезуитов жители Полоцка проявляли интерес к литературному творчеству. Это были книги религиозной тематики, а также книги, посвященные истории. Мы знаем, что Габриель Грубер привлекал мирян к выполнению различных работ, и таким образом они имели возможность пользоваться библиотекой. Однако надо учесть, что ли-

¹⁷ Zalenski, Stanislas. *Les Jésuites de la Russie-Blanche* / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 418. О том, что во времена полоцких иезуитов книжные собрания считались богатством, можно судить кроме прочего и по бытовым наблюдениям. В 60-х годах XX века автор (В. Б.) общался со старейшими жителями Полоцка и слышал от них версию об имевшейся богатой библиотеке иезуитов, якобы захороненной в районе Софийского собора.

тература иезуитов в большинстве случаев касалась католической веры и в этом качестве не всегда могла привлекать жителей Полоцка и его окрестностей.

В исторических источниках большое место уделяется содержанию библиотеки иезуитов и в том числе конкретным книгам, которые находились в Полоцкой академии. По свидетельству Мошинского Антония, к 1812 году в Полоцкой академии было два больших собрания книг из 40 000 томов: главная библиотека из 30 000 книг на иностранных языках, и польская, в которой было порядка 10 000 книг. Три специальные библиотеки обслуживали учащихся и работников академической канцелярии (в ней хранились сборники законов, архивные документы коллегияма, газеты, служебная переписка и т. д.). Имелась так же библиотека типографии, магазина, костела и подручные библиотеки. В главной библиотеке находились манускрипты, редкие книги, изданные в различных европейских странах. Польская библиотека располагала книгами, написанными поляками не только на польском, но и на французском и латинском языках, а также трудами иностранных авторов, переведенными на польский язык. В ней были произведения Я. Кохановского, П. Скарги, И. Красицкого, исторические и политические сочинения, проповедническая литература. Здесь хранились Полоцкие евангелия – три рукописи XII–XIV вв. на пергаменте (теперь – в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге).¹⁸

Из материалов, опубликованных полоцкими иезуитами, следует, что во многих случаях иезуиты общались именно в помещении библиотеки Полоцкой академии. Это было своеобразным местом встречи и общения.

Подробное описание библиотеки полоцких иезуитов мы встречаем в работах Инглота Марека. Главная библиотека была расположена в трехэтажном кирпичном здании, размещенном в коллегияме. Она занимала комнату на втором этаже, над трапезной, обладая достаточно большим пространством. Специально подготовленный маршрут приводил к книгам: лестницы с резными перилами, коридор увешан картинами и картами, а у дверей библиотеки копия грота de Manrèse с фигурами Богородицы и ребенка и фигура святого

¹⁸ Говорова, Т. В. Библиотека Полоцких иезуитов: факты, сведения, документы / Т. В. Говорова. – Эл.ресурс: <http://gpntb.ru/win/inter-events/crimea2007/cd/131.pdf>. – Дата доступа: 08.07.2015.

Игнатия Лойолы. Двойные двери в читальном зале обеспечивали молчание, подогрев пола, тепло; шесть больших окон предлагают достаточно света. Вдоль стен – двадцать один большой шкаф. Они были расположены симметрично. Длинные и массово поставленные столы, создающие условия для работы. Великолепие главной библиотеки – комнаты и стоимость всех коллекций Полоцких книг – было подчеркнуто в докладах серии царских инспекторов. Годы спустя, выпускники тоже писали о них, ссылаясь на культурные сокровища, которые были потеряны. Сегодня мы знаем: коллекции книг – из каталогов, составленных десятью царскими инспекторами в 1820 году. Они провели около шести месяцев, когда готовили каталоги, и они должны были быть в сопровождении отца Михаила Лесниевского, который был в академии библиотекарем, со своим секретарем, руководителем музея, Йозефом Цитовичем и Мариусом Полонским, главой школы. Для отца Лесниевского это было время великой скорби. Он был в прошлом иезуит и видел коллекцию академии книг во всем своем великолепии. Коллекция была организована в соответствии с различными темами. Каталоги принимали форму таблицы со следующими рубриками: номер, автор, название, год издания, место издания и формат. Каталоги указывали на наличие уникальных томов, например: Elias Hutter, *Biblia Novi Testamenti*, сирийскую, греческую, немецкую, богемскую, итальянскую, испанскую, галликскую (т. е. французскую), английскую, датскую, польскую литературу (Нюренберг, 1599); Tomas a Cempis, *Opera et libri* (Гамбург, 1494), Peter Lombard, *Sententiarum* (1516), *Bibliotheca maxima Patrorum* (1677), J. Bollandus, *Acta Sanctorum ex graecis aliarumque gentium monumentis collegit* (1634–1794) в 52 томах; J. B. Passerio... D. V. Denon. Каталоги содержали тексты многих классических авторов, например, труды Вергилия (1504), Теренса (1595) и др., а также старые издания польской литературы, включающие работы Jan Kochanowski, Jakub Wujek, Piotr Skarga и др.¹⁹

Некоторые важные потребности, относящиеся к библиотеке Полоцкой академии, указаны у С. Залесского. Он говорит о том, что грот полоцких иезуитов был подобием грота, в котором осно-

¹⁹Inglot, M. *Jesuit Survival and Restoration: A Global History, 1773–1900* / M. Inglot. – Эл. пещыц: https://books.google.pl/books?id=qnajBQAAQBAJ&pg=PA83&dpq=PA83&dq=novitiate+Polock&source=bl&ots=BLFMJrE47m&sig=SVINse_IdbHXTyt4mlhs16VxbtE&hl=pl&sa=X&ved=0CCsQ6AEwAwVChMI34HS-4TYxglV5HHbCh0I6Qgc#v=onepage&q=novitiate%20Polock&f=false. Дата доступа: 13.07.2015.

ватель Общества Иисуса Святой Игнатий провел год в покаянии и молитве. Сами библиотечные шкафы были в стенных провалах, расположенных симметрично.²⁰

Библиотека Полоцкой академии приобретала свой статус, обновляясь на требованиях своего времени, которые предъявлялись как к самим библиотекам иезуитского ордена, так и к университетам. По внутреннему распорядку, заведенному в Обществе Иисуса, библиотеки коллегиумов должны были находиться под присмотром и надзором особого лица – префекта библиотеки. Эта должность считалась одной из важнейших, и ее отправление поручалось лишь наиболее уважаемым отцам-иезуитам. В Полоцкой академии за все время ее существования было три префекта библиотеки: с 1812 по 1814 год – Иосиф Анджиолини (стал префектом библиотеки еще до учреждения академии); с 1814 по 1817 год – Игнатий Ходакевич; с 1817 по 1820 год – Михаил Лесниевский.

Если учесть, что в библиотеке полоцких иезуитов находилось большое количество книг, и библиотека постоянно ими пополнялась, неизбежно следует сделать вывод о том, что для выполнения всей необходимой работы с книгами требовалось много времени. Из имеющихся материалов, относящихся к деятельности Полоцкой академии, следует, что к этой работе привлекались обучаемые в академии, в том числе и новиици.

Как правило, на всех книгах, которые поступали в библиотеку Полоцкой академии, проставляли библиотечную или владельческую надпись, которая могла содержать указание на источник, из которого поступила книга, в том числе в порядке дарения или приобретения на возмездной основе. Такая надпись чаще всего делалась на титульном листе книги, но практика библиотечного дела иезуитов указывает и на другой вариант, когда владельческие надписи делались дополнительно и на других листах книги, например, в середине или в конце книги.

Библиотечное дело в Полоцкой академии по своей организации соответствовало представлениям современников о порядке размещения книг, их хранении и пользования ими. Из тех источников, которые доступны и указывают на библиотечные фонды полоцких иезуитов, встречаются упоминания о шкафах, находившихся в библиотеке. Поскольку библиотека Полоцкой академии выступает в собирательном

²⁰ Zalenski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 419.

значении, так как состояла из нескольких мест, в которых располагались книги, то и характеристика библиотеки никак не может отождествляться с каким-то единым местом и в каком-то одном здании. Библиотека, считавшаяся главной, вмещала больше всего книг, и все они находились в специальных шкафах. Шкафы были необходимым и обязательным атрибутом библиотеки, поскольку обеспечивали не только надлежащие условия для хранения книг, но и условия для учета книг и пользования ими. Шкафы, как правило, изготавливались в мастерских самого коллегиума, в которых трудились и миряне – местные жители, и по возможности располагались в стенных проемах. Шкафы позволяли вести так называемую крепостную нумерацию. На книгах их ставили на дублуре и реже – на форзацных листах. Значительное большинство библиотек писали крепостные номера на титульной странице. В библиотеках учебных заведений было несколько традиционных форм записей. Например, на экземплярах из Ярославского коллегиума св. Иоанна подобный номер состоял из: номера шкафа (при тематической расстановке), номера полки, порядкового номера на полке.²¹

§ 3. Обеспечение быта и хозяйства

Иезуитский дом или миссия, а также коллегиум представляли собой город в городе, поскольку благодаря умелой организации, настойчивости и дисциплине удавалось обеспечивать места нахождения иезуитов всем самым необходимым. Строгая иерархия и беспрекословное подчинение внутри ордена гарантировали реализацию самых смелых планов и начинаний. Для иезуитов удовлетворение обычных потребностей, например, в пище или жилище не выходило на первый план. Напротив, приветствовались воздержание от мирских соблазнов, умеренность и стремление к аскетизму. Устав ордена иезуитов, предложенный его основателем Лойолой папе, в числе прочего гласил: «Опыт учит, что только те люди ведут чистую, назидательную и полезную жизнь, которые более всего чужды яда алчности и всего более приближаются к евангельской бедности; далее известно, что Господь Иисус Христос сам заботится о питании, одеянии рабов

²¹ Szwec, N. Próba rekonstrukcji biblioteki lwowskiego kolegium jezuickiego (1596–1773) / N. Szwec. – Collegium Columbinum. – Kraków, 2008. – S. 22.

своих, служащих царству небесному; поэтому все и каждый член нашего ордена должны дать обед вечной бедности и объявить, что ни для себя лично, ни вообще для своего ордена не станут присваивать себе недвижимости, владения и доходы их, а будут довольствоваться тем, что миряне добровольно пожертвуют им на бедность. Но они могут иметь при университетах коллегии и для этих коллегий могут нанимать имение и другое имущество, с доходами и процентами с них, дабы обращать их на пользу и надобности учащихся. Надзор за коллегиями и учащимися, управление ими и их доходами принадлежат одному генералу и уполномоченным от него братьям. Они заведуют всем, что касается приема, увольнения, возвращения и исключения учителей, смотрителей и учеников, также ведения устава, правил и положений, обучения и руководства для учащихся, наставления их, наказания, пищи и одежды – словом, всего, что касается воспитания, попечения и управления».²²

Первоначально потребности иезуитов в большей степени касались сферы строительства, поскольку необходимо было обеспечить миссию по основному месту ее нахождения, избранному после взятия Полоцка войсками Стефана Батория. Находившиеся близ Полоцка строения не могли в полной мере удовлетворить запросы иезуитов, в том числе из-за того, что находились вдали от их основного места расположения. В этот начальный период своего пребывания в Полоцке иезуиты еще не располагали собственным производством и больше рассчитывали на содействие местного населения и местные материалы, в большинстве своем древесину. Как будет показано дальше, к началу XIX века местных жителей уже было привычно видеть в обширном хозяйстве иезуитов в качестве работников. А. К. Морель указывает, что кругом своей селитьбы на пустопорожних участках иезуиты позаботились окружить себя более удобным, единомышленным населением, а для обоюдного удобства сумели переместить из старого города рынки, базар и торговые помещения. Таким путем создавался новый Полотск, иезуитский.²³

²² Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 65.

²³ Более подробно см.: Морель, А. К. История города Полотска и возникновение здания полотского кадетского корпуса / А. К. Морель. – Вильно, 1907. – Рукописное отделение библиотеки государственного университета в Вильнюсе, А-2155, А-4366.

С расширением территории, занимаемой иезуитами и увеличением числа построек, а также значительным ростом числа обучаемых и самих отцов-иезуитов, возникали все новые потребности. Со второй половины XVIII века миссия полоцких иезуитов, основу которой составлял коллегийум, стала пополняться новыми службами и должностями. Создавалась целая система обеспечения иезуитов всем самым необходимым, что сделало их существование экономически независимым от городского хозяйства. С другой стороны, внутренняя организация ордена иезуитов всегда требовала четкого распределения обязанностей и дисциплины, что во многом облегчало управление в коллегийумах.

В каталоге иезуитов за 1776–1777 гг. содержится указание на управляющего жильем или распорядителя жилья. В это время им был Станислас Гумовский.²⁴ Как известно, к этому времени иезуиты уже располагали большими каменными строениями при всем том, что строительство зданий еще не было полностью завершено. Таким образом, появилась возможность впервые с момента закладки первых строений, как правило, еще деревянных, обеспечить жильем всех отцов-иезуитов в самом центре их миссии. На распорядителе жилья лежало бремя заботы о помещениях, предназначенных для проживания отцов-иезуитов и всех тех, кто вынужден был искать крышу над головой у полоцких иезуитов. Среди нуждавшихся в жилье были и обучаемые, и миряне. В частности, С. Залеский вспоминал, что в этих коллегийумах также проживали верующие, занятые в различных апостольских ведомствах.²⁵ После завершения основного строительства кельи и иные предназначавшиеся для проживания помещения составляли значительную часть всех помещений и требовали большого внимания и ухода.

Старания иезуитов вовлечь в католическую веру как можно больше жителей Полоцка и других населенных пунктов никоим образом не сказывалось на внутреннем распорядке ордена. По мере расширения внутреннего хозяйства иезуитов и появления различных ремесел и производств возникала потребность в работниках, часто набираемых из местных жителей. Далекое не все

²⁴ *Catalogus personarum et officiorum Vice-Provincia Alba-Russia ex anno 1776 – in 1777. – 1777.* – P. 35.

²⁵ *Zalenski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zalenski.* – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 8.

из них находили себе постоянный приют в стенах коллегиума, как правило, местами их обитания были какие-либо постройки, находившиеся за пределами постоянного месторасположения иезуитов. Таким образом, границы коллегиума ежедневно пересекались различными людьми и по различным надобностям, а это требовало установления определенных правил, которые бы обеспечили порядок и спокойствие и, кроме того, сохранность имущества, находившегося на территории коллегиума. В силу давно сложившейся традиции в коллегиумах иезуитов были лица, следившие за тем, чтобы никто из посторонних не смог без разрешения проникнуть на территорию, на которой располагались иезуиты. Обычно это был привратник, назначаемый из числа коадьюторов или новичиев, ставших на путь приобщения к Обществу Иисуса. Каталоги полоцких иезуитов упоминают таких привратников (лат. *janitor* – привратник, сторож). Например, в 1783 году привратником был коадьютор Игнатий Неверович²⁶, а в 1784 и 1785 гг. – Михаил Вержбицкий.²⁷ Здесь необходимо отметить, что функции привратника были достаточно ограниченные и в большей степени касались допуска на территорию коллегиума. Другие обязанности, связанные с обеспечением внутренней дисциплины и послушания, выполнял надзиратель (лат. *monitor* – надзиратель), которого привратник мог при необходимости информировать о каких-либо нарушениях. Судя по отдельным источникам, в самом городе шла молва о том, что иезуиты применяют к своим воспитанникам суровые меры наказания. Однако сами обучавшиеся эти домыслы опровергали. Каждый из иезуитов, хотя и носил с собой плеть, сплетенную из пяти «хвостов», но предназначалась она в основном для нанесения ударов по собственной спине. За четыре года не было ни одного случая наказания.²⁸ Вместе с тем следует учесть, что многие правила, утвердившиеся в ордене, и которым обязательно следовали иезуиты, брали свое начало из давнишнего опыта основателя ордена Игнатия Лойолы. Став в тридцать три года учеником в школе латинского языка, он просил профессора Иеронима Ардабале наказывать его розгами наравне с прочими

²⁶ *Catalogus personarum et officiorum Vice-Provincia Alba-Russia. A.D. 1783.* – P. 4.

²⁷ *Catalogus personarum et officiorum Societatis Jesu in Alba-Russia. Ex.anno 1784 in annum 1785. Mohilovie* –P. 4.

²⁸ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 126.

учениками, которые были младше его на двадцать пять лет.²⁹

В Полоцкой академии был свой аптекарь. Обычай иметь аптекаря восходит к тем временам, когда иезуиты еще только располагались в Полоцке и обустроивали свой коллегиум. Причем аптекарь зачастую выполнял и обязанности лекаря. Более того, этот человек мог помогать и мирянам, местным жителям, знавшим о его существовании. Среди многочисленных книг, имевшихся в библиотеках иезуитов, были и книги, которые могли использоваться аптекарями. Например, большую популярность получила книга «Cours de Chymie», изданная в Париже, автор которой Николас Лемери дал подробное наименование и описание многих химических веществ и соединений, применявшихся в медицинской практике.³⁰ Первое официальное упоминание должности аптекаря в каталогах иезуитов встречается в 1783 году. В каталоге за 1783 год указан аптекарь, коадьютор Михаил Довдилиган. Интересно, что обязанности аптекаря долгое время возлагались на коадьютора, а не на умудренного опытом и знаниями отца-иезуита. В официальных каталогах полоцких иезуитов имя Михаила Довдилигана в последующие годы не значится, поэтому нельзя с уверенностью сказать что-то определенное об этом человеке. Тем более что звание коадьюторов давалось иногда и мирянам, но, как правило, тем из них, кто оказал ордену иезуитов какую-либо важную услугу. В 1785–1789 гг. обязанности аптекаря исполнял коадьютор Каролис Падер. Аптека размещалась в отдельно стоящем здании, в котором имелась также лаборатория, а на чердаке было выделено место для сушки лечебных трав.³¹ В значительной степени запасы аптеки формировались за счет лечебных трав. Аптекарь должен был обеспечивать сбор трав, прибегая в том числе и к помощи обучавшихся, и данное занятие, как свидетельствуют материалы, относящиеся к более позднему периоду времени, стало традицией для всех, кто впоследствии обучался в стенах бывшего иезуитского коллегиума, а именно: в академии и в кадетском корпусе. Судя по каталогам, относящимся ко времени открытия и существования Полоцкой академии, аптекарей среди коадьюторов уже не было.

²⁹ Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени /Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 36–37.

³⁰ См.: Lémery, N. Cours de Chymie contenant la maniere de faire. A Paris, Chez Estienne Michallet, premier Imprimeur du Roy. – 1696.

³¹ Данное здание сохранилось до наших дней.

Последние свидетельства, относящиеся к периоду деятельности академии, говорят о том, что все хлопоты, связанные так или иначе с лечением, передавались в руки кого-либо из отцов-иезуитов. Так, в каталоге за 1818 год значится имя отца-иезуита Франциска Шмитияна, который был профессором химии и выполнял обязанности, связанные с аптечным и лечебным делом.³²

Каталоги полоцких иезуитов называют имена тех, кто выполнял определенные работы, позволявшие обеспечивать миссию в Полоцке всем самым необходимым. Чаще всего это были коадьюторы, особенно в тех случаях, когда работы связывались с удовлетворением потребностей в пище и одежде. Так, упоминаются портные и сапожники, которые занимались пошивом одежды или же тачали обувь. Поскольку иезуиты имели свое мукомольное производство, то и работали в пекарне и складах мельники, иногда называвшиеся булочниками и кладовщики. Как правило, в мукомольном производстве были заняты коадьюторы, новиицы, а также миряне – жители Полоцка и близлежащих деревень. Называются также повара, мясники, раздатчики пищи, виночерпии и др.

В хозяйстве иезуитов имелась мастерская по изготовлению и ремонту изделий из металла. Потребность в таких изделиях резко возросла после того, как стало осуществляться строительство из камня. Требовалось делать детали для запорных устройств, дверных ручек, механических звонков, печей и каминов, сливных стоков, колодцев и т. д.³³ По свидетельству А. К. Мореля, иезуиты располагали химической лабораторией, устроенной в соответствии с требованиями своего времени с приспособлениями для плавки и обработки металлов.³⁴

Кроме самих работников, занятых в каком-либо производстве, будь то столярная мастерская или хлебопекарня, среди иезуитов, как правило, отцов-иезуитов или коадьюторов назначались руководители, которые управляли производством и отвечали в целом за всю работу на вверенном им участке. В каталогах иезуитов они

³² *Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Imperio Rossiaco. – Ex anno 1817. – In Annum 1818. – Polociae Typis Academicis Societatis Jesu. – P. 5.*

³³ До настоящего времени некоторые из этих изделий можно увидеть в зданиях, в которых располагалась академия.

³⁴ Морель, А. К. История города Полотска и возникновение здания полотского кадетского корпуса / А. К. Морель, 1907. – Вильно, 1907. – Рукописное отделение библиотеки государственного университета в Вильнюсе, А-2155, А-4366.

именовались как префекты.³⁵ Например, коадьютор Франциск Присшинский какое-то время значился префектом и руководил фабрикой по обработке мрамора и производству изделий из него, в том числе памятников и надгробий. Мрамор также широко использовался для внутренней отделки зданий, для облицовки каминов и печей в главных корпусах Полоцкой академии, а также для внутренней отделки церкви Святого Стефана.

К тому времени, когда открывалась Полоцкая академия, иезуиты уже располагали большим и хорошо налаженным производством. Все созданное ими за долгие годы пребывания в Полоцке позволяло в целом обеспечить независимое существование как коллегия, так и академии. В служебных флигелях устроены были пивоварня и медоварня, суконная фабрика, красильня, воскобойня и свечной завод, кузница и слесарная, токарная, резная и портняжья, бойня, коптильня и колбасная, хлебопекарня, прачечная и две конюшни для собственных 24 лошадей и для 14 гостиных лошадей. Каждое из этих учреждений было снабжено необходимым инвентарем, инструментами, амбарами, кладовыми и водой, проведенной по подземным трубам из главных колодезей.³⁶

В значительной степени быт иезуитов наполнялся обязанностями, связанными с их служению Обществу Иисуса, поэтому каждый из них, помимо сугубо хозяйственных поручений, так или иначе, участвовал в службах и исполнении апостольских обязанностей. По сложившейся практике, за каждым закреплялись конкретные поручения, которые исполнялись на протяжении всего времени нахождения в Полоцкой академии. При этом служение католической церкви занимало значительную часть времени коадьюторов и новициев и налагалось на их обучение как нечто основообразующее и обязательное. Никто из членов общества не должен увлекаться честолюбием, самовольно брать на себя миссии и должности и, тем более, вступать от своего лица, посредственно или непосредственно, в переговоры с римским престолом, и вообще – с духовными властями; все это принадлежит одному наместнику Христа – папе и генералу ордена. Все приказания должны исходить от них; но, если член ордена

³⁵ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 127.

³⁶ Морель, А. К. История города Полотска и возникновение здания полотского кадетского корпуса / А. К. Морель. – Вильно, 1907. – Рукописное отделение библиотеки государственного университета в Вильнюсе, А-2155, А-4366.

получил какое-либо поручение, то ни под каким видом не должен отказываться от него и обязан немедленно его исполнять.³⁷ В целом дела иезуитов были поставлены таким образом, что правила ордена теснейшим образом переплетались с их установлениями в области образования и наук. По словам С. Залесского, преподавание требует много времени и целиком поглощает всего человека, в результате наука и глубокая эрудиция прочно связаны с дисциплиной иезуитов. С другой стороны, мы знаем, утверждает далее С. Залесский, что к гибели идут те религиозные ордена, которые отрекаются от своих правил и не набирают верующих в самом бедном классе общества.³⁸

Для совершения служб, известных католической церкви, в среде полоцких иезуитов обретались чины, которые сочетали выполнение апостольских обязанностей с преподаванием или обучением в академии. Уже говорилось о том, что отдельные отцы-иезуиты сосредотачивались сугубо на чтении воскресных проповедей. Другие шли с катехизисом по селениям, располагавшимся вблизи Полоцка. Иные были ответственны за службы, отправлявшиеся по праздникам церковного календаря. По чинам католической церкви, существовавшим во времена полоцких иезуитов, числились служители. Как правило, ими были коадьюторы, экзорцисты, чтецы, аколиты, церемониарии, остиарии. Например, в 1814 году обязанности экзорциста исполнял отец Игнатий Бжозовский – он же секретарь академии.³⁹

Интересная информация, касающаяся хозяйства иезуитов, их быта и даже взглядов встречается в источниках, относящихся к войне 1812 года. Как известно, основные сражения в Полоцке происходили в августе и в октябре 1812 года. Для обеспечения своей армии Наполеону требовались значительные запасы продовольствия, и эта потребность не удовлетворялась только лишь за счет собственной интендантской службы. Кроме того была большая потребность в фураже, а также в различных работах, связанных с обеспечением механической части обозов, кавалерии, артиллерии и в целом инженерной части. В условиях войны

³⁷ Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени /Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 64.

³⁸ Zalenski, Stanislas. Les Jésuites de la Russie-Blanche / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 31.

³⁹ Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Imperio Rossiaco. – Ex anno 1813. – In Annum 1814. – Polociae Typis Academicis Societatis Jesu. – P. 5.

любая помощь играла важную роль и не была лишней. С другой стороны, отношение местного населения к французам многое могло сказать о степени восприятия самих событий, происходивших в это время. В этом контексте полоцкие иезуиты вряд ли могли считаться теми людьми, которые ассоциировали себя именно с местным населением. Тем более что многие из иезуитов приехали в Полоцк из других городов и стран. Известно и то, что имя Наполеона у католических священников ассоциировалось с революцией, преследованием священнослужителей, отобранием имущества.⁴⁰ Не следует забывать, что среди полоцких иезуитов были и иезуиты, которые прибыли в Полоцкую академию из Франции или же транзитом из других городов, например, из Санкт-Петербурга. Одним из них был Дезидерий Рихардот, профессор общей истории и французского языка, а затем и декан одного из факультетов академии. Наполеоновские офицеры смогли добиться определенных благ от отцов-иезуитов, в том числе в виде постоя, провианта и другого вспоможения. Об этом свидетельствуют официальные документы французской армии и свидетельства очевидцев, а именно самих французов, участвовавших в полоцких баталиях. Из архивных документов французской армии следует, что здания, принадлежавшие полоцким иезуитам, в том числе Полоцкой академии, использовались для хранения провианта и фуража. Причем такая практика была основана на приказах самого Наполеона, который старался обеспечить армию всем необходимым. Приказ № 19042 от 04.08.1812 года, подписанный Наполеоном, гласил следующее: «Лавки, которые остаются закрытыми в отсутствие собственников, будут подвергнуты описи, и на них будет наложен арест; все, что полезно для госпиталя или армии, будет передаваться различными администрациями. Все это будет помещаться в подвалы монастырей иезуитов и других орденов; имеющиеся вина будут предназначаться для нужд госпиталей».⁴¹

В мемуарах французов, участвовавших в полоцких баталиях, встречаются эпизоды, которые могут свидетельствовать об определенных отношениях, возникших между полоцкими иезуитами и

⁴⁰ Норвик, Д. История папства / Д. Норвик. – М.: АСТ, 2014. – С. 485.

⁴¹ Correspondance de Napoléon 1er. Publiée par ordre de L'Empereur Napoleon III. Tome vingt-quatrième. – Paris. J. Dumaine. – Libraire-éditeur de L'Empereur, rue Dauphine, 30. – 1868. – P.122.

офицерами наполеоновской армии. Должно быть, эти отношения ограничивались со стороны иезуитов их вынужденным положением в условиях ведения военных действий и не обнаруживают признаков сотрудничества. Генерал Марбо пишет: «Кавалеристы моего полка в особенности отличались хорошим здоровьем, что я предписывал, прежде всего, большому количеству хлеба и мяса, которые я им давал и в особенности спирта, достававшегося мне в изобилии, вследствие соглашения с иезуитами Полоцка».⁴² Тем не менее, среди иезуитов находились те, кого можно было назвать сторонниками или даже друзьями наполеоновских офицеров. Это касается, прежде всего, французских отцов-иезуитов, благодаря которым облегчалась нелегкая жизнь на войне офицеров и солдат, воевавших в рядах маршала Удино и генерала Сен-Сира в Полоцке и его окрестностях. Так, в одном из редких французских источников середины XIX века говорится об «отце Рихардоте – друге французских солдат, возвращающихся из Москвы».⁴³

⁴² Marbo, de B. Mémoires du générale Bon de Marbot. Polotsk – La Bérésina – Leipzig – Waterloo / B. de Marbot. – Ouvrage accompagné d'une héliogravure et de fac-simile d'autographes . – Paris, Librairie Plon, Rue Garancière,10. – 1891. – P. 160.

⁴³ Crétineau-Joli, Jaques. Histoire religieuse, politique et literature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques / Jaques Crétineau-Joli. – 3 e edition. – 1851. – P. 523.

Глава III

ПРЕПОДАВАНИЕ В ПОЛОЦКОЙ АКАДЕМИИ

§ 1. Преподаватели

Преподавательский состав Полоцкой академии принципиально отличался от зарождающегося сообщества университетских преподавателей Российской империи. Все отличия происходили из первоосновы академии, которую составляло Общество Иисуса или орден иезуитов. С другой стороны, особенность состояла и в том, что академия в Полоцке возникла не вдруг и, что называется, не на ровном месте, а в результате стечения целого ряда обстоятельств, большая часть из которых связана с историей города Полоцка, Российской империи и, конечно, самого ордена иезуитов. Исходя из сути и предназначения ордена иезуитов, преподававшие в Полоцкой академии должны были неукоснительно следовать правилам Общества Иисуса, которые распространялись практически на все сферы жизни. Немаловажным с точки зрения целостности восприятия процесса образования, налаженного в академии, является знакомство с различными взглядами относительно уровня преподавания в образовательных заведениях иезуитов. Надо иметь в виду, что большая часть преподавателей Полоцкой академии в свое время завершили обучение в иезуитских коллегиумах. Здесь мы сталкиваемся с различными мнениями относительно преподавательского мастерства и знаний преподавателей. Так, Т. Гринингер (1809–1888) отмечает, что в иезуитских коллегиях преподавали люди, получившие воспитание и направление в этих же самых коллегиумах, и потому они уступали университетским профессорам.¹ Здесь следует учесть те основные цели, которые ставились основателем ордена иезуитов, и о которых иезуиты должны были всегда помнить.

Немаловажным обстоятельством, которое следует учитывать при характеристике личности преподавателя университетского типа, является то, что конец XVIII и начало XIX вв. в Российской империи – это период становления университетского образования. Этот процесс, во многом сложный, длительный и противоречивый,

¹ Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 85.

отличался тем, что начался гораздо позже, чем в странах Европы.

Трудности становления образования по отдельным учебным дисциплинам в Российской Империи – это трудности становления университетского образования в целом. Например, в 1765 году на юридическом факультете Московского университета был только один студент. Весь юридический факультет сосредоточивался в одном профессоре Дильтее.² О сложностях, сопровождавших процесс создания университетского юридического образования в Российской империи, говорит тот факт, что решение вопроса о работе по составлению законов гражданских затруднялось из-за отсутствия ученых-юристов. С невероятными трудностями и при отсутствии выбора в 1803 году к руководству этой работой был привлечен Густав Андреевич Розенкампф, родом из Лифляндии, прошедший обучение в Лейпцигском университете и плохо знавший русский язык.³ В частности, изучение права сдерживалось отсутствием преподавателей из-за отсутствия самой системы их подготовки в России. Возможность обучаться постоянно, используя слаженную систему образования, а также заниматься наукой, связывалась с пребыванием в каком-либо из европейских университетов. Однако такая возможность появилась лишь с начала 20-х гг. XIX века после преодоления последствий наполеоновских войн в европейских странах. В Европе центром юридического образования и науки стали университеты Германии. В числе первых слушателей, которые прибыли из России, был Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856). После окончания Главного педагогического института по разряду юридических наук Д. И. Мейер в начале 1842 года был командирован на два года для слушания курсов по праву, истории и философии в Берлинский университет.⁴ В то время читали лекции известные немецкие правоведы Эйхгорн, Вангеров, Брунс и др. Вплоть до 1842 года читал лекции знаменитый немецкий правовед Савиньи.

² Иезуиты в Полоцке: 1580–1820 гг. В 2 ч. Ч. 2 / Сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. А. Судника. – Полоцк: А. И. Судник, 2005. – С. 34.

³ Корф, М. А. Жизнь Сперанского. Том первый (части I и II). / М. А. Корф // Издание исправленное. Санкт-Петербург. 1861. – Издание императорской публичной библиотеки. – С. 147.

⁴ Мейер, Д. И. Русское гражданское право (в 2-х ч. Часть 1) / Д. И. Мейер // По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997. – С. 5.

Причем проблема с обеспечением учебного процесса преподавателями существовала еще долгое время. В. Ф. Фортунатов в своих записках, посвященных Санкт-Петербургскому университету за период 1831–1833 гг., обращал внимание на то, что многие дисциплины, указанные в расписании занятий, не проводились из-за недостатка преподавателей.⁵ В Московском университете в первое десятилетие XIX века также ощущался большой недостаток преподавателей, а из тех немногих, кто преподавал, не все и не всегда отвечали ожидаемым требованиям. Один из обучавшихся в Московском университете в эти годы писал в воспоминаниях, что студенты плохо готовились к занятиям, имели слабые знания, да и многие профессора были недостаточно подготовлены: на лекциях по древней истории проф. Черепанова не засыпал только тот, кто читал книгу; проф. Мерзляков был талантлив, но не готовился к лекциям, приходил на них в нетрезвом виде и выпутывался с помощью красноречия. Правда, были и другие примеры. Среди любимых профессоров студенты выделяли Н. Н. Сандукова, преподававшего практическое законоискусство. На его лекциях разыгрывались судебные заседания, слушались дела, т. е. шла подготовка к будущей деятельности.⁶

Изучение образовательного процесса, свойственного периоду создания Полоцкой академии и в целом университетского образования в Российской империи, приводит к необходимости остановиться на проблеме возникновения отраслевых знаний и их распространения в университетской среде. С другой стороны, не менее важными являются представления об истоках иезуитского образования, поскольку речь в целом идет о Полоцкой академии как образовательном учреждении ордена иезуитов.

Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола начал свое обучение в Париже, но не в университете, созданном еще в XII веке и считавшимся величайшим образовательным учреждением во всей Западной Европе, а в коллегии Монтегю, где он изучал 18 месяцев латинский язык. Затем изучал философию в коллегииуме св. Варвары и в итоге добился степени бакалавра, а затем и магистра. Однако по утверждению Т. Гризингера, научные занятия никогда не были целью Лойолы; он всегда смотрел на них лишь как на сред-

⁵ См. подробнее: Фортунатов, В. Ф. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 гг. / В. Ф. Фортунатов. – М., 1869. – 35 с.

⁶ Аврус, А. И. История российских университетов. Очерки / А. И. Аврус. – Московский общественный научный фонд. – Москва, 2001. – С. 16.

ство достижения своей цели.⁷ Здесь, однако, следует учесть то обстоятельство, что за долгие годы существования ордена иезуитов иезуиты в силу свойственной им настойчивости и устремлений к проникновению не только в духовную, но и иные сферы жизни общества, старались быть впереди, в том числе и в деле наук и образования. В особенности эта тенденция проявила себя в конце XVIII – начале XIX вв., в период, когда в России стали создаваться университеты. Из архивных материалов и воспоминаний самих иезуитов можно сделать вывод о том, что они понимали необходимость изменения существующей системы образования и делали для этого все возможное и даже невозможное. Предпринимаемые иезуитами в этот период времени меры имели двоякую направленность: с одной стороны, прилагались значительные усилия к повышению мастерства и знаний преподавателей, а с другой стороны, менялись правила, касающиеся порядка обучения.

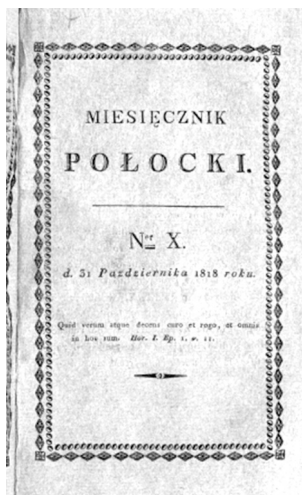
Подготовке преподавателей иезуиты всегда уделяли большое внимание. На первый план выходило умение говорить и писать на латинском языке. Многие предметы изучались в коллегиумах и в Полоцкой академии именно на латинском языке, и многие книги из библиотеки академии были написаны именно на латинском языке. Среди дисциплин, которые преподавались в Полоцкой академии, были такие дисциплины, обучение которым строилось в расчете на знание учащимися латинского языка. Например, при изучении гражданского права делался анализ кодекса Юстиниана, который был написан почти полностью на латинском языке. То же можно сказать и о каноническом праве, поскольку его изучение было бы невозможным без использования наиболее известных сборников канонического права, таких как «Liber decretorum», «Decretum Gratiani», «Quinque compilationes antiquae», «Corpus Juris Canonice» и др.

После того, как в 1812 году открылась Полоцкая академия, возобновился приток иезуитов в Полоцк. Требовались преподаватели по дисциплинам, которые прежде никогда не преподавались в коллегиумах. Кроме того, у иезуитов существовали определенные предпочтения относительно значения тех или иных дисциплин или преподавателей. Орден Иисуса запросил достойных профессоров, продолжающих дело тех, кто воспитывал в предыдущие столетия,

⁷ Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 40–41.

тех, кто так высоко поднял звание Общества; себя представили схоластики Италии, Германии и Франции... Отец Розавен писал отцу Рихардоту, с которым вместе преподавал в Полоцкой академии: «Без сомнения, это очень важно иметь хороших учителей теологии, но, на мой взгляд, первая необходимость такого рода – это иметь хорошего учителя логики, и я признаюсь, что если бы я не имел в равной степени предметами преподавания теологию и логику, то я бы не колебался ни минуты, чтобы обучать логике».⁸

Состав преподавателей Полоцкой академии указывался за каждый учебный год в каталогах иезуитов. В каталоги помещали следующие сведения об иезуитах: место в иерархии ордена, имя и фамилия, должность и преподаваемые дисциплины, дата рождения, дата вступления в орден иезуитов, дата смерти. Каталоги велись на латинском языке и печатались в типографии иезуитов. Особый интерес вызывает каталог за 1813/1814 годы, поскольку это был первый период мирного существования академии после войны 1812 года.

Miesięcznik połocki (титульный лист)

Каталог 1813/1814 г. содержит сведения о следующих преподавателях:

- Ян Хошбишлер, ассистент, декан факультета теологии;
- Иосиф Анджиолини, вице-ректор, экзаменатор;

⁸ Crétineau-Joly, J. Histoire religieuse, politique et littérature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques (3-e édition, revue, augmentée et enrichie d'une table alphabétique des matières) / J. Crétineau-Joly. – 1851. – P. 410.

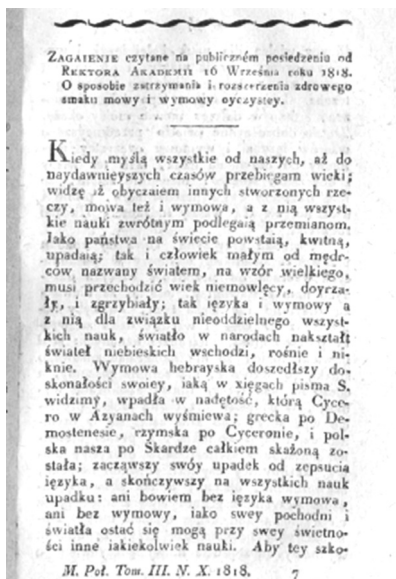
- Алоиз Руснати, декан факультета философии, преподаватель моральной теологии, экзаменатор;
- Карл Жентиль, преподаватель французского языка;
- Клеменс Петровский, преподаватель юриспруденции;
- Дезидерий Рихардот, преподаватель всеобщей истории и эклезиастики, а также французского языка;
- Франциск Дзеружинский, преподаватель философии и математики, экзаменатор;
- Франциск Гавот, преподаватель французского языка;
- Якоб Кондре, преподаватель математики, экзаменатор;
- Якоб Пьерлинг, преподаватель архитектуры гражданской и военной;
- Игнатий Ходакевич, преподаватель риторики и поэтики;
- Игнатий Ивицкий, преподаватель риторики;
- Марициус Полонский, преподаватель языков;
- Михаил Лещинский, преподаватель теологии догматической и канонической;
- Раймонд Бжозовский, декан факультета языков, преподаватель теологии догматической и схоластики, экзаменатор;
- Станислав Петрович, преподаватель философии и математики, экзаменатор.

Все вышеназванные преподаватели имели сан священнослужителей и составляли наиболее авторитетную и уважаемую партию иезуитов Полоцкой академии.

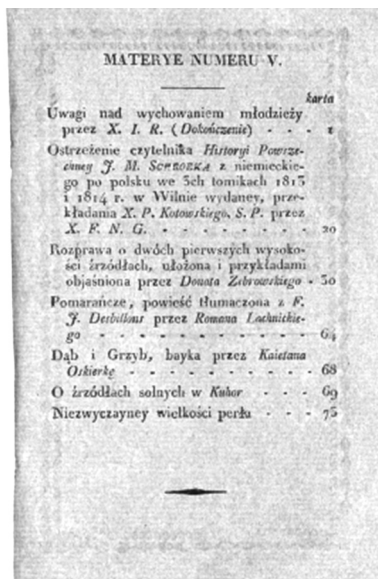
Кроме названных преподавателей, в академии отдельно выделялись преподаватели из числа магистров и конвикторов. Среди них были:

- Магистр Антоний Заранек, преподаватель поэтики;
- Магистр Игнатий Хмелевский, преподаватель грамматики и синтаксиса;
- Магистр Петр Гаврилович, преподаватель языков;
- Конвиктор Михаил Буфал, преподаватель французского языка;
- Конвиктор Франциск Шмитиян, преподаватель немецкого языка.⁹

⁹ *Catalogus sociorum et officiorum societatis Jesu in Imperio Rossiaco. – Ex anno 1813. – In Annum 1814. – Polociae Typis Academicis Societatis Jesu. – P. 5–8.*

Miesiecznik polocki
(внутренняя страница)

Miesiecznik polocki
(оглавление)

На втором году деятельности академии ее ряды стали пополняться новыми преподавателями. В 1814/1815 г. к преподавательской деятельности присоединился Казимир Хласко, за которым было закреплено сразу несколько предметов: логика, метафизика и математика. В эти же годы стал преподавать священное писание, церковную историю и моральную теологию Матеус Молиари. Преподаванием занялся достаточно известный среди иезуитов Самуэль Рагоза, который вел этику, статистику, политическую экономию и даже зоологию. В 1815/1816 г. в стенах Полоцкой академии стал преподавать каноническое право Антон Калевота, а в это же время к преподаванию поэтики и французского языка приступил Филип Беатрис-Саши. В 1816/1817 г. моральную теологию преподавал Игнатий Петробоний¹⁰; логику, метафизику и матема-

¹⁰ Искаженное имя в польском издании 1905 года. Правильно Pietro Boni. Родился в Мантуе в 1749 году. Вступил в Общество Иисуса в 1763 году и затем отправился в Россию. В течение 12 лет был проповедником в Санкт-Петербурге, после чего прибыл в Полоцк для преподавания моральной теологии. В 1820 году покинул Российскую империю и провел последние годы жизни в Италии. Умер в Генуе 14 марта 1831 года.

тику – Карл Баландре, архитектуру – Яков Журдан. Ян Плокюин преподавал французскую литературу.

Среди иезуитов, приступивших к преподаванию в 1816/1817 г., особо выделяется Ян Розавен, преподаватель теологии догматической и схоластической. В 1797 году вступил в Общество Иисуса.¹¹ В начале 1804 года Розавен приехал в Россию. С 1804 по 1815 год был префектом классов и преподавателем философии в коллегииуме Санкт-Петербурга. В 1815 году он прибывает в Полоцкую академию и становится затем деканом факультета богословия».¹²

Характерной особенностью Полоцкой академии стало то, что в ее стенах впервые в Белоруссии стало преподаваться право. Все чаще в академию прибывали иезуиты, которые обладали знаниями в области юриспруденции и могли преподавать первые юридические дисциплины. Кроме уже названных выше преподавателей, в 1817/1818 г. преподавать право стал Иосиф Залесский, специализировавшийся на дипломатике и общей истории, а чуть позднее – преподававший право публичное, российское, римское и польское. И. Залесский относился к числу тех немногих преподавателей, которые не были пришлыми и родились в Белоруссии. Он публиковал свои произведения в «*Miesięczniku Połockim*», а также известно, что писал стихи на русском языке.¹³

В 1818/1819 г. в Полоцкой академии появился иезуит Бонавентура Вилаум, преподаватель арабского языка, а также Иосиф Цитович, преподаватель математики, астрономии и архитектуры, какое-то время занимавший должность декана факультета свободных художеств.

Уже в 1819/1820 г. стал преподавать иврит, греческий и французский языки Матеус Молилари и риторику Ксаверий Стаховский, а право естественное, политическую экономику и статистику – Винсент Бушинский. В этот последний год в академии преподавал также гражданское право Францишек Ксаверий Стахов-

¹¹ В польском издании 1905 года указан 1804 год как год вступления Розавена в Общество Иисуса. Однако эта дата представляется ошибочной, поскольку обычно в Общество вступали в более молодые годы.

¹² Jan-Louis de Liesseques de Rozaven Эл.печурп: [http:// www.infobretagne.com / Locronannotabilites.htm](http://www.infobretagne.com/Locronannotabilites.htm). Дата доступа: 29.11.2013.

¹³ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 119.

ский, математику – Яков Кондро, право естественное – Августин Чарноцкий и литературу российскую – Николай Сущевский.

Если проследить биографию преподавателей Полоцкой академии, то выясняется, что все они, во-первых, состояли в ордене иезуитов, во-вторых, как правило, получили образование в иезуитских коллегиумах. С другой стороны, весомой частью их общего образования были такие предметы, как теология, логика и философия. Что касается знания языков, то здесь в большинстве случаев можно говорить о владении практически всеми преподавателями латинским языком уже хотя бы потому, что латинский язык открывал дорогу в Общество Иисуса, к его духовным богатствам и обязательным службам. Кроме того, некоторые из дисциплин преподавались на латинском языке в силу того, что широко использовались книги, изданные именно на латинском языке. Это в первую очередь относится к таким дисциплинам, как гражданское право и каноническое право, а также теология. Вместе с тем, интернациональный состав преподавательского корпуса академии обеспечивал возможность преподавания различных языков их живыми носителями, прибывшими из многих стран.

Немаловажным обстоятельством является создание в Полоцкой академии не только образовательной среды и основ университетского образования, но и в том числе такого важного компонента, как преподавательские и научные кадры. Важно понимать, что преподаватели отнюдь не ограничивались только лишь чтением лекций или опросом обучающихся. Преподававшие в академии уделяли достаточно много времени углублению своих знаний, расширению научного кругозора и дискуссиям с коллегами по актуальным разделам своих дисциплин. Таким образом, стала складываться научная среда, сообщество людей, интересующихся научным поиском и претендующими быть соискателями докторской степени. К моменту открытия Полоцкой академии и в период ее существования все больше внимания уделялось качеству преподавания, а некогда установленные папской буллой дозволения относительно ученых степеней приобрели новое звучание. Появлялись новые документы, определяющие порядок производства в ученые степени. Известны следующие акты: «О том, чтобы духовные особы удостоиваемы были докторской степени Полоцкой академией» от 11 августа 1814 года, а также «Мнение Полоцкой иезуитской акаде-

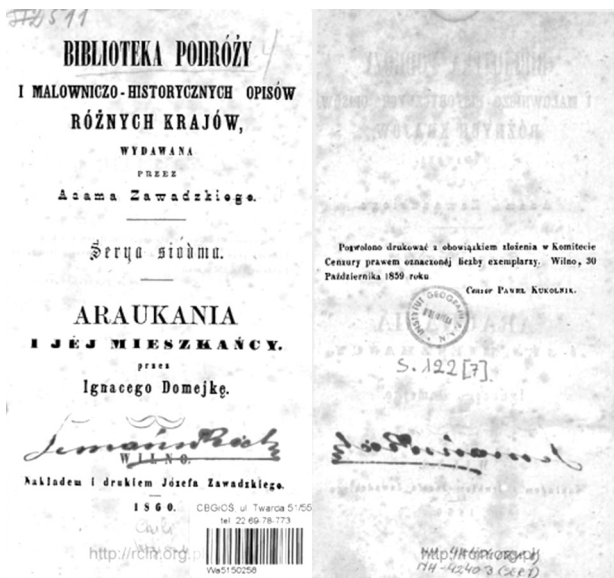

П.В.Кукольник. Портрет К.П.Брюллова

мии о производстве в ученые степени» от 24 декабря 1816 года № 565. Уже позднее в порядке унификации процедуры производства в ученые степени в пределах Российской империи было принято «Положение о производстве в ученые степени» (1819 г.).

В качестве иллюстрации вышесказанного можно привести достаточно интересный пример, свидетельствующий о тесной связи Полоцкой академии с университетской средой других городов Российской империи и о подготовке первых научных кадров. Полоцкая академия активно готовила докторов, магистров и кандидатов наук. С 15 сентября 1814 года по 15 сентября 1819 года, т. е. практически за пять лет, различные степени были присвоены 123 ее выпускникам. Из них 17 человек получили звания доктора теологии и канонического права; среди них в 1815 году – И. Сулетитский, И. Яцевич, Я. Шулякевич; К. Сиротинский (1816); К. Зубрицкий и И. Цивинский (1818); 43 – доктора гражданского права; 13 – магистра богословия, среди них в 1818 году – А. Станиславский, Я. Кондрю, С. Яловицкий, А. Янушевский; в 1819 году – И. Нагурский, М. Кжижановский и А. Римович; 10 – магистра фи-

лософии, среди них – Г. Барейша, А. и В. Киркор (1815); 2 – магистра свободных наук; в кандидаты богословия были произведены 5 человек; в кандидаты философии – 27, в том числе в 1816 году – М. Комаровский, К. Жабровский, И. Мирский, Ф. Гайдамович, С. Красовский и Д. Жабровский; в 1819 году – М. Корсак, П. Красовский, И. Комаровский, Р. Ванькович, И. Игнатович, И. Довгяла; кандидаты свободных наук – 1, кандидаты юриспруденции – 3 человека.¹⁴

Одна из книг, изданных в Вильно в 1860 г., цензором которой был Павел Кукольник.

Одним из тех, кто удостоился степени доктора в Полоцкой академии, стал П. В. Кукольник (Kukolnik Paweł). П. В. Кукольник родился в 1795 году в польском городе Замостье. Его отец происходил из словацкой семьи, которая переехала в Россию. Отец Кукольника начинал свою карьеру учителем и впоследствии (1804 г.) был приглашен профессором в Главный педагогический институт, открывшийся в Санкт-Петербурге. П. В. Кукольник какое-то время служил в канцелярии иезуитского коллегиума в Санкт-Петербурге,

¹⁴ Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 179.

в котором несколько раньше отличился своей кипучей деятельностью известный иезуит Габриель Грубер. Безусловно, пример отца и иезуитский коллегиум, в котором преподавались многие дисциплины, в том числе история, включавшая знания в области права и теологии, среди прочих разделов которых были такие разделы как «Дискуссия о юстиции и праве», «Законы», «Договоры», «Право каноническое», повлияли на мировоззрение Кукольника и выбор его будущих занятий. В 1815 году П. В. Кукольник был удостоен докторской степени Полоцкой академии за свою работу «О влиянии римского права на всероссийское», которую он успешно защитил перед строгим ученым собранием академии. Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба Кукольника, если бы в 1820 году не закрылась Полоцкая академия, но он уже в 1821 году принял православие и через несколько лет был назначен профессором общей истории в Виленский университет. В это же время Кукольник исполнял обязанности секретаря ученого совета университета, а позднее служил библиотекарем и цензором. П. В. Кукольник занимался переводами с иностранной литературы, в основном это была французская литература. Наиболее известен его перевод популярной книги Сегюра «Сокращенная всеобщая история древняя и новая для употребления юношества».¹⁵ Большинство работ Кукольника – это работы по истории, и прежде всего, Литвы, Белоруссии и России. Кроме того, он писал стихи и драматические произведения.¹⁶

Говоря о преподававших в Полоцкой академии, следует отметить, что в силу мобильности самих иезуитов, более всего привычных к миссионерской деятельности и поэтому известных во многих странах, иезуиты-преподаватели часто переезжали с одного места на другое. Такой образ жизни кроме всего прочего способствовал укреплению связей в среде иезуитских преподавателей и распространению по городам и весям четко выработанных правил и требований, например таких, как «Ratio studiorum», предъявляемых к обучаемым и преподавателям. «Ratio studiorum» не только призвано содействовать отраслевым знаниям; это целостная система, которая должна создать ученых

¹⁵ См.: Сегюр. Сокращенная всеобщая история древняя и новая для употребления юношества. В 5 ч. Ч. 1–4 / пер. с фр. [П. В. Кукольника]. СПб.: в тип. Департамента Внешней торговли, 1818. 2 н.с., XIV, 173 с., 1 н.с. (ч.1); 4 н.с., 200 с. (ч.2); 4 н.с., 208 с. (ч.3); 2 н.с., 192 с., 2 н.с. (ч.4).

¹⁶ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – S. 253.

и ораторов, опытных преподавателей и достойных студентов.¹⁷ Кроме всего прочего, мобильность иезуитов была необходима им для обеспечения деятельности многочисленных школ, подчиненных Полоцкой академии. Например, в 1816–1817 г. в Орше преподавал в школе иезуитов религиозную риторику будущий генерал Общества Иисуса Ян Роотаан, укрепившийся в своем положении и авторитете среди иезуитов именно в Полоцкой академии. Стал в 1817 году префектом школы иезуитов в Извалте (Uzvalda) прибывший из Полоцкой академии Казимир Хласко. В 1811–1812 г. в иезуитской школе в Витебске преподавал философию до приезда в Полоцк Клеменс Петровский. В школе Могилева преподавал до своего прибытия в Полоцк Алоиз Анджиолини. В Мстиславле регентом и преподавателем французского языка был Дезидерий Рихардот и преподавал философию Клеменс Петровский. Особый вклад в становление и деятельность иезуитского коллегіума в Санкт-Петербурге внесли известные полоцкие иезуиты: Розавен, Хошбишлер, Иосиф Анджиолини.

В 1815 году академия в Полоцке неожиданно пополнилась большим количеством преподавателей из числа иезуитов. Такому прибавлению содействовали обстоятельства, которым иезуиты никак не могли противиться. 20 декабря 1815 года Александр I издал указ о высылке иезуитов из Москвы и Петербурга, поскольку было решено, что подданные Российской империи, которые ищут возможности перейти в римскую религию, тем самым нарушают закон. Соответственно, в ночь с 20 на 21 декабря полиция в сопровождении армии оцепила коллегіум в Санкт-Петербурге, проникнув во внутрь и установив надзор за монашествующими. При этом были опечатаны все помещения коллегіума. Уже следующей ночью всех иезуитов, как пленников, сопроводили в Полоцк.¹⁸ Показательно то, что данные действия свидетельствовали о том, что в России были недовольны тем порядком обучения, который иезуиты установили в своих коллегіумах. Еще в 1802 году, после того как произошла с

¹⁷ Crétineau-Joly, J. Histoire religieuse, politique et littérature de la Compagnie de Jésus: composee sur les documents inédits et authentiques (3-e édition, revue, augmentée et enrichie d'une table alphabétique des matières) / J. Crétineau-Joly. – 1851. – P. 412.

¹⁸ Daurignac, J. M. Histoire de la Compagnie de Jesus depuis sa foundation jusque a nos jours / J. M. Daurignac. – Deuxième édition. – Tome deuxième. – Librairie catholique de Périsse frères. – Paris. – 1862. – S. 204.

дозволения Александра I легализация ордена иезуитов¹⁹, генерал ордена Габриель Грубер был извещен государственным канцлером о намерении Александра I ввести в коллегиях преподавание всех наук на русском языке и позаботиться о том, чтобы в монастырях и коллегиях никогда бы не было допуская ничего предосудительного для господствующей церкви.²⁰

Как можно было убедиться выше, в Полоцкую академию съезжались иезуиты в основном из стран континентальной Европы, прежде всего, из Италии, Франции, Германии и Польши. В литературе встречаются свидетельства того, что в Полоцк стремились и иезуиты из других стран. Например, Ж. М. Дариньяк отмечал, что иезуиты Британии, собранные Томасом Уайльдом, оставившим свою землю в Ланкашире, испрашивали у генерала ордена в 1800 году дозволения присоединиться к Обществу в России. К их большому огорчению, в этом им было отказано, и, ожидая часа Провидения, они трудились с усердием хороших священников, дабы сохранять и распространять веру.²¹

Таким образом, мы видим, что миссия иезуитов в Полоцке, постепенно сформировавшаяся до уровня коллегиума, а затем и академии, основывалась на вполне конкретных лицах, которые в большинстве своем были членами ордена иезуитов. В среде самого известного в истории религии ордена сложилось со временем сообщество иезуитов, первейшим занятием которых стало преподавание. Занятие преподаванием давало

¹⁹ На основе декрета Пия VII от 7 марта 1801 года, которым разрешалось не восстановление, а учреждение ордена иезуитов, и то лишь в одной России (В. Б.), Дариньяк в своей книге приводит интересный факт, а именно: Император Александр благоволил отцу Груберу, как и Павел I. 7 июня 1802 года он посетил коллегиум Полоцка, где нашел умирающего Отца Каре и заверил его в своем интересе к Обществу. Отец Грубер, воспользовавшись этим обстоятельством, решил просить о приеме прошения; Александр его принимает и издает указ (Дариньяк, вероятно, ошибается). В действительности речь может идти об отношении от 4 октября 1802 года, в котором оговаривались условия пребывания иезуитов в России (В. Б.). Общество отныне действует на законных основаниях, публично создано. 30 июля, накануне праздника Святого Игнатия, отец Каре собирается радоваться на небе триумфу Общества Иисуса на земле (См.: Daurignac, J. M. Histoire de la Compagnie de Jesus depuis sa foundation jusque a nos jours, S. 186).

²⁰ Самарин, Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову / Ю. Ф. Самарин. – изд. 3-е. – Москва: Тип. Грачева и К°, 1870. – С. 335–336.

²¹ Daurignac, J. M. Histoire de la Compagnie de Jesus depuis sa foundation jusque a nos jours / J. M. Daurignac. – Deuxième edition. – Tome deuxième. – Librairie catholique de Périsset frères. – Paris. – 1862. – S. 187.

прекрасную возможность совершенствовать собственные знания, добиваться ученых степеней и преподавать в известных университетах.

§ 2. Учебные дисциплины

В истории полоцких иезуитов, коллегіума и академии особое место занимает вопрос, касающийся дисциплин или предметов, которые преподавались в разное время и разными преподавателями. История дисциплин достаточно точно и ярко передает всю историю самих иезуитов, обосновавшихся в Полоцке, поскольку обнаруживает многие стороны их деятельности, так или иначе связанные с историей Общества Иисуса. В специальной литературе, посвященной деятельности иезуитов, больше всего внимания уделяется деятельности Общества Иисуса как религиозного ордена и совсем мало говорится о его образовательной деятельности. До сих пор единственным изданием, которое уделяет внимание именно процессу обучения в Полоцке, остаются «*Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych*» (Kraków: Druk W.L.Anczycusa i Spółki, 1905). Однако и в этом издании его большая часть посвящена школам, подчиненным Полоцкой академии, а само издание практически полностью повторяет официальные каталоги иезуитов, содержащие длинные перечни имен иезуитов, статистику рождений и смертей, дат вступления в Общество Иисуса. В достаточно объемной и интересной по содержанию монографии Т. Б. Блиновой «Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения)» (Гродно, 2002 г.) образовательной деятельности полоцких иезуитов уделено мало внимания, что отчасти компенсируется более широкой трактовкой темы образования в рамках всей Беларуси. Отдельные фрагменты, касающиеся образовательного процесса и в том числе дисциплин, преподаваемых в Полоцком коллегіуме, а затем в академии, находим в разрозненных источниках, как правило, в иностранной литературе, прежде всего, в польских и французских изданиях. Достаточно часто система образования иезуитов упоминается в известном труде Т. Гринингера «Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени

(Санкт-Петербург, 1868–1869 гг.)», но в этой работе автор ограничился сведениями общего характера и практически оставил за рамками изложения мелкие, но важные детали, относящиеся к изучаемым дисциплинам. В чрезвычайно интересной работе А. И. Авруса «История российских университетов. Очерки (Москва, 2001 г.)» содержится редкая информация, касающаяся самого процесса обучения и учебных дисциплин, полно и всесторонне изложена история создания и деятельности Санкт-Петербургского университета и Московского университета, совсем мало сказано о Дерптском, Харьковском и Казанском университетах и ничего не говорится о Полоцкой академии.

История дисциплин применительно к теме полоцких иезуитов более или менее ясно прослеживается со второй половины XVI века, времени освоения Полоцка иезуитами и расширения их миссии. Как нам уже известно, места, где расселялись иезуиты, со временем обзаводились коллегиумами, но уже первоначально, до появления полноценных коллегиумов, дома или миссии иезуитов практиковали обучение местного населения. Такая практика в полной мере соответствовала миссионерской деятельности ордена иезуитов, осуществляемой ими во многих странах мира. Другой стороной обучения, без которой не обходилась ни одна миссия иезуитов, было вспоможение, предоставляемое наиболее нуждающимся ученикам, что позволяло последним завершить весь курс учебы. Таким образом, в самом начале обучение у иезуитов представляло собой отнюдь не целостную и стройную систему получения знаний, а, по сути, являлось одной из форм благотворительности, в обмен на которую от обучавшихся ждали терпения и усердия в учебе.

Тот перечень предметов, который утвердился в расписании Полоцкой академии, возник далеко не случайно и стал показателем чрезвычайно долгого и непростого пути, проделанного иезуитами в деле обучения. Значительный отрезок времени, в течение которого формировались и изучались дисциплины, выпадает именно на период создания и деятельности иезуитского коллегиума в Полоцке. К моменту открытия академии в ордене иезуитов как нечто должное и обязательное воспринимались умения, необходимые для несения апостольских обязанностей, знание языков, и прежде всего, латинского. Кроме того, иезуит должен был отличаться без-

укоризненной логикой, хорошо знать теологию и философию. На образовательный процесс Полоцкой академии оказывали влияние и внешние факторы, в большей степени связанные с изменениями в системе светского образования и появлением новых подходов, касающихся в том числе: организации учебных занятий, качества преподавания и подготовки преподавателей, производства в ученые степени, библиотечного дела и др. Особое значение имело то обстоятельство, что академия испытывала на себе влияние двух направлений: одно из них относилось к российской системе образования и православию, другое – к континентальной Европе и католицизму.

Первое, что обращает на себя внимание, это то, что основные начала установления учебных дисциплин в Полоцкой академии были закреплены на уровне Указа Императора Александра I от 12 января. Пункт 4 этого Указа предоставил право определять науки, изучаемые в академии, правительству. Исключение делалось только для медицины и уголовного права. Важно и то, что этот же документ все вопросы, касающиеся образования в Полоцкой академии, отнес к ведению Министерства народного просвещения. Опять же на высоком уровне был определен общий перечень дисциплин (наук), которые должны были изначально преподаваться в академии. Такой перечень был установлен грамотой Императора Александра I от 1 марта 1812 года.

Первоначальный перечень наук, которые должны были изучаться в Полоцкой академии, включил в себя следующие наименования:

- Российский язык;
- Французский язык;
- Немецкий язык;
- Латинский язык;
- Греческий язык;
- Еврейский язык;
- Поэзия;
- Риторика;
- Нравственная философия;
- Логика и Метафизика;
- Физика всеобщая, частная и опытная;
- Химия;

- Математика чистая и прикладная;
- Архитектура Гражданская и Военная;
- Право Естественное, Право частное, Право Римское Гражданское;
- История Естественная;
- История Всеобщая;
- Богословие догматическое;
- Богословие нравственное;
- Священное писание;
- Право Каноническое;
- Священная История.

Таким образом, видно, что вышеназванный документ включает 22 наименования предметов или наук, которые полагалось изучать в Полоцкой академии. Интерес представляет сравнение с науками, изучаемыми в 1805–1807 гг. в Московском университете. В этом университете насчитывалось 19 предметов. Студенты вначале изучали общие для всех факультетов науки и после этого могли покинуть университет, получив на торжественном собрании аттестат. Оставшиеся студенты приступали к изучению наук по специальности и, когда они считали, что овладели ими, требовали испытаний на степень кандидата. Чтобы получить ее, надо было выдержать письменный экзамен по специальности, затем устно ответить на два вопроса в основной науке и дополнительные вопросы присутствовавших, которые могли касаться и вспомогательных наук. Среди изучаемых предметов были философия, древняя история, иностранные языки, практическое законоискусство, физико-математические, медицинские науки.²²

Из предметов, утвержденных к изучению в Полоцкой академии, отчетливо выделяются несколько блоков. Первый их них – это языки. Знание языков основывалось на необходимости осуществлять миссионерскую деятельность, что и явилось первопричиной включения столь большого количества языков в образовательный процесс. Уже затем основанием стали циркуляры Министерства народного просвещения, коим академия обязана была следовать. Особенность состояла и в том, что в силу интернациональности ордена иезуитов, среди них было достаточно много носителей того или иного языка, что в значительной степени облегчало

²² Аврус, А. И. История российских университетов. Очерки / А. И. Аврус. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С.16.

обучение и делало его более доступным. Разные языки, иврит и халдейский всегда учили в ордене иезуитов; это требовалось для нужд миссий, и по мере того, как образование становилось основательнее, должно было быть добавлено изучение других восточных языков.²³ Изучению языков благоприятствовало то, что отдельные дисциплины преподавались, как правило, на вполне определенном языке, чаще всего на том, на котором были изложены первоисточники. В качестве примера можно привести римское гражданское право. Этот предмет основывался на древнеримских и иных текстах, доступных чаще всего на латинском языке. То же самое можно сказать об изучении канонического права. Все важнейшие источники, относящиеся к этому предмету, в основном излагались на латинском языке, хотя имелись и издания на французском, итальянском, польском языках.

Преподавание предметов в Полоцкой академии на латинском и иных языках имело под собой прочную основу, а именно: система образования у иезуитов на уровне школ или коллегиумов во многом строилась на знании иностранных языков. Приходя в академию, обучавшиеся попадали в среду, где имели возможность продолжать изучение языков, совершенствовать свои языковые знания, полученные ими ранее. Наиболее распространенным типом учебных заведений ордена являлась гимназия, состоящая из пяти классов, срок обучения в которой мог колебаться от шести до семи лет. Первые три класса гимназии назывались либо низшей школой, либо грамматическими классами, т. к. основное внимание в них уделялось изучению грамматики латинского языка. Основным их назначением являлась подготовка учащихся к восприятию в дальнейшем курса красноречия. Первый класс иезуитских учебных заведений носил название низшей грамматики, или *infima classis grammaticae*, или просто *infima*, как он обозначался в ежегодных и трехлетних каталогах ордена. Нередко программа его растягивалась на два года, и тогда первый класс определяли как *prima*, или *infima minor*, а второй – *infima major*. В нем ученики штудировали основы латыни: части речи, склонения имен существительных и спряжения глаголов, основы синтаксиса. Основным источником знаний служил знаменитый учебник латинского

²³ Crétineau-Joli, Jacques. Histoire religieuse, politique et littéraire de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques / Jacques Crétineau-Joli. – 3-e édition. – 1851. – P. 412.

языка Е. Альвара, по которому, главным образом, учили детей в течение двух веков в католических школах. Ученики по нему читали самые легкие письма Цицерона и эпиграммы. Помимо латинского языка, в *infimū* преподавались начала греческого языка. Ученики *infimū minor* и *infimū maior* занимались, как правило, в одном помещении и в одно и то же время.²⁴

В Полоцкой академии стали уделять большое внимание физике и математике, что стало в определенном смысле новым подходом, поскольку и раньше эти предметы не исчезали из поля зрения иезуитов. Дело в том, что роль этих предметов неуклонно возрастала, и их значение подтверждалось включением физико-математических наук в образовательные курсы появляющихся в Российской империи университетов. Эту тенденцию не могли не видеть сами иезуиты, не раз демонстрировавшие способность к восприятию передовых идей своего времени. Они прямо говорили о том, что «необходимо больше времени посвящать физико-математическим наукам».²⁵ Повышенное внимание к физике иезуиты проявили еще до того, как была образована академия. Иезуиты создали физический кабинет, в котором в 10 шкафах, на отдельных столах или на полу размещались физические приборы в общем количестве 141 шт. Причем, некоторые из приборов были заграничной работы, но многие были сделаны в мастерских коллегіума и отличались тщательностью и точностью работы.²⁶ Столь же пристальное внимание иезуиты традиционно уделяли и химии. Подробную программу преподавания физики и химии можно найти в «Отчете Полоцкой академии Общества Иисуса за 1814/1815 учебный год». Из этого документа следует, что физика преподавалась по средам, пятницам и субботам с 9.00 до 10.00 утра и в дневное время с 14.00 до 15.00. В первой или общей части изучались принципы движения, а также под воздействием

²⁴ См. подробнее: Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С.; Bednarski S. Upadek i odrodzenie szkoly jezuitkich w Polsce. Studium z dziejow kultury i szkolnictwa Polskiego. – Krakow: Wydawnictwo ksikowy jezuitow, 1933.

²⁵ Crétineau-Joli, Jacques. Histoire religieuse, politique et literature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques / Jacques Crétineau-Joli. – 3-e edition. – 1851. – P. 417.

²⁶ Иезуиты в Полоцке: 1580–1820 гг. В 2 ч. Ч. 1 / Сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. А. Судника. – Полоцк: А. И. Судник, 2005. – С. 24.

каких сил осуществляется движение; давались знания о твердых телах и жидкости и о последствиях погружения тел в воду; о силе притяжения, упругости, плотности и твердости тел. Вторая часть физики начиналась с астрономии. На основе учения Коперника давались знания о планетах и их спутниках, а также о кометах, лунном свете, затмениях. Знакомились со взглядами Кеплера, предшествующих открытию закона тяготения. Кроме того, в понедельник, среду, пятницу и субботу с 15.00 до 16.00 проводились различные физические опыты.

Химия изучалась по понедельникам, средам, пятницам и субботам с 10.00 до 11.00. Знакомились с общими принципами химии. Изучали различные вещества: карбид, серу, фосфор, щелочи и кислоты, а также руду. Практиковались также и химические эксперименты.²⁷

Особое место среди иных наук занимали церковные науки. Как известно, многие известные европейские университеты формировались, отталкиваясь именно от церковных основ, уделяя значительное внимание богословию, философии, риторике и логике. Богословские дисциплины приветствовались и в Российской империи в период создания университетов. Формально история Церкви значилась среди учебных дисциплин российских университетов с 1804 года — со времени издания первого общеуниверситетского устава. Этот устав вводил в состав факультета нравственных и политических наук две богословские кафедры: 1) догматического и нравоучительного богословия и 2) толкования Священного Писания и церковной истории. Однако на протяжении нескольких лет эти кафедры существовали лишь фиктивно, не имея реальных последователей. Эта проблема была решена фактическим объединением в 1819 году этих кафедр, осуществленным Главным правлением училищ по инициативе министра Двойного министерства князя А. Н. Голицына для того, чтобы «каждому человеку преподавать начала истинного Богопознания и христианского учения, необходимые в жизни». Предложенные учебные программы по богословию включали догматическое и нравственное богословие, а также священную и церковную историю. Таким образом, поименованная в Уставе 1804 года кафедра толкования Священного Писания и церковной истории в университетах Александровского времени не

²⁷ Siemion, Ignacy Z. Wokół nauczania chemii w Akademii Połockiej / Z. Ignacy Siemion. – *Analecta* 10/2 (20). – Uniwersytet Warszawski, 2001. – S. 71–72.

существовала самостоятельно.²⁸ Что касается Полоцкой академии, то пункт 5 Указа от 12 января 1812 года давал возможность академии самостоятельно определять предметы, относящиеся к религиозной принадлежности. Таким образом, при изучении тех церковных наук, которые были установлены грамотой от 1 марта 1812 года, рассматривались в первую очередь положения, относящиеся к римско-католической церкви. По объему изучаемого материала с блоком церковных наук могли конкурировать, прежде всего, иностранные языки. Более того, церковные науки были обеспечены чрезвычайно большим количеством книг. Большую известность приобрела работа монаха Грациана – Декрет Грациана (*Décret de Graticu, Decretum Gratiani*), или *Concordia discordantium canonum*. Работа предположительно создана в 1-ой половине XII века (вероятно, около 1140 года). В работу включены решения церковных соборов, тексты отцов Церкви, папские декреты, тексты римского права и другие фрагменты. Работа впоследствии дополнялась новыми текстами, в нее вносились многочисленные исправления папскими комиссарами. Наиболее известное издание Декрета Грациана датировано 1582 годом.²⁹ Считается, что в своем первоначальном виде данная работа способствовала последующей рецепции римского права, обособлению канонического права от теологии, в том числе применительно к обучению. Следует также отметить, что Декрет Грациана способствовал развитию навыков толкования и редактирования норм канонического права, появлению традиций нормотворчества и последующих юридических приемов кодификации. Например, достаточно большой опыт толкования Декрета Грациана был накоплен школой права в Болонье.³⁰

Среди иных известных трудов, на основе которых изучалась не только история церкви, но и каноническое право, в Полоцкой академии изучались:

²⁸ Герасимов, О. История церкви в системе научных дисциплин в российских университетах XIX в. / О. Герасимов. – Актуальные проблемы новейшей истории русской церкви. – Труды Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. XVIII Ежегодная богословская конференция: Материалы. Том I. – М. – 2008. – С. 1.

²⁹ *Decretum Gratiani emendatum et notationibus unâ cum glossis, Gregorii XIII. Pont. Max. iussu editum.* – Romae: In Aedibus Populi Romani, 1582. – 1508 p.

³⁰ Esmein, A. *Cours élémentaire d'histoire du droit français. A l'usage des étudiants de première année* / A. Esmein. – 15 édition. – Paris: Librairie de la société a me du Recueil sirey, 1923. – P. 754.

– *Liber decretorum* или *Decretum* – своеобразный путеводитель для обеспечения духовных лиц епархий в деле покаяния, а также как учебник для молодых священнослужителей. Одна из наиболее ранних работ (начало XI века), подготовленная епископом Бурхардом. Работа очень большая по объему: состоит из двадцати книг, разбитых на главы и заголовки. В работу Бурхард включил суть лучшее из основного писания (*principaux écrits*), которое содержало правила канонического права: тексты Священного Писания, труды отцов Церкви, декреталии, покаянные книги; есть также и римское право, но неоригинальное, с искажениями.

– *Tripartita* (3 книги), *Décret* (17 книг) и *Panormia* (8 книг). Значительная часть этих работ состоит из проповедей и советов, касающихся церковной жизни, а также изобилует большим числом папских посланий и других папских текстов, например, Климента I (25 текстов), Каликста II (13 текстов), Анаклета (24 текста) и т. д.

– Пять сборников *Décrétales*, объединенных общей идеей: собрать в одно целое все важнейшие тексты. Эти сборники имеют одно общее название: *Quinque compilations antiquae*. Папа Григорий IX пожелал на основе этого труда сделать официальный кодекс, приспособленный к потребностям практики. Необходимо было проделать значительную работу по ревизии ранее составленных сборников. Данная миссия была возложена на Пенафорте (*Raymond Penaforte*). Работа была завершена к 1234 году, а затем разослана в университеты Болоньи, Парижа и Саламанки.

– Труд из пяти книг под названием *Décrétales les Clémentines*. Эти книги составили значительную часть *Corpus Juris Canonici*. В конце XV века было добавлено два собрания *Extravagantes* (тексты, не вошедшие в *Decretum Gratiani*): *Extravagantes* Иоанна XXII, включивший в себя 20 его декреталиев, разделенных на 14 титулов (был обнаружен в 1325 г.); *Extravagantes communes* – содержит конституции различных пап, от Урбана IV до Сикста IV (был обнаружен в 1483 г.). Эти дополнения оказались окончательными в *Corpus Juris Canonici*.³¹

С открытием Полоцкой академии произошло достаточно важное событие не только для белорусских земель, но и в це-

³¹ Более подробно см.: Богоненко, В. А. Кодекс Наполеона. Историко-правовой аспект / В. А. Богоненко. – Минск: А. Н. Вараксин, 2014. – С. 49–51.

лом для Российской империи, а именно: впервые стали преподаваться юридические дисциплины. Причем занятия проводились на основе структурированного по темам и определенным разделам материала. До этого обучавшимся в коллегиумах давались лишь общие сведения о праве вместе с теологией, философией или историей. Необходимо отметить, что возможность преподавания юридических дисциплин в Полоцкой академии обеспечивалась ранее созданной иезуитами системой обучения, наличием четко выработанных правил и требований, например таких, как *Ratio studiorum*, предъявляемых к обучаемым и преподавателям. Значимость данного события подчеркивается тем обстоятельством, что в отличие от европейских стран, где с правом знакомились не только при изучении других дисциплин, таких, как история, философия или теология, но и в формате отдельных дисциплин, ни в одном из белорусских иезуитских коллегиумов право не преподавалось в качестве самостоятельного предмета. Кроме того, в европейских странах право стали изучать в той или иной форме уже с XIII–XIV вв. Например, в университетах Италии: в Падуе, Виченце, Верчелли, Арцео, Ферраре, Риме, Неаполе, Перуджии, Турине и др. городах. Изучение права широко практиковалось также во Франции и Германии.

С точки зрения восприятия права католической церковью (на момент открытия Полоцкой академии), иезуитам еще не была знакома проблема нехватки преподавателей юридических дисциплин, так как по твердому убеждению католических священнослужителей и иезуитов, право в том виде, в котором оно существовало в начале XIX века, могло преподаваться и толковаться именно священнослужителями. В особенности это касалось гражданского права и уж тем более канонического права. Такое мнение католической церкви сохранялось еще достаточно долгое время. Аббат Аллегре в своем известном труде отмечал, что «Божественная мудрость Церкви, значительный вклад в светскую жизнь, часто непризнанны. Гражданский кодекс, взятый вне религиозных вопросов, появился как будто замечательное создание соглашения и чувственного опыта; правильных судебных прецедентов широко распространенных перед его беспристрастным содержанием. В то же время положения, по кото-

рым Гражданский кодекс не согласуется с теологией и правами Церкви, обнаружилось с большей точностью».³²

Благодаря Ф. К. Гижицкому, составившему *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych*, известно содержание некоторых юридических дисциплин, которые преподавались в Полоцкой академии. Например, при изучении римского права рассматривались следующие темы: понятие права и его применение, естественное право и право народов, возникновение права, институции Юстиниана, основные начала права, признаки лиц и вещей в целом, история римского права, состояния и обязанности вольных лиц и служащих, обязанности в браке, отцовская власть, опекунов, приобретение вещей, дарение, давность, правопреемство, раздел имущества между наследниками, завещания, виды договоров, залог движимых и недвижимых вещей, о прекращении договорных обязательств, и др. Отдельно рассматривались положения, относящиеся сугубо к российскому праву. При изучении церковного права³³ говорилось о делах, относящихся к церковным судам, об обязанностях клириков и их жизненных правилах, о личном имуществе священнослужителей, о доходах и десятине, о свадебных торжествах и религиозных домах, а также об обязательствах, которые могут принять на себя Церковь и верующий, о наказаниях.³⁴

Интересно также отметить, что недельная нагрузка на юридические дисциплины в Полоцкой академии в 1813/1814 г. составляла 8 часов, в Московском университете на юридическом факультете в 30-40-х гг. XIX века – 18 часов.³⁵

Предпринятые иезуитами попытки преподавания юридических дисциплин отвечали устремлениям того времени, когда в России стали создаваться университеты: в Москве, Казани, Харь-

³² Allegre, Ch. Code civil commenté a l'usage du clergé dans ses rapports avec la Théologie morale, le Droit canon et l'Économie politique / Ch. Allegre. – Tome Premier. Delhomme et Briguët, Éditeurs Paris 13, Rue de L'Abbaye, 13 Lyon 3, Avenue de l'Archevêché, 3. 1888. – P. 1.

³³ В «*Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych*» используется термин «*Prawo kościelne*».

³⁴ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L. Anczyca i Spółki, 1905. – S. 76, 77, 90.

³⁵ Аврус, А. И. История российских университетов. Очерки / А. И. Аврус. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 22.

кове, Санкт-Петербурге, а затем и в других городах. В условиях, когда еще только закладывались каноны юридического образования, формировались представления о системе преподавания права и создавались необходимые предпосылки (организация учебных заведений, набор студентов и подготовка преподавателей и др.), иезуиты обеспечивали получение знаний о праве на основе опыта европейских университетов. Примечательно, что первые робкие попытки преподавания права (это было естественное право) в Академическом университете Санкт-Петербурга во второй половине XVIII века вызывали в среде немногочисленных студентов неприятие. В образовании будущих правоведов главная роль отводилась естественному праву. Ему обучали по переводным сочинениям знаменитого философа и профессора права Самуэля фон Пуфендорфа «Введение в историю европейскую» и «О должности человека и гражданина по закону естественному». Это были первые в России учебники по праву. Первыми преподавателями права в Университете были германские философы-юристы. Христиан Гросс читал естественное право, Иоганн Симон Бекенштейн – натуральное право, римское право, законы германские, лифляндские и эстляндские, Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон преподавал натуральное и народное право, устройство важнейших европейских государств, церемониальное право, деловую корреспонденцию, Георг-Фридрих Федорович – основы международного права. Безразличие студенчества к западноевропейскому праву было общей проблемой преподавания права в Университете. Штрубе де Пирмон предпринял попытку написать краткое руководство по российским законам, но успел представить лишь черновой вариант первого раздела «Компендиума российского права».³⁶

Характерно и то, что в числе первых и немногих юридических дисциплин стало преподаваться гражданское право, впоследствии неизменно присутствующее в учебных программах и имевшее уже в то время вполне определенную структуру и содержание. В университетских курсах первой четверти XIX века присутствовали положения римского гражданского права, с которыми знакомились не как с догмой, а как с реальными юридическими

³⁶ Знаменитые студенты Санкт-Петербургского университета. Юридический факультет / Н. Г. Мацнева, Е. А. Яцук, О. В. Анисимов; подбор. илл. Н. Н. Рыбина; Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2012. – С. 12.

конструкциями. В первую очередь это касалось вещных прав, ассоциаций, отдельных видов договоров.³⁷

Интересно отметить, что давно ставшая привычной для доктрины гражданского права и остающаяся наиболее популярной среди иных теорий юридического лица теория «фикции» уходит своими корнями в далекий XIII век. Прообразом доктринально закрепленной и целиком сложившейся в первой половине XIX века теории «фикции» стали рассуждения главы апостольского престола папы Иннокентия IV (Sinibaldus Fliscus) о возможности и пределах распространения церковных установлений на ассоциации. Обучающиеся в Полоцкой академии имели прекрасную возможность знакомиться не только с прообразом теории «фикции», но и другими знаниями, послужившими впоследствии теоретической основой современных учений. Особенно важным было то, что такие знания черпались из книг, доставленных из многочисленных европейских библиотек иезуитского ордена и самого папского престола. Так, изучая «Право Естественное» пользовались и книгами Гуго Гроция (Grotius, Hugo de Groot). Римское гражданское право в большей степени изучалось по «историческим книгам», в которых описывались и правовые институты Древнего Рима.

Можно сделать вывод о том, что предметы, изучавшиеся в Полоцкой академии, составляли собой систему, строго выверенную и обоснованную существовавшими на то время у иезуитов правилами обучения. Образовательная часть или структура академии, основу которой составили факультеты, полностью соотносилась с утвержденными для преподавания дисциплинами.

§ 3. Правила обучения и производства в ученые степени

Преподавание дисциплин в Полоцкой академии, приравненной в правах к университету, обязывало к регламентации образовательного времени и обеспечению того уровня преподавания, который был свойственен университетам начала XIX века. Учитывая полярность образовательного пространства, заданную По-

³⁷ Богоненко, В. А. Гражданское право: традиции и инновации учебной дисциплины / В. А. Богоненко. – Гендерные аспекты взаимодействия в молодежной среде. Современный мир: единство и разнообразие: Учебно-методическое пособие / Под ред. С. А. Гончарова, В. Ю. Сморгуневой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. – С. 70.

лоцкой академии Указом от 12 января 1812 года, иезуитам приходилось постоянно балансировать между светскими правилами, сформировавшимися в условиях православной веры и правилами ордена иезуитов, служившего католической вере. Кроме того, полоцкие иезуиты испытывали постоянное давление со стороны Виленского университета, что многими современниками воспринималось как доказательство того, что Полоцкая академия составляла конкуренцию университету в Вильно. Необходимо также учитывать, что в целом деятельность Полоцкой академии пришлось на период становления университетского образования в Российской империи, и поэтому правила, действовавшие в академии, часто подвергались изменениям и дополнениям. В литературе, посвященной истории образования, в том числе в учреждениях иезуитов, внимание уделялось школьной системе ордена иезуитов.³⁸ Такой подход оправдывался отчасти тем, что история образования иезуитов в школах или коллегиумах была несравненно более длительной, нежели история университетов или академий, опекаемых иезуитами. Кроме того, история академического образования иезуитов в Российской империи оказалась совсем непродолжительной и поэтому не нашла широкого отклика у исследователей этого времени.

Образование в Полоцкой академии обеспечивалось ранее созданной иезуитами системой обучения, наличием четко выработанных правил и требований, например, таких, как «Ratio Studiorum», предъявляемых к обучаемым и преподавателям. Таким образом, было бы ошибкой полагать, что правила обучения появились только лишь после открытия академии. С момента открытия учебных заведений, являвшихся собственностью «Общества Иисуса», их деятельность регламентировалась школьным уставом. За всю историю существования ордена в Беларуси их было два. Первый из них был принят в 1586 г. генералом ордена Аквавивой. Однако он просуществовал недолго, и в 1599 г. руководством был утвержден новый, получивший название «Ratio studiorum».³⁹

³⁸ См.: Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 426 с.; *Materyaly do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905. – 157 s.

³⁹ Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 30.

Первые проекты Ratio Studiorum, как и хотел Игнатий Лойола, составлялись на основе «Правил римского коллегияума». Ради такого дела был создан международный комитет из шести иезуитов, назначенных генералом ордена Аквавивой. Комитет собрался в Риме для обсуждения проекта столь важного для иезуитов документа. В 1586 и 1591 гг. были обнародованы проекты документа для замечаний и поправок. И столь длительная и напряженная работа привела в итоге к изданию окончательного варианта Ratio Studiorum 8 января 1599 года. В своем окончательном виде Ratio Studiorum или «План учения в иезуитской школе» представлял собой справочник, предназначенный для помощи учителям и администраторам школ в их повседневной работе. В справочнике содержались практические директивы, касавшиеся вопросов руководства школой, подготовки и распределения по классам учителей, учебной программы и методов обучения. Ratio Studiorum пересматривались в 1832 году и в обновленном варианте были опубликованы, однако никогда не были безусловно одобрены из-за потрясений XIX века, революций и высылки иезуитов.⁴⁰

Как наиболее важный документ, предназначенный для использования в системе образовательных заведений иезуитов, Ratio Studiorum заслуживает особого внимания и общей характеристики, тем более что этими правилами неукоснительно руководствовались полочки иезуиты. Кроме того, крайне интересно проследить историю Ratio Studiorum, поскольку в первой половине XIX века судьба этого документа неразрывно была связана не только с образованием в среде иезуитов, но и с судьбой самого ордена.

В сопроводительном письме к официальной редакции Ratio Studiorum говорилось: «Комплексная программа нашего курса обучения начала складываться около четырнадцати лет назад. Работа над этим уже завершена, и копии окончательной редакции были отправлены в различные провинции Общества. В нем большая важность и потенциальная ценность для нашей школы. Наш преподобный генерал надеялся, что программа будет завершена и внедрена уже сейчас. Однако это невозможно. Предприятие столь амбициозно и чревато многими проблемами, которые допустить было бы неразумно и, чтобы программа вступила в силу в провинциях, есть возможность изучить ее и улучшить. Генерал решил,

⁴⁰ Ignatius, *The First Jesuit Schools and The Ratio Studiorum*. – International Commission Apostolate of Jesuit Education, Rome for the Loyola Institute, Australian Jesuits, 1986. – S. 2.

что поскольку набор правил распространяется на все Общество, должны быть предприняты усилия всеми заинтересованными сторонами».⁴¹

Ratio Studiorum, как правила обучения, сыграли большую роль в жизни иезуитов Полоцка. Этими правилами они руководствовались долгое время, еще при обучении в коллегииуме, а затем и в академии. Для иезуитов правила стали своеобразным камнем преткновения, поскольку оказалось, что в начале XIX века отцам-иезуитам пришлось защищать свою святыню от настойчивых нападков реформаторов от образования, но прежде всего, от визитеров Виленского университета. Именно в Полоцке в бытность академии уже существовала переписка между высокопоставленными иезуитами относительно возможности изменения системы образования и прежде всего Ratio Studiorum. Можно будет заметить, что центр дискуссий по поводу Ratio Studiorum переместился в итоге в Полоцк, который до того, как иезуиты покинули этот город, оставался местом долгих и обстоятельных дебатов о дальнейшей судьбе системы образования, принятого некогда в Обществе Иисуса.

Ознакомление с разделами Ratio Studiorum весьма красноречиво говорит о содержании этих правил и том порядке, на который рассчитывали иезуиты в своих учебных заведениях. Итак, Ratio Studiorum состояли из следующих разделов:

- Правила Провинциала;
- Ректор;
- Префект исследований;
- Общие правила преподавателей высших факультетов;
- Правила преподавателя Священного Писания;
- Иврит;
- Схоластическая теология;
- Дело совести (Моральная проблема);
- Философия;
- Моральная философия;
- Математика;
- Правила префекта начальных исследований;
- Правила для письменных экзаменов;

⁴¹ The Jesuit Ratio Studiorum of 1599. – Translated into English, with an Introduction and Explanatory Notes by Allan P. Farrell, S. J. University of Detroit. – Conference of major superiors of Jesuits 1717 Massachusetts Avenue, N. W. Washington, D. C. 20036. – 1970. – S. 14.

- Законы поощрений;
- Общие правила для учителей младших классов;
- Правила учителя риторики;
- Гуманитарные науки;
- Высший класс грамматики;
- Средний класс грамматики;
- Начальный класс грамматики;
- Правила схоластов Общества;
- Инструкция для тех, кто на протяжении двух лет изучает теологию;
- Правила для помощника учителя;
- Правила для студентов-экстернов;
- Правила Академии;
- Управляющий (модератор) Академии;
- Академия богословов и философов;
- Богословы и философы;
- Академия студентов риторики и гуманитарных наук;
- Академия студентов грамматики;
- Классы.⁴²

Дискуссии с участием полоцких иезуитов и преподавателей Виленского университета, касавшиеся методов обучения, проводились не один раз. Преподававшие в Полоцке иезуиты каждый визит контролеров из университета воспринимали как попытку покунуться на Ratio Studiorum. В университете Вильно, напротив, считали, что методы обучения иезуитов устарели и не соответствуют духу времени. Дискуссии разворачивались не только при личном общении, но и в переписке, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма иезуитов и их оппонентов из Вильно. Учебное учреждение желало придирчиво присматривать и давать подробные предписания, по своей сути изменяя образование, даваемое иезуитами. Оно вмешивалось в их работу и планы, желая, чтобы молодежь, завершая учебу, получала дополнительные инструкции. Университет Вильно, усиленный большим числом иностранных докторов и космополитических регентов, затем показал антикатолические принципы. Университет имел бесспорное право

⁴² The Jesuit Ratio Studiorum of 1599. – Translated into English, with an Introduction and Explanatory Notes by Allan P. Farrell, S. J. University of Detroit. – Conference of major superiors of Jesuits 1717 Massachusetts Avenue, N.W. Washington, D. C. 20036. – 1970. – S. 2.

исповедовать государственную религию и требовать, чтобы та же религия уважалась на всех кафедрах, но это право распространялось далеко не на всех. Иезуиты в этом смысле, как и везде, свободны. Подчиняясь инспекциям университетских визитеров, отцы-иезуиты не противостоят строгим экзаменам, которые сдают их ученики. Это состояние правовой неопределенности в любом случае вредит Обществу Иисуса, утверждая в сознании только лишь раздражение. Методы обучения иезуитов подвергались нападкам людей, призывающих Восток и Запад обогатить Россию. Дети Лойолы защищали свой *Ratio Studiorum*. Университет в Вильно ревнует к своим привилегиям и уверен в своей монополии и, чтобы обеспечить прогресс в литературе и науке, требовал распространить на отцов-иезуитов свои законы и правила. Иезуиты, однако, утверждали, что свободная конкуренция различных методов сделает поколение молодых людей еще более сильным. Именно в целях стимулирования соперничества они предложили императору взвести их Полоцкую коллегию в ранг университета, оставив специальный надзор за правительством.⁴³

Ratio Studiorum – это универсальные правила, распространявшиеся на многие стороны образовательной деятельности иезуитов. Специальный раздел правил посвящался академии, под которой в соответствии с пунктом первым раздела «Правила академии» понималась группа студентов, выбранных из всех занимающихся на основе их преданности обучению, которые встречаются под руководством иезуитов, чтобы принять участие в специальных упражнениях, связанных с учебой. Из общего смысла и содержания *Ratio Studiorum* следовало, что обучавшиеся философии и теологии могли образовывать академию, как и обучавшиеся риторике и гуманитарным наукам. Кроме того, класс учащихся мог иметь собственную академию. Считалось, что преимуществом академии является возможность регулярного посещения занятий. Учащиеся, которые проявляли неподчинение или становились помехой для других, должны были отчисляться из академии. Было предусмотрено избрание должностных лиц академии путем тайного голосования. *Ratio Studiorum* в деталях регламентировали правила деятельности академии, но наполняли это понятие своим

⁴³ Crétineau-Joli, Jaques. Histoire religieuse, politique et literature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques / Jaques Crétineau-Joli. – 3 e edition. – 1851. – p. 409–410.

конкретным смыслом, имея ввиду академию как одну из форм обучения внутри коллегіума или школы.

Много места Ratio Studiorum уделила правилам, которых должны были придерживаться преподаватели отдельных предметов. Вместе с тем, по разным предметам были свои правила и самые значительные из них касались философии. Правила преподавателя философии насчитывали 28 пунктов, правила преподавателя схоластической теологии – 23 пункта, в то время как правила преподавателя математики – всего 3 пункта, а правила преподавателя моральной философии – 4 пункта. Так или иначе, все правила нацеливали преподавателей на то, чтобы они в рамках своего предмета готовили обучающихся к постижению ценностей католической веры и прилежному изучению богословия. Например, целью преподавателя философии было подготовить учащихся к лучшему восприятию богословия. Преподаватель философии не должен уступать Аристотелю в вопросах, имеющих важное значение, а в случае, если он обнаружит иные учения, противоположные учению Аристотеля, должен быть осмотрителен в своих высказываниях. Он должен быть очень осторожным, читая комментаторов Аристотеля. Преподавателю философии также давались предписания относительно использования работ известного философа Аверроэса.⁴⁴ Кроме того, давались предписания, касавшиеся продолжительности занятий, а именно: преподаватель должен обучить полному курсу философии не менее чем в три года, читая лекции в течение двух часов ежедневно, – один час утром и один час во второй половине дня.⁴⁵

В Ratio Studiorum содержались правила об управляющем или модераторе академии. Судя по тем требованиям, которые предъявлялись к модератору, им мог быть один из наиболее уважаемых отцов-иезуитов. Он должен был прививать добродетель, в том числе показывать пример собственным поведением, на него возлагалась обязанность организовывать различные диспуты и мероприятия, связанные с обучением. Управляющий не имел права принимать

⁴⁴ Имеется ввиду Абуль-Валид Мухаммад ибн Ахмад аль-Куртуби или Ибн Рушд (1126–1198) – арабский философ. В странах Европы был известен под именем Аверроэс. Автор многочисленных работ по логике, философии, богословию, религиозному праву, географии, математике, физике, астрономии, механике. Его труды переводились на латынь и изучались в коллегіумах иезуитов и в европейских университетах.

⁴⁵ The Jesuit Ratio Studiorum of 1599. – Translated into English, with an Introduction and Explanatory Notes by Allan P. Farrell, S. J. University of Detroit. – Conference of major superiors of Jesuits 1717 Massachusetts Avenue, N. W. Washington, D. C. 20036. – 1970. – S. 41.

решения по важным вопросам без информирования ректора, а свои директивы обязан был претворять в жизнь с крайней осторожностью и осмотрительностью. В Полоцкой академии, судя по официальным каталогам иезуитов, с момента учреждения академии и вплоть до 1820 года значилась должность адмонитора (лат., *admonitor* – напоминающий, советующий, увещатель), которая, надо полагать, была заменой должности модератора (управляющего). Адмонитором Полоцкой академии с 1814 по 1820 гг. был отец Иоанн Билли, что само по себе говорит о наличии у него всех тех качеств, которые должно было иметь лицо, претендующее на эту должность.

Уже в последние годы существования Полоцкой академии вопрос о редактировании *Ratio Studiorum* становится вопросом, постоянно обсуждаемым отцами-иезуитами. Практически все они считали, что эти правила должны соответствовать современным потребностям. Эта же тема серьезно занимала и генеральные конгрегации, которые проводились после 1814 года. По прошествии некоторого времени для решения этого важного дела по инициативе Яна Роотаана была назначена комиссия из отцов-иезуитов, хорошо разбиравшихся в вопросах образования. Это были иезуиты из Франции, Италии, Испании и Германии. По их твердому убеждению, следовало сохранить *Ratio Studiorum* как целостную систему, позволявшую воспитывать и обучать студентов, делать из них искусных преподавателей и ученых. Таким образом, речь не шла об отказе от *Ratio Studiorum*, но сходились во мнении о необходимости внести изменения и дополнения в эти правила. Достаточно много времени ушло на дискуссии, касавшиеся содержания *Ratio Studiorum*. Тщательно выверяли каждое слово и редактировали все пункты правил, пока не достигли единого мнения по всем наиболее важным вопросам. Опыт привел иезуитов к новшествам; они хотели еще, чтобы опыт испытал их новшества. Эти новшества не станут законом, пока не будут подвергнуты проверке. Когда пятеро отцов-иезуитов, составлявших комиссию по пересмотру *Ratio Studiorum*, завершили свою работу, результаты ее были рассмотрены генералом ордена и его ассистентами 25 июля 1832 года. Ян Роотаан разослал новую редакцию правил всем «детям Лойолы». Он им писал о том, какие причины привели к необходимости привести в соответствие с новыми усло-

виями древний метод обучения. Имея в виду незыблемость Ratio Studioium, Ян Роотаан, в частности, отметил: «Тем не менее, по некоторым пунктам, которые не влияют на суть обучения и право, требования времени заставляют нас отказаться от обычаев наших отцов».⁴⁶

Спустя девятнадцать лет после того, как Полоцкая академия прекратила свою образовательную деятельность, отцы коллегии в Брюжлете сформулировали новый план обучения; они обнаружили его в 1839 году. Крайне интересно ознакомиться с этим планом, дабы проследить за тем, в какой мере отцы-иезуиты были готовы идти в ногу со своим временем и готовы ли и в какой мере жертвовать своими убеждениями и правилами.

Согласно этому плану все обучение делится на три основных потока:

Подготовительный курс. Включает в себя элементы грамматики французской, историю, географию, арифметику и основные положения латинского языка.

Курс письма. Состоит из грамматики, поэзии и красноречия. Грамматику студенты изучают в течение трех или четырех лет по способностям и результатам. Они осваивают французский, латынь и греческий языки. Следующие два года посвящены поэзии и красноречию. Они также изучают элементы алгебры и геометрии, истории и географии на протяжении всего курса.

Курс наук. Его протяженность составляет два года. Включает в себя курс философии, математики, физики, химии, естественной истории, особенные для каждого года обучения, а также конференции (совещания, съезды, публичные лекции, доклады, беседы) по вопросам религии, истории и литературы, сроком до двух лет.⁴⁷

Сразу после того как открылась Полоцкая академия, приравненная в правах к университету, все более актуальным становился вопрос, касавшийся порядка производства в ученые степени. Вопрос этот решался на протяжении многих лет поначалу сугубо в рамках конституций Общества Иисуса, а затем и на уровне светских властей. Большие права были даны «Обществу Иисуса» буллой Павла III «Magna charta» (1549 г.). А затем и в соответствии с п.

⁴⁶ Crétineau-Joli, Jaques. Histoire religieuse, politique et literature de la Compagnie de Jésus: compose sur les documents inédits et authentiques / Jaques Crétineau-Joli. – 3 e edition. – 1851. – p. 416.

⁴⁷ Там же. P. 421.

19 буллы: «Генерал (генерал – глава ордена иезуитов. – В. Б.) имеет право посылать признанных им на то способными членов общества в любой университет на кафедры богословия и иных наук, не спрашивая ни у кого разрешения и согласия на это». Буллой Юлия III от 22 октября 1552 года права ордена в сфере образования и науки были расширены еще больше. «В случае если ректоры университетов, при которых находятся иезуитские коллегии, не согласятся дать степень доктора философии и богословия ученику этих коллегий, то генерал, провинциал, их уполномоченные или ректор коллегии, с согласия трех докторов, имеют право дать эту ученую степень, помимо университета, и лица, достигшие ее, таким образом, должны пользоваться всеми теми же правами, достоинствами, преимуществами и вольностями, что и те, кто получил его от университета».⁴⁸

Спустя короткое время после открытия академии в Полоцке были приняты специальные правила производства в ученые степени. Важно отметить, что создание в Российской империи университетов сопровождалось созданием условий для подготовки квалифицированных преподавателей и научных работников, которые должны были обеспечить не только проведение занятий по специальным учебным дисциплинам, но и формировать научную основу университетских кафедр и библиотек. Этот процесс был достаточно длительным и сложным, поскольку развивался с оглядкой на многие факторы, в том числе, такие, как религиозная и сословная принадлежность. Совсем не случайно сформировалось целое научное направление по истории ученых степеней в Российской империи, основоположником которого считается Г. Г. Кричевский. С момента возникновения данного направления (40-е гг. XIX века) и по настоящее время публиковались комплексные научные исследования по истории ученых степеней, библиографические указатели диссертаций, сведения из архивов, относящиеся к лицам, работавшим над диссертациями и даже сами тексты диссертаций. В то же самое время, практически всегда исследования касались университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Дерптского, Киевского (Св. Владимира), Варшавского. Отдельно рассматривались духов-

⁴⁸ Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени /Т. Гринингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 4–5.

ные академии и лишь в отдельных исследованиях фрагментарно затрагивались вопросы Полоцкой иезуитской академии. В начале XXI века уже на созданной научной основе продолжали проводить комплексные научные исследования как исторической, так и правовой направленности. Эти исследования посвящены истории университетского образования в Российской империи, и в том числе порядку присуждения ученых степеней, но и в них соответствующая тематика, относящаяся к Полоцкой академии, оставалась практически не исследованной.

Процесс регламентации порядка присуждения ученых степеней с начала XIX века приобрел характер постоянно длящегося процесса. Впервые в Российской империи в сфере присуждения ученых степеней формировалась система нормативных правовых актов, достаточно громоздкая и сложная, которая включала в себя различные виды актов.

Из нормативных правовых актов Российской империи, которые регулировали только вопросы присуждения ученых степеней, выявлены 161 постановление различных министерств, из которых – 62 распоряжения министра народного просвещения.

По внешней форме выражения выявленные нормативные правовые акты о регулировании присуждения ученых степеней подразделяются на: 1) регламент; 2) акт; 3) мнение; 4) проект устава; 5) устав; 6) грамоту; 7) доклад; 8) проект положения; 9) положение; 10) правило; 11) циркулярное предложение.

По форме выражения диспозиции данные законы и иные правовые акты можно подразделить на: 1) обязывающие; 2) запрещающие и 3) управомочивающие.

Базовыми правовыми документами, которые регулировали порядок присуждения ученых степеней в университетах Российской империи, являлись:

- общие уставы российских университетов (в четырех сменившихся редакциях – 1804, 1835, 1863 и 1884; а также Варшавского – 1869; Виленского – 1803, 1832; Дерптского (Юрьевского) – 1803, 1820, 1865; Киевского – 1833 и Томского – 1888);

- положения о производстве в ученые степени (в четырех сменившихся редакциях – 1819, 1837, 1844 и 1864), а также:

- правила о сроках и порядке производства испытаний на звание действительного студента и ученые степени в российских

университетах: Дерптском (1838); Казанском (1848, 1864); Харьковском (1864, 1868); Московском (1864, 1875); Санкт-Петербургском (1864, 1865, 1872); Новороссийском (1867, 1870); Варшавском (1869) и Киевском (1870, 1872);

– уставы медико-хирургических академий: Петербургской (1808); Виленской (1832); Военно-медицинской (1881, 1890);

– правила испытаний медицинских, фармацевтических и ветеринарных чиновников (в трех сменившихся редакциях – 1810, 1838, 1845);

– уставы ветеринарных институтов: Юрьевского (1873); Варшавского (1889) и Казанского (1894);

– уставы Петровской земледельческой и лесной (в третьей редакции – сельскохозяйственной) академии (1873, 1885, 1889);

– уставы: православных духовных академий (в четырех сменившихся редакциях – 1814, 1869, 1884, 1910); Полоцкой иезуитской академии (1819); Римско-католической академии (1832).⁴⁹

Первым в череде последующих актов, устанавливающих порядок производства в ученые степени, стало Положение о производстве в ученые степени (1819 г.), в котором содержались вступительные (общие) положения и частные или специальные. Вступительные положения включали общие правила, касавшиеся порядка производства в ученые степени, а сам порядок определялся уже в специальном разделе. Само данное Положение готовилось с учетом мнений университетов и академий, а также наиболее уважаемых профессоров российских университетов. Одним из первых документов, который относился к деятельности Полоцкой академии и касался порядка производства в ученые степени, было «Мнение Полоцкой иезуитской академии о производстве в ученые степени» от 24 декабря 1816 года № 565. Этот документ выражал отношение отцов-иезуитов к процедуре представления и защиты диссертаций, а также содержал особенности, свойственные ордену иезуитов, которые должны были учитываться при производстве в ученые степени. Дискуссии, касавшиеся производства в ученые степени, в Полоцкой академии проводились под руководством ректора академии Алоизия Ландеса, который пребывал на этой должности с 1814 по 1817 гг. В этих дискуссиях принимали участие уважаемые отцы-

⁴⁹ Каграманова, Т. И. История присуждения ученых степеней в Российской империи: анализ источников и научной литературы: дис... канд. истор. н. / Т. И. Каграманова. – Невинномысск, 2004. – С. 84.

иезуиты, в том числе Игнатий Петробоний, Ян Розавен, Ян Хошбишлер, Иероним Вишерг, Алоиз Руснати, Раймонд Бжозовский, Клеменс Петровский и др. После долгих обсуждений был подготовлен проект Положения о производстве в ученые степени.⁵⁰

20 января 1819 года в России впервые было принято «Положение о производстве в ученые степени». Ему предшествовал доклад министра духовных дел и народного просвещения, характеризующий особенности представленного документа. В конце доклада имелась резолюция: «Быть по сему».

По структуре Положение состояло из четырех глав:

I. О распределении наук для испытания на ученые степени и для получения оных (§§ 1–8).

II. Об ученых степенях (§§ 9–14).

III. Об испытании (§§ 15–42).

IV. О преимуществах, сопряженных с учеными степенями (§§ 43–48).

Согласно § 3 действие Положения распространялось на духовные академии, на Полоцкую иезуитскую академию и на богословские факультеты Виленского и Дерптского университетов. Богословские науки, по которым присуждались ученые степени, определялись уставами Виленского и Дерптского университетов и Полоцкой иезуитской академии. Испытания на ученые степени включали:

– кандидата: устные испытания по предметам, которые изучал на факультете, и написание краткого рассуждения в присутствии экзаменаторов;

– магистра: устные испытания, письменные испытания по тем наукам, которыми испытуемый ранее занимался; написание по назначению факультета диссертации и ее публичную защиту на одном из заседаний;

– доктора: устные и письменные испытания по наукам, преподаваемым на факультете; написание на латинском языке докторской диссертации на тему, предложенную испытуемым и одобренную факультетом; извлечение из нее тезисов или положений; публичную защиту докторской диссертации на латинском языке.⁵¹

⁵⁰ Правила для производства испытаний на ученые степени по отделению нравственно-политических наук // РГИА, ф.733, оп. 86, д. 419 (часть первая). – Л. 34–39. Об этом см. Приложение 1 к монографии (примеч. автора).

⁵¹ Мелешко, О. П. Развитие законодательства о производстве в богословские ученые степени в Российской империи: дис. ... канд. юрид. н. / О. П. Мелешко. – Пятигорск, 2008. – С. 21, 29.

§ 14 Положения со ссылкой на п. 23 грамоты Императора Александра I от 1 марта 1812 года закрепил за Полоцкой академией право возводить в ученые степени доктора богословия и прав гражданского и канонического.⁵²

В соответствии с университетскими уставами и положениями о присуждении ученых степеней вводились: с 1803 по 1819 г. – три ученые степени: кандидата, магистра и доктора; с 1819 по 1864 г. – четыре: действительного студента, кандидата, магистра и доктора. Следует отметить, что общей проблемой университетов было фактически отсутствие системы учета и библиографического описания защищенных диссертаций. В частности, в литературе указывается, что только один Дерптский (Юрьевский) университет имел полный указатель защищенных диссертаций за 1802–1918 гг., Харьковский университет – за 1811–1905 гг. (только по физико-математическому факультету). Виленский, Казанский, Варшавский университеты библиографическими указателями диссертаций не располагали.⁵³

В имеющихся литературных источниках находятся лишь редкие сведения о самих соискателях, а иногда и приводится название их диссертаций. Кроме того, важные сведения обнаруживаются в архивах, часть из которых сохранила документы с описанием запросов и допусков к архивным документам, в том числе в связи с необходимостью написания диссертаций по различным наукам. Такие архивные документы часто содержат указание на фамилии соискателей ученых степеней, профессоров университетов и даже включают содержание некоторых диссертаций.⁵⁴

⁵² О производстве в ученые степени на основании Положения о сем. 20 января 1819 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1802–1825. – СПб.: в тип. Имп. Академии Наук, 1864. Т. 1. – Стб. 1138.

⁵³ Якушев, А. Н. Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России (1747–1918): история и опыт реализации: дис... канд. юрид. н. / А. Н. Якушев. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 297–298.

⁵⁴ См., например, Сборник материалов для истории просвещения въ России извлеченных изъ Архива Министерства Народнаго Просвещения. Томъ первый. Учебные заведения въ западныхъ губернияхъ. До учреждения Виленскаго учебнаго округа 1783–1803. Изданіе Министерства Народнаго Просвещения. – С.-Петербургъ. – 1893. – 574 с.

§ 4. Обучаемые и выпускники

Особое место в истории Полоцкой академии занимают лица, которые в ней обучались, поскольку из их биографии можно почерпнуть ценные сведения, касающиеся академии, в том числе о царивших здесь порядках и нравах. Здесь важно различать, с одной стороны, намерения иезуитов относительно их миссии, о которой можно судить по конституциям Общества Иисуса или же из *Ratio Studiorum*, а с другой стороны, реальное положение дел в Полоцкой академии.

Первостепенной задачей отцов-иезуитов было привлечение молодых людей в Общество Иисуса. По сути, вся система образования у иезуитов строилась таким образом, чтобы распространять вероучение католической церкви, приобщать к ее таинствам, прививать христианские ценности и воспитывать в духе преданности правилам ордена иезуитов. В Уставе Общества Иисуса говорилось о том, что Общество основано «единственно для того, чтобы совершенствовать людей в христианском учении и жизни и распространять истинную веру проповедованием слова Божия, духовными упражнениями и умерщвлением плоти, подвигами любви, воспитанием юношества и наставлением тех, кто не имеет истинного понятия о христианстве, наконец, исповеданием верующих и подаaniem христианского утешения».⁵⁵

Тезис о том, что иезуиты стремились привлечь в свое общество юношей и дать им благообразное воспитание по своему представлению, требует уточнения, а именно: в белорусских землях этот процесс имел характерную особенность. Во многих случаях, в числе обучаемых оказывалось сразу несколько лиц из одной семьи и, таким образом, классы обучавшихся зачастую насчитывали несколько лиц одной фамилии. Очень часто это были юноши из польских семей. Отец Залесский, говоря о каталогах Общества Иисуса, называет 150 наименований основных польских семей, в которых имелись члены Общества. Большое количество таких семей представляли два и даже три иезуита.⁵⁶ Например, достаточно большую известность после завершения учебы в Полоцкой академии получили братья Массальские из рода Массальских.

⁵⁵ Гризингер, Т. *Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени* /Т. Гризингер. – Мн.: МФЦП, 2004. – С. 63.

⁵⁶ Zalenski, Stanislas. *Les Jésuites de la Russie-Blanche* / Stanislas Zalenski. – Paris, Letouzey et ané, 1886. – P. 31.

Не смотря на то, что у ордена иезуитов была своя четко выработанная линия относительно взаимоотношений с наиболее влиятельными и состоятельными семьями и лицами, они, тем не менее, привечали у себя в академии лиц самых разных сословий и конфессий. Таким образом, среди обучавшихся была польско-белорусская шляхта, российские дворяне, мещане и др. Вместе с тем, иезуиты установили достаточно подробную и не совсем простую процедуру зачисления в Полоцкую академию лиц, желавших в ней обучаться. Со свойственным им педантизмом определили последовательность совершения всех необходимых действий, а также условия, при соблюдении которых то или иное лицо могло стать студентом. Вся процедура зачисления, по сути, основывалась на выстроенной иезуитами системе образования, что, прежде всего, подразумевало обязательность предварительной учебы в одной из многочисленных школ, подчиненных Полоцкой академии. Такие школы находились в Орше, Динабурге, Краславе, Извалте, Витебске, Могилеве, Мстиславле, Петербурге, Астрахани, Риге, Одессе, Романове. Поскольку в этих школах преподавали отцы-иезуиты, которые или приезжали из Полоцкой академии, или возвращались из школ в Полоцк, существовала тесная связь между префектами школ и ректором, а также канцлером академии. Как правило, прибывавшие в Полоцк из этих школ были известны своим поведением и прилежанием, поскольку приезжали по усмотрению префектов и с их благословения. Помимо этого, отцы-иезуиты находились в постоянной переписке между собой и не упускали случая сообщить друг другу о наиболее отличившихся учениках, их усердии и прилежании в учебе. Далеко не все выпускники школ продолжали свое обучение в Полоцкой академии, так как одни посвящали себя сугубо религиозной деятельности, другие, их было меньше, вообще меняли род своих занятий. В итоге получалось, что в Полоцкую академию прибывали лишь избранные лица, при всем том, что в школах обучалось достаточно много юношей. Например, в Орше в 1811 г. было 57 учеников, в Краславе в 1814 г. – 58 учеников, в Риге в 1813 г. – 45 учеников.⁵⁷

Порядок зачисления в студенты академии был определен Уставом академии. Студентом Полоцкой академии мог стать юно-

⁵⁷ *Materyaly do dziejów Akademii Polockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1905. – S. 219.

ша примерного поведения, имеющий необходимый запас знаний. «Желающий быть студентом, немедленно по прибытии своем в Академию, должен явиться к канцлеру и вручить ему свидетельство о своем поведении и успехах». Если канцлер держал в руках документ об образовании от учебного заведения, подчиненного академии, то юноша отсылался к декану, чтобы тот представил его секретарю для вписания его в академическую книгу. Если же ученик получал образование в школе, не относящейся к академии, то он подвергался собеседованию. Только при условии хороших результатов собеседования юноша становился студентом, т. е. фамилия, имя и другие сведения вносились в академическую книгу. Если ученик в течение трех дней после прибытия в академию не являлся либо к канцлеру, либо к декану без удовлетворительных на то причин, то это высшее учебное заведение имело право отказать ему в приеме. Основной обязанностью студента являлось хорошо учиться и постоянно совершенствовать свой характер, чтобы «принести отечеству пользу, родственникам – отраду, а академии – честь». «Устав» строго регламентировал, чтобы студенты имели у себя только книги, предписанные руководством академии для изучения тех или иных наук. Употребление же других «без согласия канцлера запрещалось. И потому каждый студент в начале года должен был “сообщить канцлеру список своих книг”». Кроме того, юношам запрещалось «читать и иметь у себя книги и письма, противные религии и благонравию». Они должны были уклоняться «от худых и подозрительных сообществ», не участвовать в беседах и не употреблять шуток, «непорочность и честность оскорбляющих». «Хождение в посторонние театры, на зрелища, на места, определенные казни публичных преступников, также ночные собрания, охота, содержание охотничьих собак либо птиц; напоследок игра в карты, особливо на деньги, вовсе студентам запрещаются». Они не имеют права иметь оружие. Правда, в отдельные дни (здесь в «Уставе» допущена оговорка) «дозволяется им носить мундир и шпагу». Студентам вменялось в обязанность заблаговременно приходиться в назначенное место, всегда соблюдать тишину и тщательно готовить домашние задания. Если случалось, что студент не мог быть на занятиях, то он должен был уведомить профессора об этом, во всем следуя его советам. В непредвиденных ситуациях ему рекомендовалось «вскорости уведомить профессора о той причи-

не, которая воспрепятствовала ему быть в классе». Разрешение на непосещение занятий на один день мог дать канцлер, на три дня – ректор. По прибытии в академию студент обязан был явиться к тому лицу, которое дало разрешение на отсутствие. В течение учебного года студенты академии имели двое каникул: на Рождество Христово до Нового года и на Пасху (от вербного воскресенья и до фоминой недели). Каждый учебный год заканчивался экзаменом, или, как это сказано в «Уставе», «испытанием». Обычный экзамен на первом году филологических наук состоял из сорока предложений. Второй и третий годы факультета философских и изящных наук, а также первый, второй и третий годы богословского факультета завершались испытанием из восьмидесяти предложений, т. е. вопросов. В конце четвертого года богословского факультета экзаменуемый должен был ответить на 20 вопросов. Таковы были обязанности лиц, получавших образование в Полоцкой иезуитской академии.⁵⁸

После открытия Полоцкой академии начался период формирования ее студенческого состава, прерванный на недолгое время войной 1812 года. Открытие академии, а по сути, торжественная церемония проходила дважды, в силу большого общественного резонанса привлекла к себе внимание многих юношей, прежде всего тех, кто обучался в многочисленных школах иезуитов. Среди желающих стать студентами были и местные жители, жители из близлежащих городов и деревень. Например, из Витебска приехали Роман Симонович и Август Томашевский. Приезжали также юноши из Логойска, Лепеля, Глубокого и других населенных пунктов. Для каждого из них проезд в Полоцк был связан с большими надеждами и ожиданиями, поскольку, с одной стороны, появлялась возможность обучаться вблизи от дома, своих родных и близких, а с другой стороны, можно было рассчитывать на занятие достойной должности и обеспеченное существование. Ситуация складывалась таким образом, что приезжать на учебу стали не только в Москву или Санкт-Петербург, но и в Полоцк.

О том, сколь сложным был путь в академию, можно судить по состоянию дел в Полоцком коллегиуме в годы, предшествующие открытию академии. Коллегиум в Полоцке относился к числу наи-

⁵⁸ Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 155–157.

более известных учебных заведений иезуитов, в котором обучалось достаточно много учеников. За несколько лет до возведения Полоцкой иезуитской коллегии в степень академии в коллегиуме обучалось свыше 300 учеников. Дальнейшие события, а именно: война 1812 года, отъезд части обучавшихся в школы иезуитов, повлияли на численность студентов. В 1813 году в Полоцкой академии было 84 студента: на факультете теологии обучалось 25 человек, на факультете философии – 29 и на факультете языков – 30 человек.⁵⁹ Для сравнения можно привести данные, касающиеся числа студентов в Московском государственном университете в 1813 году. В этом году было принято на первый курс 129 студентов. В открывшемся в 1819 году Санкт-Петербургском университете первый прием насчитывал 27 студентов. В целом же, в первые годы в новые университеты принималось по 20–30 студентов.⁶⁰

В Полоцкой академии отмечались лучшие студенты по отдельным предметам. Такие студенты определялись по результатам испытаний с учетом мнения преподавателей. Например, в 1817 году Василий Киркор и Яцек Василевский были признаны как особо отличившиеся при изучении гражданского права. Интересно и то, что такие студенты часто удостоивались степеней магистра. В частности, степень магистра философии получили Иосиф Кукшинский, Антон Киркор и Василий Киркор; степень кандидата философии – Донат Зебровский, Винцент Чехановский, Павел Гаевский, Степан Красовский, Северин Мацулевич, Ян Жезнович.⁶¹ Данные факты свидетельствуют о том, что в Полоцкой академии был отлажен механизм поощрения и отличия лучших студентов. Их имена публиковались в «*Kalendarz Połocki*» и при возможности об успехах сообщалось в семье, из которых они прибыли на учебу. С другой стороны, отличившиеся в науках студенты брались под опеку наиболее опытных отцов-иезуитов и совершенствовали свои знания в каких-либо отдельных предметах. В академии зачинались ростки того явления, которое впоследствии стало привычным и известным под такими названиями

⁵⁹ *Materyaly do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1905. – S. 65.

⁶⁰ Аврус, А. И. История российских университетов. Очерки / А. И. Аврус. – Московский общественный научный фонд. – Москва, 2001. – С. 16–17.

⁶¹ *Materyaly do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych* (Kraków: Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1905. – S. 267.

как «научная специализация» или «научное направление». К таковым направлениям можно было, безусловно, отнести теологию, в том числе догматическую и моральную, а также каноническое право и философию.

По окончании учебы в Полоцкой академии образовывался своеобразный пул или сообщество выпускников, благодаря которым распространялась молва об академии далеко за пределами Российской империи. Выпускники академии защищали диссертации, занимали ответственные должности, стяжали славу на литературном поприще, а иные из них добились немалых успехов на государственной службе. Вместе с тем многие в последующем подвизались в качестве католических священников, а также служили в разных должностях в епископствах.

В архивах и исторической литературе можно обнаружить отрывочные сведения о некоторых выпускниках Полоцкой академии. Большинство из них после того, как орден иезуитов был вынужден оставить пределы Российской империи, выехали далеко за ее границы и обосновались в самых различных странах, в основном, в странах континентальной Европы. Следы многих обрываются, и лишь в лучшем случае можно узнать о том, что имярек – бывший иезуит или же обучался у полоцких иезуитов.

Из тех сохранившихся источников, которые хоть как-то проливают свет на историю полоцких иезуитов и саму академию, в качестве примера можно назвать лишь некоторые имена, тех, кто обучался в стенах Полоцкой академии:

Эдвард Массальский (1799–1879) происходит из знатного рода Массальских. Воспитывался и обучался в Полоцкой академии. Вместе с братом проявлял большое усердие в учебе и в особенности к написанию стихов и различных небольших литературных произведений. На протяжении всей своей жизни занимался самообразованием. Долгое время жил в Санкт-Петербурге, затем переехал в Варшаву, где получил известность как публицист. Опубликовал много работ в польских и российских изданиях.

Эдвард Массальский участвовал в деятельности тайного студенческого общества или общества филоматов, созданного приблизительно в 1817 году в Виленском университете. Из объединения, основанного на литературных и научных интересах его участников, студенческое общество превратилось, по мнению властей, в тай-

ную политическую организацию. Литературные работы участников общества, в том числе Массальского, подверглись тщательной цензуре и, как было установлено, носили двойственный характер и дискредитировали существующую власть. Во всей этой истории с тайным обществом был замешан и брат Эдварда Юзеф, причем обстоятельства, сопутствовавшие нахождению Юзефа в Вильно и история его там пребывания в период существования общества филломагов, называются «странными и таинственными».⁶²

Юзеф Массальский (1800–1845) – младший брат Эдварда Массальского. Также воспитывался и обучался в Полоцкой академии. Преуспел на литературном поприще. В Польше получил известность как автор оригинальных стихов, изданных в нескольких томах. По свидетельствам очевидцев, отличался от своего брата более импульсивным характером, а в их отношениях порой сквозила некая напряженность.

Константин Тышкевич (1806–1868) родился в Логойске. Обучался в Полоцкой академии, а также в доминиканском колледжуме, находившемся близ фольварка Забелы, что возле деревни Волинцы. С 1823 года изучал право в Виленском университете, как раз в то время, когда там активно действовали студенческие подпольные организации. Успел завершить учебу в университете до его закрытия и, после этого, приехав в Варшаву, продолжительное время служил здесь в Министерстве финансов. Проявил способности в деле организации различных производств, которые под его началом стали создаваться в Логойске, куда он впоследствии вернулся. Серьезно интересовался археологией и много сделал для изучения редких археологических памятников, поэтому с его именем связывают начало белорусской археологии как науки. Опубликовал много работ, посвященных археологии и географии и был членом иностранных археологических и географических обществ.

Ян Баршевский (1794–1851) родился близ Полоцка. Учился в Полоцком колледжуме и застал открытие академии, в которой еще пребывал некоторое время. В это время уже пробовал писать стихи и любил декламировать их вслух. Проявлял способности к рисованию. После завершения учебы в Полоцке работал учителем, а затем уехал в Санкт-Петербург, где еще некоторое время

⁶² Mickiewicz. A. Teatr narodowy. – WDA. – Zakład Typograficzny. Zam. – 1976. – S. 23 (предполагается, что тайное стало явным не без участия Юзефа Массальского. – В. Б.).

преподавал языки в учебных заведениях. Много путешествовал и занимался издательской деятельностью, публиковал собственные стихи. Был знаком со многими известными поэтами, писателями и художниками, в том числе с Адамом Мицкевичем и Тарасом Шевченко. Главным его произведением считается «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических повествованиях».

Антоний Фиалковский, архиепископ-митрополит Могилевский

Антон Фиалковский (1799–1883) родился в селе Новый Лепель Витебской губернии в набожной семье. С самого детства приобщался к католической вере. Был не по годам серьезным и законопослушным юношей. Обучался в Полоцкой академии, удостоился степени кандидата философии. Обучался в духовной семинарии при Виленском университете, получив степень магистра богословия. В 1824 году был рукоположен в сан священника. Изучил большое количество работ, относящихся к истории церкви, в том числе к каноническому праву. Спустя некоторое время по результатам защиты диссертации, подготовленной им на латинском языке, утвердился в степени доктора богословия и канонического права. До 1832 года состоял профессором Виленского университета. После закрытия университета стал регулярным каноником (*canonici regulares*), а позднее и прелатом кафедрального капитула в Вильно. С 1833 года, когда здесь же в Вильно, была образована Римско-Католическая Духовная Академия, оставался в ней профессором. После того, как академия была перемещена в

Санкт-Петербург (1842 г.), был членом Римско-католической духовной коллегии. В трудные времена конфликта вокруг католической церкви в России, который возник в 60-е гг. XIX века, занимал высокие церковные должности.

В 1855 году Фиалковский утвержден администратором Могилевской архиепархии, каковую должность вместе с председательством в духовной коллегии занимал до возведения его 27 июля 1858 года в викарные епископы (суффраганы) римско-католической церкви Каменецкой епархии, начальником которой он назначен 23 марта 1860 года. По присоединении этой епархии в 1866 году к Луцко-Житомирской епископии поселился в г. Симферополе, где и проживал до назначения его 14 апреля 1872 года могилевским архиепископом и митрополитом всех римско-католических церквей в Империи и Великом Княжестве Финляндском. В сей последней должности Фиалковский, несмотря на преклонные лета и расстроенное здоровье, усердно исполнял сопряженные с его саном обязанности, отличался просвещенным взглядом в делах управления и духом умеренности в сношениях с правительственными властями, содействуя вообще устранению различных недоразумений по делам римско-католического исповедания и лучшему их устройству. При нем все архиепархиальные римско-католические учреждения переведены из Могилева в Санкт-Петербург; здесь его стараниями устроена митрополичья церковь (по 1-ой роте Измайловского полка) и учреждена епархиальная семинария, которой он отказал по смерти всю свою богатую библиотеку. Не менее трудов он посвящал на благоустройство и преуспеяние родного ему детища – духовной академии. В звании управляющего митрополией Фиалковский присутствовал в 1856 году при священном короновании Их Величеств в Москве (коронование Александра II. – В. Б.) и за отличную службу удостоен был высших наград до ордена св. Александра Невского включительно. 2 июня 1874 года был торжественно отпразднован юбилей его 50-летнего священства, причем у папы Пия IX им была испрошена полная индульгенция всем тем католикам, которые в тот день были у исповеди и св. причастия. Фиалковский умер в Санкт-Петербурге и похоронен здесь в подвале кладбищенской, на Выборгской стороне римско-католической церкви, при сооружении которой им положен был первый краеугольный камень. Кроме разных дел

благотворения Фиалковского, например, взноса 6-ти тысяч руб. на устройство римско-католического приюта на Васильевском острове и 21-ой тысячи руб. на содержание в нем трех стипендиатов, он, в память шестилетнего пребывания своего в Симферополе, пожертвовал в 1875 году капитал в 7 тысяч руб. на содержание там римско-католической церкви и ее священнослужителей.⁶³

Антоний Зубко (1797–1884) родился в селе Белое Витебской губернии в семье священника. В селе была униатская церковь и костел, построенный еще в 1604 году. С малолетства стал прислуживать в церкви и знакомиться с вероучением христианской церкви, присоединившись к униатам. Успешно обучался в Полоцкой академии и был удостоен степени кандидата философии. Завершив в 1818 году учебу в академии, продолжил изучать богословие в Виленской семинарии и получил степень кандидата богословия. Преподавал в Полоцкой семинарии церковную историю, риторику и другие предметы, а затем в 1826 году отбыл в Санкт-Петербург в качестве ассессора Римско-католической коллегии по униатскому департаменту. Принимал действенное участие в открытии Литовской греко-униатской семинарии в Жировицах и первое время был ее ректором. Принял участие в Полоцком церковном соборе 1839 году, в том числе в подписании акта о воссоединении униатов с Православием. В 1841 году был торжественно возведен в сан архиепископа. Из-за тяжелой болезни был вынужден уйти от церковных дел. К юбилею своего архиерейства получил поздравления от Александра III и Святейшего Синода. Написал ряд трудов, посвященных православию и католицизму. Наибольшую известность получила его работа о греко-униатской церкви.⁶⁴ Умер Зубко 15 февраля 1884 года в Пожайском Успенском монастыре, располагавшимся рядом с городом Ковно.

Максимилиан Рылло (1802–1848) родился в 1802 году в небольшом селе Подороск, недалеко от Волковыска, в бедной, но благородной семье. Вначале обучался в школе в Лысково, где был старинный монастырь Миссионеров, а затем продолжил обучение

⁶³ Архивный материал Департамента дух. дел иностр. исповеданий. – «Histoire générale des hommes vivants et des hommes morts dans le XIX siècle», Genève, 1871, t. V. – «Голос», 1874. – № 169.

⁶⁴ Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / Антоний (Зубко) // Сб. ст., изд. Св.Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – СПб., 1889.

уже в Полоцкой академии. Образование в академии завершил в 18 лет со степенью магистра философии. Затем продолжил образование в Виленском университете, выбрав медицину, но затем отказался от этого и уехал в Рим. Два года пробыл в новициате при соборе Св. Андрея на Квиринальском холме в Риме. С 1823 по 1824 год преподавал грамматику в г. Орвието (Италия), а затем в течение последующих двух лет изучал философию. Изучал также поэтику и воспитывал молодых конвикторов в Турине. Получил широкую известность как превосходный проповедник.⁶⁵

Максимилиан Станислав Рылло.

Однако большую известность Рылло получил благодаря своим миссионерским подвигам, сочетавшимся с увлечением археологией. Был на Мальте, в Сирии, Судане и Египте, где организовывал католические миссии и попутно осуществлял археологические раскопки. Много ценных предметов в результате попали в музей Ватикана и в другие известные музеи. Это, прежде всего, различные барельефы, глиняные таблички с клинописью, камни с гравировкой, фигурки из расплавленного стекла и многое другое. Заслуги Рылло перед археологией оказались столь велики, что он стал членом ряда иностранных археологических обществ, в частности, членом Общества востоковедения в Пари-

⁶⁵ Fedirko, J. Tajemniczy jezuicki misjonars. Ojciec prof. Maksymilian Ryłło SJ, założyciel Uniwersytetu w Bejrucie / J. Fedirko. – Эл.ресурс: <http://www2.almamater.uj.edu.pl/112/08.pdf>. Дата доступа: 28.02.2016.

же и членом Папской академии археологии. Умер в Хартуме 17 июня 1848 года.⁶⁶

Василий Лужинский (1791–187967) родился в семье униатского священника в селе Старая Рудня Рогачевского уезда Могилевской губернии. Уже с самого детства приобщился к учебе. Первоначально учился в светской школе, потом обучался в Полоцкой семинарии, основанной еще в 1806 году, а с 1814 года – в Полоцкой академии. Затем обучался в семинарии при Виленском университете. В 1819 году удостоился степени кандидата философии, а затем в 1825 году – и степени доктора богословия за сочинение «*Commentatio inauguralis exegetico critica de origine Evangelium Mattaei, Marci et Lucae*» («Критические комментарии источника синоптических Евангелий»).

*Василий (Лужинский), архиепископ Полоцкий и Витебский.
Гравюра. 2-я пол. XIX в.*

Занимался преподавательской деятельностью, но в целом посвятил себя церкви. Принял православие и осуществлял активную деятельность по присоединению униатской церкви к православной. Был епископом Полоцким и Витебским, а в 1841 году был возведен в сан архиепископа. В сане архиепископа Полоцкого

⁶⁶ Janocha, M. Wykopalska archeologiczne ojca Maksymiliana Ryły w zbiorach watykańskich M. Janocha. – *Warszawskie Studia Teologiczne*. – 1999. – S. 63–69.

⁶⁷ По некоторым данным, в том числе воспоминаниям самого Лужинского, он родился в 1788 или 1789 г.

и Витебского Василий Лужинский активно занимался миссионерской работой среди беспоповцев Витебской губернии, широко применяя методы, которым он обучился в иезуитских учебных заведениях. Результатом его деятельности стало присоединение к новообрядческой церкви 5 тысяч старообрядцев с 6 наставниками; для них были устроены единоверческие храмы.⁶⁸

В конце 1866 года, чувствуя, что главное служение его, на которое он посвятил все свои силы и лучшие годы жизни, уже закончилось, он решился оглянуться назад, на пройденный им жизненный путь и изложить свои исторические воспоминания в записках. Побуждения, заставившие его взяться за перо, он высказывает в самих же Записках – это, во-первых, замеченный им в публике и среди самого духовенства недостаток правильных сведений о ходе воссоединения униатов, несмотря на великую историческую важность этого дела, вполне заслуживающего того, чтобы иметь правдивого историка, во-вторых, естественное желание оставить после себя верную память о своих собственных заслугах в этом деле, к огорчению его, недовольно оцененных современниками.⁶⁹

Из редких сохранившихся источников вырисовывается и образ Лужинского как европейски образованного человека, коллекционера, члена различных европейских обществ: Копенгагенского Королевского общества северных антиквариев, почетного президента Африканского общества в Париже по выкупу невольников и др.⁷⁰

Являлся членом Святейшего Синода. Умер 21 января 1879 года в Петербурге, но был похоронен недалеко от Витебска.⁷¹

⁶⁸ Кожурин, К. Я. Староверие Витебской губернии (по донесениям архиепископа Василия (Лужинского)). – Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы XI Международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» 11–13 ноября 2014 г. Москва. – М., 2014. – С. 17–18.

⁶⁹ Архиепископ Василий. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / архиепископ Василий – М.: Книга по Требованию, Издание Казанской Духовной Академии, 2011. – С. 10.

⁷⁰ Ильин, О. Єпископ Анатолій (Станкевич) та виникнення Білоруської національної ідеї / О. Ильин / Церковна старовина / Сіверянський літопис. – 2013. – № 1 (109). – С. 36.

⁷¹ Хотеев, А., Носко, М. М., Филатова, Е. Н. Архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (Лужинский) // Православная Энциклопедия. – Т. 7. – С. 88–89.

Каталоги иезуитов представляют собой ценный материал, содержащий важную информацию об иезуитах определенной провинции, коллегияма. Каталоги издавались в каждой провинции под присмотром провинциала и впоследствии передавались в архивы и библиотеки. Известны такие каталоги, как *Catalogus personarum Officiorum provinciae Bohemiae Societatis Jesu*, *Catalogus sociorum et officiorum societatis jesu in Gallia*, *Catalogus sociorum et officiorum provinciae Aragoniae societatis Jesu*, *Catalogus Scociorum et Officiorum Provinciae Italiae Societatis Jesu*, *Catalogus personarum, et officiorum provinciae mexicanae Societatis Jesu* и др. В каталогах помещалась информация о наместниках провинций, об ассистентах провинциала, о ректорах коллегиямов, префектах школ, секретарях и советниках, преподавателях, магистрах, коадьюторах, новичиях. Указывались должности отцов-иезуитов и преподаваемые ими предметы, а также годы их жизни и дата смерти. Первоначально каталоги составлялись в рукописных вариантах, а затем издавались в типографиях, принадлежащих иезуитам. Первый каталог иезуитов, которые находились в белорусских городах, относится к 1775 году и назывался *Catalogus Iesuitarum in Alba Russia*. Этот рукописный вариант имеет многочисленные рукописные исправления. Каталоги составлялись на латинском языке, структурировались по разделам. В каталогах должности указывались исключительно на латинском языке и, как правило, в сокращенном варианте (прим. В. Б.). В данном издании представлен фрагмент каталога, изданного в типографии Полоцкой академии за 1813/1814 учебный год.

Основные сокращения, используемые в каталогах: A. R. P. N – сокращенное написание или аббревиатура официального наименования генерала ордена иезуитов; R.P – от лат. *Revereor Pater* – почтенный отец; *Saniti.* – имеется ввиду *Sanitas doctrinae* – один из трех принципов, по которым богослов считается отцом церкви. Названия изучаемых предметов за редким исключением указываются в сокращенном варианте, например, *Teol.* – теология, *Ling. Gall.* – французский язык, *Phil.* – философия, *Archit.* – архитектура, *Math.* – математика, *Juris-Prud.* – юриспруденция и т. д. (прим. В. Б.).

VIB, R
CATALOGUS
SOCIORUM

ET

OFFICIORUM

SOCIETATIS JESU

IN

IMPERIO ROSSIACO

Ex Anno 1813. in Annum 1814.

POLOCIE

TYPIS ACADEMICIS SOCIETATIS JESU.

A. R. P. N.
THADDÆUS
BRZozowski
PRÆPOSITUS
GENERALIS

à die 2. Septembris 1805.

R. P. ANTONIUS LUSTYG *Assistens simulque
Rector Collegii Academici Polocensis.*

R. P. HIERONYMUS WICHERT *Assistens.*

R. P. JOANNES HOCHRICHLER *Assistens vide
pag: 5.*

R. P. ANDREAS CZYŻ *Assistens simulque Re-
ctor Coll: Petropolitani.*

R. P. Joannes Billy *Admonitor vide pag: 18.*

R. P. Josephus Korycki *Secretarius Societ:*

Mathias Swaracki *Adjunctus.*

R. P.
ALOYSIUS
LANDES
PREFOSITUS PROVICIALIS

die 1. Augusti 1809

P. Staniglaus Swiętochowski *Sollus R. P.
Provincialis. Consultor Provincia.*

CONSULTORES PROVINCIAE

R. P. Josephus Angiolini. *vid: pag: 5.*

P. Ignatius Brzozowski *vid: pag: 6.*

P. Mathias Olgdzki *vid pag 5.*

P. Georgius Chludzinski *Procur: Provincia.*

**Мнение Полоцкой иезуитской академии о производстве
в ученые степени от 24 декабря 1816 года № 565¹**

О степенях вообще

1. Поелику в высших науках по большей части зависит от надлежащего уразумения низших наук, посему никто в Полоцкой академии не допускается к слушанию академических курсов, как по довольном испытании, имеет ли он надлежащее познание начальных оснований наук, необходимо нужных к слушанию с пользой и разумению лекций в каждом факультете преподаваемых.

2. Всякая учёная степень, яко особенная милость Его Императорского Величества, даётся только тем, кои приносят с собой несомненные доказательства порядочного своего поведения, и притом окончили с успехом полный курс тех наук, из коих желают получить степень.

3. Никто из учащихся в академии не может быть удостоен степени магистра ни доктора, не получив прежде степени кандидата, равномерно никто не удостоится степени доктора, минуя степень магистра.

4. Всякий желающий удостоится какой-либо степени, прежде нежели получит от академии матерю для сочинения диссертации, или положения к защищению и задачи для будущего своего экзамена, должен явиться к декану того факультета, к которому он принадлежит по роду наук, и в присутствии его и профессоров оного ж факультета выдержать испытание, для показания, способен ли он дальнейшими опытами исполнить ожидание академии.

5. Требуемый степени кандидата подвергается строгому, хотя, впрочем, приватному испытанию, которое не продолжается более одного часа. Испытывают четыре экзаменатора, назначенные ректором академии, и дабы испытуемый удостоен был желаемой степени, необходимо, по крайней мере, трёх экзаменаторов похвальное мнение об успехе испытания. Означенное число одобрительных свидетельств, нужно тоже и для получения высших учёных достоинств.²

¹ Записано в реестре документов Полоцкой академии секретарем Иосифом Корицким. Место хранения документа: Правила для производства испытаний на ученые степени по отделению нравственно-политических наук // РГИА, ф.733, оп. 86, д. 419.

² Здесь в очередной раз подтверждается склонность полоцких иезуитов к сохранению первоначальных правил ордена и данных ему привилегий. Булла

6. Ищущий магистерского достоинства, должен сочинить одну диссертацию на латинском языке, о предмете, назначенном от академии, и защищать оную публично. Желаящий же получить докторскую степень, сочиняет две диссертации, из коих одна должна быть на латинском, а другая на отечественном языке, и представляет оные академии заблаговременно, дабы академия могла определить, которую именно должен он защищать во время публичного испытания.

7. Испытания возводимых в магистерское или докторское достоинство производятся не приватно, но публично, во время коего кроме четырёх экзаменаторов, назначенных ректором академии, дозволяется посторонним тоже учёным мужам делать противоположения. Почему предложенные испытываемому положения или тезисы к защите, заблаговременно выставлены будут публично, дабы посторонние тоже учёные люди могли читать оные удобно. Магистерский экзамен продолжается два часа, докторский – два часа поутру и столько же по полудню.

8. Изю всех наук, философских ли или законоискусственных, богословских или из канонического права, материя для держания экзамена должна состоять из 20-ти пунктов для степени кандидата, из 40-ка для степени магистра, и, наконец, из 60-ти для степени доктора. Пункты заключают в себе или Положения, то есть тезисы, защищаемые логическим образом, или задачи, решаемые ответами по роду предмета.

9. Если приватный экзамен в присутствии декана, или диссертация, или публичное испытание не удостоится похвального экзаменаторов мнения, в таком случае ищущий учёной степени оставляется до следующего года, дабы он между тем имел время лучше себя усовершенствовать в науках. Если же и вторично не будет соответствовать ожиданиям академии, то таковой лишается права просить в третий раз учёной степени в том же факультете.

10. Всем вышеозначенным постановлениям подвергаются те, кои обучаются в Полоцкой академии, или в училищах под её управлением состоящих. Но если бы кто в каком-либо другом месте, вне академии обучался с успехом или учил философию, богословие или правоведение с отличной похвалой, то таковой учёный муж, может удостоиться магистерской степени без выше прописанных

от 22 октября 1552 г. наделила орденом широкими правами в части присвоения ученых степеней. В частности, в булле говорилось о праве ректора с согласия трех докторов дать ученую степень ученику коллеги.

правил и дальнейших испытаний и даже докторской степени, однако ж в сем случае должен сочинить такую диссертацию, которая бы академией была признана достойной напечатания.

О степенях из философского факультета

11. Дабы кто был допущен к слушанию философии в академии преподаваемой, такому предварительно нужно знание латинского языка, познание поэзии и риторики, к которым бы он прилежал, по крайней мере, два года, притом знание географии, начальное познание священной и светской истории, арифметики, алгебры и геометрии.

Курс философии оканчивается в течении трёх лет.

Первого года преподаётся логика руководствующая, диалектика, антология, психология, космология, естественное богословие, нравоучительная философия, право естественное, право народное и политическое. Из математики, после повторения алгебры и геометрии, преподаются обе тригонометрии. Из естественной истории – зоология и ботаника.

Второго года изъясняется теоретическая и опытная физика и химия. Из естественной истории – минералогия. Наконец, из высшей математики: сечения конические и дифференциальное и интегральное исчисление.

Третьего года проходится прикладная математика, а именно: статистика, механика, баллистика, гидростатика, гидравлика, астрономия, акустика, оптика, катоптрика, диоптрика, теоретическая и практическая астрономия, математическая география, хронология, гномоника и, наконец, гражданская и военная архитектура.

13. Из числа упомянутых наук, главные суть следующие: логика руководствующая, диалектика, вся метафизика, вся физика, чистая и прикладная математика и химия, прочие же суть менее главные.

14. Для получения степени кандидата, материя к испытанию предлагаемая ректором академии, включает 15-ть пунктов взятых из главных наук, и 5-ть из менее главных. Для магистерского достоинства полагается 30-ть пунктов взятых из главных, 10-ть

же из минералогии и прочих менее главных наук. Наконец, для получения докторского достоинства предлагается 45-ть пунктов из главных предметов, прочие же 15-ть заключают минералогию, гражданскую и военную архитектуру, и другие предметы сего рода к философскому факультету относящиеся.

О степенях из гражданского права

15. Те только студенты будут допускаемы к слушанию лекций гражданского права, кои, по крайней мере, в течение двух лет обучались философским наукам.

16. В курсе правоведения заключаются преимущественно: право естественное и народное, право римское, право российское и польское, наконец, права других тоже народов. Сверх того преподаются тут же и другие так называемые вспомогательные науки, как то: начальные познания канонического права, политическая экономия, дипломатика и всемирная история.

17. Желаящие получить какую степень из правоведения, по выдержании испытания в присутствии декана, будут иметь такое же число пунктов для будущего своего экзамена как их главных, так и из вспомогательных наук, какое выше сего прописано было для желающих получить степень из философского факультета.

О степенях из богословского факультета

18. Как к изучению правам, так равно и к слушанию богословия допускаются те токмо кои, по крайней мере, два года обучались прилежно философским наукам.

19. Главным предметом сего факультета есть догматическое богословие, заключающее в себе 8-м трактатов. Два профессора ежегодно проходят два трактата, и потому полный курс богословия оканчивается не прежде, как по истечении четырёх лет. Сверх того, преподаются и вспомогательные науки, а именно: нравоучительное богословие, священное писание и церковная история.

20. Окончивший полный курс сих наук, и требующий степени является к декану и профессорам сего факультета, кои еже-

ли найдут его способным к надлежащему держанию экзамена для получения степени кандидата, то ищущий получает для оно-го экзамена 15-ть пунктов из вышесказанных 8-ми трактатов, и 5-ть из вспомогательных наук. Для получения степени магистра надлежит выдержать экзамен из 30-ти пунктов, взятых из главного предмета, и из 10-ти, взятых из вспомогательных. Наконец, для получения докторской степени назначаются 45-ть пунктов из всеобщего богословия, и 15-ть из священного писания, нравоучительной богословии и церковной истории.

О степенях из канонического права

21. Желających начать учение канонического права, кроме наук нужных услужению богословия, неотменно также надлежит иметь довольные сведения в богословских науках.

22. Наука канонического права содержится в 5-ти книгах уставов *Libri Decretalium* называемых: сии книги разделённые на три части, изъясняются в Полоцкой академии в продолжении трёх лет, и составляют главнейший предмет сей науки. Сверх того преподаются тут же и вспомогательные предметы, как то: священное писание и церковная история.

23. Порядок коему следовать должен желающий получить степень из канонического права, есть тот же самый, который прописан и для желающих получить богословскую степень, так равно как и образ, и число пунктов назначаемых для экзамена».

RATIO STUDIORUM¹

ПРАВИЛА РЕКТОРА

1. Поскольку наше Общество охватывает в своем обучении коллегииумы и университеты, ректор озаботиться твердыми добродетелями и монашеским призванием нашим; будет заботиться об их влиянии в деле устройства и овладения наукой и всем тем, что необходимо для блага душ; и что они в состоянии в последующем передавать друг другу. Он вложит свою заботу в наше Общество, с помощью Бога поможет нам достичь цели, которая состоит в основании коллегииумов.

2. Он будет руководить учением, будучи префектом занятий, которые дадут всем возможность исполнять надлежащим образом обязанности по своей должности.

3. Он приведет в порядок и объединит все то, что поощряет и развивает всякие литературные упражнения. Время от времени он будет посещать классы, даже начальные; он будет помощником частых публичных и частных споров философов и теологов, и он будет наблюдать за тем, что может препятствовать хорошим результатам этих упражнений.

4. Он никоим образом не будет поддерживать неверные дискуссии или их повторения для того, чтобы все учащиеся понимали, насколько велико значение этого упражнения для них; он позволит устранить все то, что может создавать препятствие.

5. Он по возможности наставляет в церквях и монастырях женщин, которые в продолжение двух лет заучивали теологию; тем не менее, он будет проводить консультации по этому поводу с Провинциалом.

¹ Перевод с французского издания Compagnie de Jésus. Programme et règlement des études de la Société de Jésus: comprenant les modifications faites en 1832 et 1858 / trad. par H. Ferté,.... 1892. – s. 144. Перевод осуществлен Богоненко В. А. с сокращениями по тексту. Французский текст Ratio Studiorum выбран для перевода как наиболее точная версия подлинного текста, изначально изложенного на латинском языке. Ratio Studiorum – первоисточник, который предоставляет уникальную возможность ознакомиться с реально существовавшими правилами обучения в Полоцкой академии. В данном издании помещены также ссылки на измененную редакцию отдельных пунктов, тех, которые редактировались уже после принятия Ratio Studiorum в 1599 году (В. Б.).

6. Если ординарных профессоров философии или теологии будет недоставать, то это станет основанием для того, чтобы их должности замещались некоторыми из теологов, которые также будут в случае надобности присутствовать на месте преподавателей, повторений и внутренних диспутов, а кроме того, они могут с разрешения Провинциала временно читать лекции.

7. Он будет гарантировать среди нашего общества ученых язык древнееврейский и греческий, изучением которых занимаются перед каникулами два или три раза в неделю, и могут также в частном или публичном порядке выступать, поддерживая честь этих языков.

8. Он будет внимательно наблюдать внутри коллегіума за использованием своими схоластами латыни; он не освобождает от обязанности говорить на латыни, если это только не каникулы или выходные дни; в некоторых странах провинциал берет на себя роль судьи, который может легко, даже на время отдыха и каникул сохранить употребление латинского языка. Он будет также гарантировать, что все те, кто еще не завершил обучение, будут писать на латыни. Кроме того, два или три раза в год, когда будет какая-то большая церемония, такая как обновление или вхождение в классы, философы и теологи составляют стихотворения и декламируют их.

ПРАВИЛА ПРЕФЕКТА КЛАССОВ

1. В общих чертах, долг префекта классов – быть орудием ректора для хорошего устройства занятий, регулирования и управления нашими классами согласно полномочиям, которые ему даны, для того, чтобы ученики трудились для славы Божией, возможно, большего успеха в следовании честной жизни, в свободных искусствах и во всем том, чему их учат.

2. Если случайно есть канцлер, отличный от префекта, провинциал посмотрит, каковы общие правила у этих двух должностных лиц, ибо каждый из двоих имеет отличия, следующие обычаю и уставу каждой академии.

3. Префект никогда не изменит установленный порядок обучения; он не будет принимать другие положения, но если необходимо принять новые положения, он будет ссылаться на настоятеля.

4. Книга, устанавливающая правила обучения (*Ratio Sudiorum*) ему будет знакома; он будет заботиться о том, чтобы

эти правила соблюдались всеми студентами и преподавателями, в основном те, которые относятся к учению Св. Томаса² для теологов и прописывают выбор мнения философов. Это обеспечит защиту им (т. е. префектом. – В. Б.) Конституций.

5. Он отзывает всякого преподавателя философии и казуистики, если кто-то отстает по его курсу, затем, что он должен наверстать потерянное время и закончить изучаемые предметы, которые установлены для каждого года обучения.

6. Префект обучения руководит всеми спорами, оказывая содействие преподавателям теологии и философии; он дает оппонентам знак завершать спор и оставляет время для того, чтобы учащиеся могли дискутировать друг с другом. Он не допускает того, чтобы диспут продолжался дальше, прежде чем не будут разрешены все трудные вопросы. После завершения диспута он позаботится о том, чтобы разъяснить всем суть вопросов. Он не будет аргументировать решения, но он будет управлять процессом аргументации и следить за вопросами, и от этого будет большая польза, если удастся преодолеть трудности, даже не споря (хотя это иногда и полезно), но с помощью расспросов.

7. Своевременно уведомлять настоятеля, созывая и назначая преподавателей после того, как выслушает тех, кто должен защищать полную диссертацию по теологии или частично по теологии, а те, кто не представит к защите диссертацию по теологии в течение двух лет, должны защитить акт³ на четвертом году их обучения или на третьем году, если только недостаточно учащихся на четвертом году обучения, и это в городах или при посещении не публичных занятий по теологии, но внутри наших домов. Приглашает людей не из Общества присутствовать при защите диссертаций, которые проходят в торжественной обстановке. Он не допускает без необходимости к защите общих актов тех, кто защищает акты частные; может выбрать тех, кто отличается дарованием и заслугами, а также тех, кто должен будет повторить защиту по теологии в течение двух лет, и они будут защищать свои акты в течение двух лет.

² Имеется ввиду учение Фомы Аквинского.

³ Здесь и далее в зависимости от смысла термин «акт» может пониматься как диссертация или самостоятельный труд по какой-либо дисциплине, который требуется защитить, поддержав аргументами перед собранием наиболее опытных и авторитетных преподавателей, докторов, отцов-иезуитов (В. Б.).

8. Префект будет распределять каждому, с согласия преподавателей, тему частных актов, которые будут составлять четыре части теологии. Эти акты будут не слишком часты, но с определенными интервалами, и их продолжительность будет составлять не менее двух часов. Это будет утром, или только, начиная с обеда, будет не менее трех аргументаций, и одна из которых, как правило, доктора.

ПРАВИЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

1. Он должен понимать, что его главная обязанность состоит в благоговейном, осторожном, серьезном объяснении Писания после познания его истинного смысла и буквы, чтобы обеспечить веру в Бога и правила чистой морали.

2. Помимо всего прочего, он будет в основном ориентирован на защиту толкования, одобренного Церковью.

3. Он будет следовать подлинным выражениям и образам Священного Писания для того, чтобы понять их истинный смысл и тщательно их сравнивать не только с предшествующим и последующим, которые он изучил, но чтобы понять еще и другие места или такие же выражения, не имеющие того же самого смысла.

4. Он опирается на это, но не останавливается долго на греческих и древнееврейских изданиях, и это будет точно так же, как будут разногласия между версиями древнееврейского, греческого и латинского варианта под названием *Vulgatae*;⁴ или когда идиомы других языков служат прояснению трудности и дают истинный смысл.

5. Он не преминет опровергнуть благовидные ошибки других наиболее заметных современных версий – Халдейской, Сирийской, *Theodotien*,⁵ *Aquila*, *Symmaque*. Не пренебрегая настойчивостью, он будет рекомендовать латинское издание *Vulgatae* и укрепит нашу веру в Святое Таинство.

⁴ Имеется ввиду *Vulgatae* (латинский язык) – название латинского перевода Священного Писания или *Biblia Vulgata* («Общепринятая Библия»).

⁵ Известное наименование из церковной истории, относящееся к теме противоречивости взглядов на Священное Писание.

ПРАВИЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

1. Он должен понимать, что цель его учения – не делать отступления в область теологии, но объяснить быстро, серьезно и тщательно основные главы этики, скрытые в десяти книгах *Этики* Аристотеля.

2. Преподаватель моральной философии будет излагать самые трудные вопросы этой науки, и посвящать ей все свои дни, по три четверти часа или по полчаса.

3. Он будет повторять этику, по крайней мере, каждые четырнадцать дней во время, установленное ректором, а также и тогда, когда будет отменять для этого повторения метафизики.

4. Когда изучающие метафизику либо самостоятельно, либо в классе, ведут ежемесячные диспуты, некоторые положения всегда будут связываться с положениями этики, и доводы метафизики будут обсуждаться четверть часа.

ПРАВИЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА⁶

1. Его главная цель состоит в том, чтобы правильно объяснить церковные законы и защищать при любых обстоятельствах справедливость и власть этих законов.

2. Продолжительность занятий составляет приблизительно два года. Преподаватель определит способ объяснения, тем не менее, соответствующий обычаям страны, в течение первого года изучают книги 1, 2 и 5 *Décrétales*, и в течение следующего года – книги 3 и 4.⁷

3. Хотя предмет этого курса не относится к тому, что относится к теологии и публичному праву, он, однако, будет обстоятельно говорить, исходя из требований обстоятельств, потребностей страны, или если также обнаруживается точное толкование правил.

⁶ В издании «*Ratio Studiorum*» 1599 года отсутствовал данный раздел и был включен в правила уже гораздо позднее (*В. Б.*). Поскольку в Беларуси право как университетскую дисциплину стали впервые преподавать в Полоцкой академии, ознакомление с этим разделом представляет собой большой интерес.

⁷ Имеются ввиду *Décrétales les Clémentines* как один из важнейших источников канонического права (*В. Б.*). Более подробно см.: Богоненко, В. А. Кодекс Наполеона. Историко-правовой аспект / В. А. Богоненко. – Минск: А. Вараксин, 2014. – 244 с.

4. Большую часть времени разрабатывает вопросы канонического права за пределами схоластической формы и присоединится к схоластике, когда возможность представит некоторые случаи, тогда студенты будут высказывать свое решение.

5. Каждые две недели занятий присоединяется, дискутируя, к какому-нибудь ежемесячному заключению или диссертации, написанной по каноническому праву.

ПРАВИЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РИТОРИКИ

1. Можно легко определить, какова степень знаний в этом классе. Риторика – идеальная форма красноречия, которая включает в себе две важные способности: ораторское искусство и искусство поэтики. Из этих двух способностей первое место принадлежит ораторскому искусству. Оно направлено не только на пользу, но это еще эlegantность и украшение стиля. В целом можно сказать, что риторика включает три вещи: заповеди, стиль и эрудицию.

Хотя возможно обращать внимание на все заповеди риторики и соблюдать их, однако, он будет предварительно каждый день объяснять произведения по риторике Цицерона, риторике Аристотеля и поэтике, если он найдет ее полезной.

Стиль Цицерона – это то, единственное, что мы должны принять (хотя у нас есть некоторые отличные поэты и историки). Все труды Цицерона созданы в присутствии ему стиле, надо, тем не менее, объяснить, что ораторское искусство будет видно при диспуте или на практике. И, наконец, эрудиция достигается посредством изучения, но с умеренностью, истории народов, воспоминаний прошлого времени, – всех наук, и это все будет доступно учащимся.

2. Время будет распределено следующим образом:

В первый утренний час классных занятий преподаватель будет исправлять краткие задания декурионов.⁸ Во время исправления будут различные упражнения, более основательные (5 правил), и будут повторять предыдущую лекцию.

Второй час утреннего класса будет посвящен вступлению к правилам, если вечером он должен объяснить диспут или, на-

⁸ Ученики класса, как правило, наиболее способные и дисциплинированные, назначаемые преподавателем для выполнения каких-либо поручений, связанных с изучением отдельных предметов.

борот, будет посвящен вступлению к диспуту, если вечером он должен объяснить правила; единственное требование состоит в том, что такого порядка должны придерживаться на протяжении всего года. Затем повторить то, что было изложено, и, в случае необходимости, подсказать тему для диспута или стихотворения; он должен диктовать предмет диспута или стихотворения; если осталось время, то посвятить его консультации или рассмотрению письменных упражнений первого часа.

ПРАВИЛА ПОМОЩНИКА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИЛИ ПЕДЕЛЯ⁹

1. Его обязанность – тщательно выполнять все распоряжения преподавателя, особенно те, которые касаются классных упражнений.

2. Он будет заботиться о том, чтобы класс и кафедра преподавателя всегда были очень чистыми; чтобы какие-либо таблицы были удобно развешены, и чтобы достаточно было скамеек, которые всегда чисты и удобно расположены. Он приведет в хорошее состояние то, что было повреждено или разрушено.

3. Он уведомляет о времени, когда должен проводиться диспут, повторять, поддерживать диссертации и делать также все другое, что сочтет необходимым сделать преподаватель.

4. Он предупредит заранее, за семь дней тех, кто должен поддерживать еженедельные тезисы; он будет заботиться о том, чтобы эти тезисы были записаны в предписанное время. Прежде он передаст написанное и исправленное преподавателю, а затем – префекту для проверки. Когда они будут проверены и исправлены, он предупредит тех, кто должен поддерживать тезисы, доставив необходимое количество экземпляров. Накануне и утром он вывесит тезисы, которые должны поддерживаться, хорошо переписанный экземпляр этих тезисов. Он будет распространять другие экземпляры тем, кто должен участвовать в защите.

ПРАВИЛА АКАДЕМИИ

1. Под академией мы понимаем собрание людей прилежных, одушевленных большим благочестием, взятых из всего

⁹ От фр. *le bedeau* – церковный сторож или *уст.* педель.

собрания схоластов под председательством Префекта нашего Общества для того, чтобы предаться частным упражнениям кающихся знаний.

2. Часть этого собрания – все те, кто принадлежит к Конгрегации Пресвятой Девы, а также те, кто вступает в нее, также верующие, если они посещали наши классы. Если так решит ректор, остальные смогут принимать других членов, которые не принадлежат к Конгрегации и не входят в число наших схоластов.

3. Академики должны увлекать за собой всех остальных своей христианской добродетелью, благочестием, прилежанием в учебе, соблюдением правил учебы и примером хорошего поведения, которым они обладают.

4. Ректор поставит во главе каждой академии способного управляющего из числа преподавателей или других членов нашего Общества.

5. Теологи и философы могут образовать только одну академию; другую найдут для себя риторики и гуманисты; в третьей – все филологи, если они не слишком многочисленны и их знания слишком неодинаковые, для того чтобы быть в состоянии заниматься одними и теми же упражнениями.

6. Благодаря усидчивости академиков и рвению, которое они демонстрируют в течение многих лет, академия показывает хорошие результаты. Поэтому, если некоторые члены академии отсутствуют слишком часто и отказываются принимать участие в исполнении своих обязанностей, особенно если они досаждают другим, являясь причиной их неприятностей и ссоры, они будут исключены из академии.

ПРАВИЛА ПРЕФЕКТА АКАДЕМИИ

1. Он должен обеспечить достижение академиками благочестия и не только в учении; например, он будет стремиться к достижению достоинств и испытаниям, когда представится такая возможность.

2. Он будет заботиться о том, чтобы строго соблюдались правила академии, и он потребует от академиков усидчивости в их ежедневных упражнениях.¹⁰

¹⁰ Впоследствии из новой редакции правил были исключены слова «ежедневные» (В. Б.).

3. Это гарантирует, что все академики принимают участие, когда это возможно, в выполнении различных упражнений.

4. Он будет отвечать за исполнение обычаев и не будет вводить новых без разрешения ректора. Он не будет делать ничего важного, не сообщив прежде об этом ректору, и усердно будет выполнять все то, что было предписано.

Научно-популярное издание

Богоненко Владимир Антонович

ПОЛОЦКАЯ АКАДЕМИЯ. 1812–1820

Ответственный за выпуск А. Н. Вараксин

Подписано в печать 18.01.2017. Формат 60 x 84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 9,07. Уч. изд. л. 6,85.

Тираж 50 экз. Заказ 3.

Издатель и полиграфическое исполнение:
индивидуальный предприниматель А.Н. Вараксин.
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/99 от 02.12.2013.

e-mail: artmanager3@mail.ru